

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабулин В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 03.12.2014
Формат 70х108¹ /₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 4 (46), 2014

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	4
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ THEORY AND METHODOLOGY OF RESEARCH	
Бабурин В.Л. Взаимосвязь расселения и размещения производства	5
Baburin V.L. Interrelation between population settlement and spatial distribution of production	
Даньшин А.И. Современные тренды и приоритетные направления развития отечественной агрогеографии	17
Danshin A.I. Contemporary trends and priorities within the progress of domestic agricultural geography	
Савоскул М.С. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования	28
Savoskul M.S. Migration study in social geography in Russia: interdisciplinary approach	
Шупер В.А. Территориальная самоорганизация общества как область исследований и учебная дисциплина	40
Shuper V.A. Society spatial self-organization as a research field and university course	
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ RESEARCH METHODS	
Битюкова В.Р. Интегральная оценка экологической ситуации городов России	49
Bitukova V.R. The integral estimation of ecological situation of Russian cities and towns	
Гладкевич Г.И. Экономико-географический подход к оценке территории в природопользовании	57
Gladkevich G.I. Economic geographical approach to assessment of the territory in nature management	
Попов А.А. Пространственно-временной анализ факторов ценообразования на рынке жилой недвижимости Москвы	70
Popov A.A. Spatiotemporal analysis of key factors for residential real estate estimates in Moscow	
ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ PRACTICE RESEARCH	
Алексеев А.И. Человек и природа в развитии сельской местности Нечерноземья	81
Alekseev A.I. Man and nature in the process of Non-chernozem zone rural areas development	
Горячко М.Д. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов России на социально-экономическое развитие регионов	88
Goryachko M.D. Potential of large-scale investment projects in Russia for socio-economic development of the territory	
Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран	100
Zubarevich N.V., Safronov S.G. Spatial Inequality of Income in Russia and large Post-Soviet Countries	
Казьмин М.А. Земельный оборот в постсоветской России: территориальные особенности формирования и развития	110
Kazmin M.A. Land market in post-soviet russia: regional aspects of the formation and development	
Кузнецова О.В. Проблемы оценки федеральной инвестиционной политики как фактора регионального развития	125
Kuznetsova O.V. Problems of evaluation of federal investment policy as factor of regional development	
Махрова А.Г., Кириллов П.Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации	134
Makhrova A.G., Kirillov P.L. The 'Housing Dimension' of Contemporary Urbanization in Russia	

**ИСТОРИЯ НАУКИ
THE HISTORY OF SCIENCE**

Агирречу А.А. Становление и первые десятилетия развития кафедры экономической географии СССР (России) Московского университета: опыт историко-географического исследования	145
Aguirrechu A.A. Establishing and early decades of the Department of economic geography of the USSR (Russia) at Moscow University: a historico-geographical study	
Сведения об авторах	159
Указатель статей, опубликованных в 2014 году	160
Требования к представлению и оформлению материалов	164

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Этот номер журнала «Региональные исследования» составлен из статей сотрудников кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Редколлегия журнала пошла на этот исключительный шаг по нескольким причинам:

- во-первых, кафедра на протяжении десятилетий по многим позициям является ведущей в нашей стране среди кафедр экономико-географического профиля, в том числе как самый крупный и известный университетский центр в России по подготовке специалистов в области социально-экономической географии;
- во-вторых, профессора, доценты, научные сотрудники, аспиранты и даже студенты кафедры являются постоянными авторами оригинальных научных статей, публикуемых в нашем журнале;
- в-третьих, кафедра фактически является одним из учредителей журнала, а ее сотрудники не только входят в состав редакционного совета и редакционной коллегии журнала, но и активно участвуют в подготовке его номеров, включая рецензирование поступающих для публикации статей;
- и, наконец, в-четвертых, кафедра была основана в МГУ в 1929 г. классиком нашей науки – **Николаем Николаевичем Баранским** – и в эти декабрьские дни она празднует свое 85-летие.

Содержание представленных статей в целом отражает научные интересы сотрудников кафедры, этот номер журнала дает представление об основных направлениях исследований на кафедре экономической и социальной географии России МГУ. При этом часть из них носят концептуальный, обзорно-аналитический или методический характер, другие посвящены результатам конкретных исследований в разных областях социально-экономической географии. Особое место занимает раздел по истории становления кафедры. Отбор статей был достаточно жестким: они все без исключения прошли процедуру рецензирования и необходимую редакционную подготовку, а в некоторых случаях – и содер­жательную переработку.

В заключение от имени редакционного совета и редакционной коллегии журнала хочу поздравить весь коллектив кафедры экономической и социальной географии России МГУ со славным юбилеем и пожелать ему дальнейших творческих успехов на благо нашей науки!

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бабурин В.А. (Москва)

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАССЕЛЕНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Baburin V.L.

INTERRELATION BETWEEN POPULATION SETTLEMENT AND SPATIAL DISTRIBUTION OF PRODUCTION

Аннотация. В статье рассматривается пространственная взаимосвязь между внутренним строением региональных систем расселения и выполняемыми ими социально-экономическими функциями. Целью является построение объединенной модели расселения и размещения на основе моделей пространственного анализа и производственных функций. Предлагается объединение этих двух классов моделей для оценки взаимосвязи плотности и структуры расселения с экономическим потенциалом территории для целей прогнозирования социально-экономического развития регионов.

Abstract. The article considers the spatial relationship between the internal structure of regional systems of settlements and that it performs production functions. The aim is to build a unified model spread and location-based models of spatial analysis and production functions. Offers a combination of these two classes of models to assess the relationship density and settlement structure with the economic potential of the territory for the prediction of socio-economic development of regions.

Ключевые слова: пространственные модели расселения, производственные функции, система расселения, регионы России.

Keywords: spatial models of settlement, production function, settlement system, Russia regions.

Введение. В современной экономической географии сложился и нарастает разрыв между исследованиями в производственной и непроизводственной сферах и расселением населения. А между тем в реальной действительности все процессы сильно связаны, и эта взаимосвязь имеет волновой не жестко детерминированный характер. При этом крайне сложно определить, что является аргументом, а что является функцией. Можно выдвинуть гипотезу, что в рамках развития цивилизации эти две важнейшие подсистемы производства и расселения попеременно меняются местами – ведущий становится ведомым и наоборот.

В настоящее время существует достаточно широкий класс моделей, описывающих состояние территориальных систем расселения. При этом, как правило, отдельно рассматриваются их демографическая и экономическая составляющие, а внутри расселенческой составляющей – отдельно городское и сельское население.

Не претендуя на всеобъемлющий обзор публикаций по данной проблематике, остановимся лишь на тех, которые наиболее значимы для последующих построений. Одним из первых русских ученых, подошедших к созданию моделей географии городов был В.П. Семенов-Тянь-Шанский, который в работе «Город и деревня в Европейской России» (1910 г.) предложил «географический закон», согласно которому город своеобразный центр планетарной системы, вокруг которого на некоторых расстояниях возникают города меньших размеров, находящиеся в экономической зависимости от него. Примерно в эти же годы (1913) Ф. Ауэрбах установил закономерность, что численность населения любого города равна численности жителей крупнейшего города, деленного на порядковый номер (ранг) первого. Позднее Д. Ципф распространил эту модель на более широкий круг видов человеческой деятельности, сформировал правило Ципфа «ранг-размер», согласно которому население n -го

по размеру города (Nr) составляет $1/n$ от числа жителей самого крупного города:

$$Nr = N_1 / r,$$

где r – ранг данного города, Nr – численность населения города ранга r , N_1 – численность населения самого крупного города.

К классическим работам моделирования городского расселения можно отнести статью Ю.В. Медведкова «О размерах городов, объединенных в систему» [10]. Он предложил формулу:

$$P_j = \kappa^{-1} \cdot P_1 \cdot J^{-b},$$

где P_j – людность j -го города в ранжированном ряду; P_1 – людность «первого» города; параметры r и b – константы, отражающие характеристики данной конкретной системы и вместе с коэффициентом корреляции служит формальной «математической моделью структуры системы городов». Как правило, формула Ципфа использовалась для ранжирования городов и лишь в единичных случаях сельских поселений [2].

В настоящее время многими учеными (С.М. Гусейн-Заде, А.А. Павлов и др.) показано, что закон Ципфа носит вероятностный характер, а отклонения связаны с естественно-историческими и социокультурными особенностями территории [5].

Классической работой в области типологии сельских поселений является монография С.А. Ковалева «Сельское расселение»: исследование проводится по критерию людности – комплексного показателя, отражающего экономические, исторические и расселенческие особенности населённого пункта. Людность во многом определяет образ жизни людей в поселении, и С.А. Ковалёв выделяет в СССР соответствующие типы сельского расселения [7].

Идеи взаимосвязи городов различной людности были структурированы в пространственной модели В. Кристаллера (1933 г.), впервые ориентированной на оптимизацию систем расселения на практике, в которой была изложена теория оптимального размещения городов, базовыми понятиями которой являются центральное место, дополняющие районы, конус спроса. У Кристаллера в размещении городов существует четкая зависимость между их размерами и уровнем развития функций центра розничной торговли.

Из более современных работ, развивающих данное направление, следует выделить

подходы к моделированию и количественной оценке городского расселения В.А. Шупера, где он предлагает синтез синергетики и теории центральных мест Кристаллера [13]. В них он доказывает, что при переменном значении доли центрального места, в населении обслуживаемой им зоны, в верхних уровнях иерархии население центрального места будет в 2 раза меньше, чем население каждого из подчинённых ему селений, что крайне маловероятно. Первый связан с постоянством доли центрального места в населении своей зоны на всех уровнях иерархии. Второй парадокс, о котором говорит В. Шупер – невозможность описания с помощью модели Кристаллера эффекта агломерации. Он возникает в результате сдвига центров уровня m к центрам уровня $m-1$, а так же в оскудении спектра его услуг. В такой системе выгоду получают как центры m , так и центры $m-1$: крупные города развиваются за счёт трудовых ресурсов своих городов-спутников, а мелкие города быстрее всего получают доступ к новшествам при диффузии инноваций. Больше всего при таком раскладе страдают центры $m+1$, т.к. из-за сдвигов центров m в сторону крупного центра, они испытывают дефицит в услугах, и население вынуждено мигрировать в центры m и $m-1$, что приводит к образованию депрессивных районов вблизи крупных центров. Можно высказать гипотезу, что аналогичный эффект оказывает формирование территориально-производственных комплексов различного иерархического уровня на экономическое пространство, когда они стягивают на себя трудовые и природные ресурсы, обескровливая окружающие территории и ведя к деградации, в том числе и систем расселения в зоне их влияния.

Решение проблемы В. Шупером было найдено в механизме искривления пространства идеальной кристаллеровской решётки, при котором она прогибается под тяжестью ядра агломерации. За счёт этого центры второго порядка совмещаются с тем самым ядром, а центры третьего порядка образуют сильное сгущение вокруг ядра, если спроецировать получившуюся картину на плоскость (с поправкой на силы взаимного отталкивания между городами одного уровня иерархии). Отсюда и название модифицированной теории – релятивистская теория центральных мест [12].

В такой системе не выполняется уравнение Бекманна-Парра (т.к. k не является константой), которое описывает соотношение между размерами центральных мест смежных уровней иерархии:

$$\frac{P_m}{P_{m+1}} = \frac{K - k}{1 - k},$$

где P_m – людность центрального места уровня иерархии m , P_{m+1} – людность центрального места уровня иерархии $m+1$, K – тип иерархии, k – доля центрального места в его зоне влияния [13].

Введенное В. Шупером понятие изостатического равновесия позволило выявить функцию пропорциональности между характером территориальной организации городского расселения и пропорцией населения между различными уровнями иерархии [13]. Уровни иерархии подразделяются на тяжёлые и лёгкие. Первые – там, где численность населения больше, чем в соответствии с идеальной решёткой, вторые – наоборот. Очевидно, что для сохранения равновесия тяжёлые уровни будут сдвигаться к периферии, а лёгкие – к главному центру. Тогда условие изостатического равновесия системы расселения (между лёгкими и тяжёлыми уровнями) будет определяться выражением:

$$\sum_n \frac{R_n^t}{R_n^e} = m - l - c,$$

где R_n^t – теоретический радиус (соотношение реального и теоретического населения по каждому уровню), R_n^e – эмпирический радиус (соотношении реального и теоретического расстояния между главным центром и центром каждого ниже лежащего уровня), m – число иерархических уровней в системе центральных мест за вычетом первого, c – число «выпавших» уровней при условии концентрации. Без члена c уравнение применимо к обычной кристаллеровской решётке [13].

Можно предположить, что классическая и релятивистская теории центральных мест есть два полярных варианта, а большинство реальных систем расселения описываются промежуточными моделями. На основе развёрнутого анализа выражения изостатического состояния и самой системы расселения можно прогнозировать её развитие и выявлять новые «точки роста», что актуально в современной российской экономике (например, размещать новые производства там, где

это будет наиболее рационально с точки зрения «достраивания» местной системы расселения до изостатического равновесия).

Однако автору статьи ближе идеи А. Леша [9], который представил более сложную модель размещения городов. Им предложена теория размещения производства (как правило, привязанного к городам) в условиях рыночной экономики. Он обобщил более ранние работы в области размещения хозяйства (И. Тюнена, В. Лаунхардта, А. Вебера и др.), создав концепцию экономического ландшафта, в котором определяющим фактором являются сбытовые зоны предприятий разного уровня, образующие сеть экономических районов с узлами в городах. Главным отличием модели Леша, от Кристаллеровской теории является ориентация на рыночное равновесие, а не механистические соотношения «идеальных понятий» плановым предписанием, фактически она представляет собой модель территориальной самоорганизации общества и его экономической жизни.

Формулирование единой концепции расселения и размещения хозяйства.

В основе предлагаемой интерпретации единой системы расселения сочетающейся с выполняемыми ею производственными функциями лежит системная парадигма. Согласно П. Хаггету, в географии рассматриваются открытые системы («узловые районы»), которые, по Р. Дж. Чорли характеризуются притоком энергии извне, поддержанием гомеостаза, за счет механизмов саморегуляции, сохранением оптимальных значений величин в течении длительного периода их форм организации, без стремления к состоянию с максимальной энтропией, сходными конечными результатами развития, вне зависимости от начальных условий. Иными словами любая природно-хозяйственная территориальная система складывается под воздействием двух компонент: природной и социально-экономической. При этом между ними наблюдается сложное взаимодействие, когда проекция экономической организации территории на ее природно-ресурсный потенциал приводит к изменению первой, а по мере развития производительных сил общества и роста плотности населения непосредственный вклад природных условий уменьшается. Это связано с увеличением демографической ёмкости территории, которая возрастает в свя-

зи с появлением на данной территории более производительных технологий, увеличением числа переделов, диффузии инноваций. В итоге, наблюдается перманентное снижение влияния природного фактора, особенное с началом индустриальной эпохи¹. При этом происходит как качественная, так и количественная трансформации, растет как размер, так и число населённых пунктов. В совокупности это приводит к изменению иерархической структуры и «базиса» системы расселения.

Тем не менее, и сегодня расселение довольно тесно связано с природной компонентой, отражающейся в генезисе поселений [4]. Большая часть населённых пунктов появилась в те времена, когда природное воздействие на хозяйство было очень велико (аграрная эпоха), а расселение является такой системой, состояние которой в момент времени t_n сильно зависит от её состояния в t_{n-1} . Так, многие города располагаются на крупных или средних реках – результат того, что поселения возникли в то время, когда они были главными транспортными путями и источниками воды. В индустриальную эпоху долины рек (левобережья) стали основными районами концентрации крупных промышленных предприятий нуждающихся в обширных плоских территориях. В целом природная компонента есть комбинация многих факторов порождающих ландшафт. По мере нарастающей его трансформации общественными процессами, ландшафт преобразуется в антропогенный, техногенный (у Шальнева природный, природно-культурный, культурно-природный, культурный) и т.д. В предельных случаях роль «прямых» природных процессов стремится к нулю (крупнейшие города, агломерации).

Общая концепция модели. В отличие от природной, экономическая составляющая демонстрирует рост влияния на систему расселения. Рассмотрим динамику процесса взаимосвязи расселения с хозяйственной деятельностью с позиции технологических циклов [1, 4].

Под технологическим циклом (ТЦ) понимается совокупность относительно устойчивых типических производственных процессов (совокупность господствующих на

данном историческом этапе технологических процессов и соответствующих им структур) преобразующих природные ресурсы в культурные ценности. В них сконцентрированы тысячи и тысячи инноваций, под которыми понимается любое общественно-признанное новшество, как в производственной и непроизводственной сферах, так и в расселении и в личной жизни граждан [1, 3].

В каждом цикле можно выделить несколько стадий, последовательно развертывающихся под влиянием развития общества:

- первичная: адаптация природных ресурсов к стандартной технологии;
- вторичная: изменение свойств природных ресурсов на основе стандартной технологии;
- третичная стадия: приведение продукции цикла к требованиям ТЦ следующих порядков.

Сама идея ТЦ, это адаптированный к современности вариант концепции ЭПЦ Н.Н. Колосовского [8]. Можно выделить 3 базовых типа ТЦ с которыми преимущественно непосредственно связана система расселения (рис. 1):

- ТЦ первого порядка – те, что изымают сырьё непосредственно из природной среды (сельское, лесное и охотничье хозяйство, горнодобывающая промышленность и др.)
- ТЦ второго порядка – те, что используют в качестве сырья продукцию ТЦ первого порядка (обрабатывающая промышленность, строительство и др.)
- ТЦ третьего порядка – те, что утилизируют результаты деятельности других ТЦ, включая технологии использования вторичного сырья, снижающие прямое давление (загрязнение) на природу
- ТЦ n-ного порядка – последующие переделы осуществляемые в сферах услуг и личного потребления (которые в рамках данной статьи затрагиваются лишь косвенно).

Понятно, что с развитием производительных сил ТЦ усложняются, становится меньше циклов первого порядка и активно развиваются циклы второго, третьего и последующих порядков. Основная тенденция при этом – снижение роли природных фак-

¹ В данном случае имеется ввиду прямое воздействие элементов природно-ресурсного потенциала территории, в то время как косвенное воздействие сохраняется и, как правило, описывается сложно-периодическими циклами.

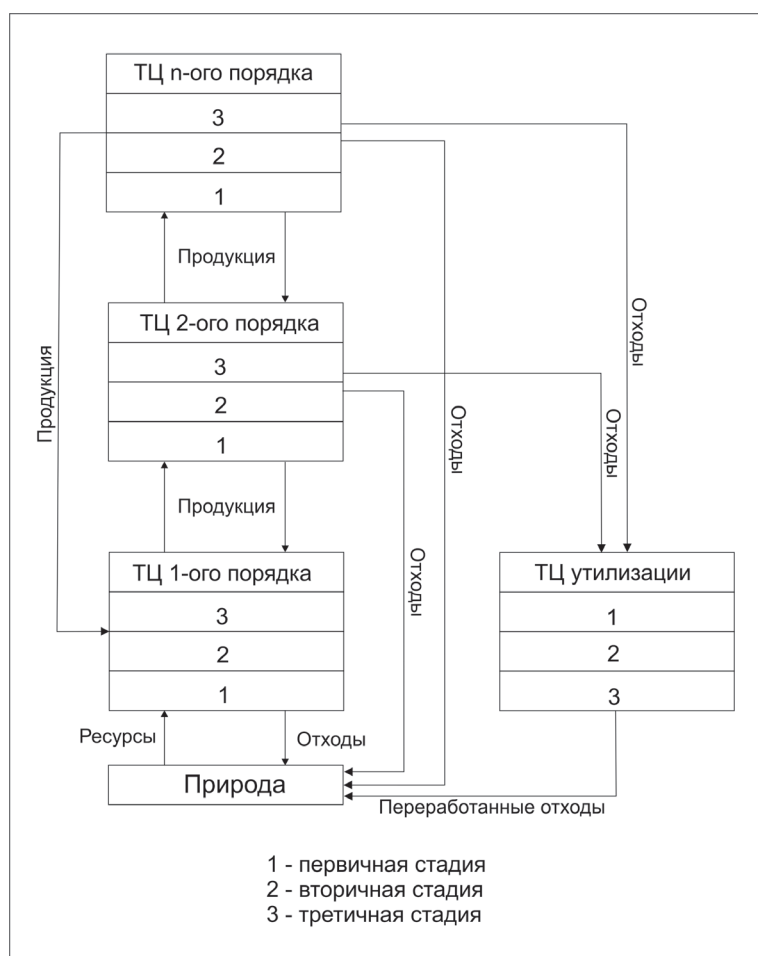

Рис. 1. Динамическая модель технологических циклов

торов в самом механизме ТЦ. В результате деятельности ТЦ первого порядка возникают преимущественно сельские населённые пункты или близкие к ним п.г.т. (например, в связи с лесозаготовками или рыболовством), в результате деятельности ТЦ высших порядков и наиболее сложных ТЦ первого порядка – городские населённые пункты. Надо понимать, что весь ТЦ может быть сконцентрирован как в пределах одной территориальной единицы (например, промышленного комплекса локального уровня – узла), так и быть разорван в пространстве по стадиям. Естественно, оба случая имеют разный отклик в системе расселения. Важно также отметить, что экономическая составляющая системы расселения более мобильна и практически в реальном масштабе времени реагирует на циклы конъюнктуры, в то время как реакция населения опосредуется через рынок труда, а миграционная составляющая проявляется

лишь со значительным лагом. Все это создает постоянные диспропорции между экономической и населенческой составляющей системы расселения. Особенно значительно это проявляется в моногородах.

Таким образом, можно утверждать, что система расселения – социально-экономическая географическая система, представляющая собой иерархически соподчинённую совокупность населённых пунктов, а населённый пункт – территориальная проекция ТЦ с учётом её природных особенностей и предыдущих этапов развития населённого пункта [2].

Внутри самой экономической подсистемы сектор услуг отличается также значительным лагом по отношению к производству, являясь производной от обрабатывающей промышленности (ТЦ 2 и др. высших порядков) и сельского хозяйства (ТЦ 1 порядка), т.к. в этих секторах экономики формируется

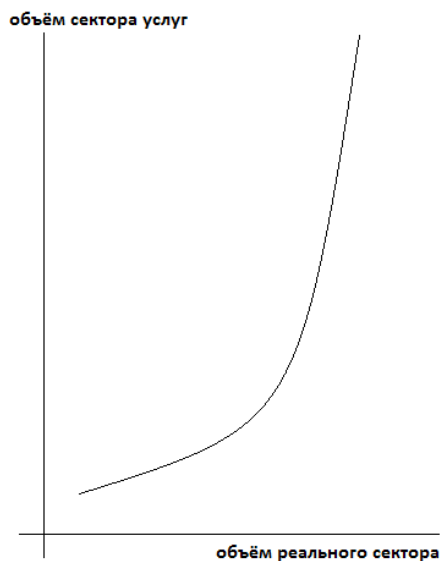

Рис. 2. Нелинейная связь между секторами экономики

базовый платёжеспособный спрос, который запускает мультипликатор сектора услуг, причём связь между агропромышленным сегментом и сектором услуг носит нелинейный характер (рис. 2).

Таким образом, внизу иерархической структуры сосредоточены поселения, базирующиеся на производствах — непосредственных пользователей природно-ресурсного потенциала (сельское, охотничье и рыбное хозяйство, горнодобывающая и лесозаготовительная промышленность). Их людность и плотность распределения (число населённых пунктов определённой людности на единицу площади) определяются объёмами используемого ресурса на единицу площади и формой его распределения по территории, уровнем развития производительных сил, а также историко-культурными особенностями формирования территориальных общностей населения.

Ещё С.А. Ковалев показал, что для сельскохозяйственных населённых пунктов свойственна широтная зональность и высотная поясность (т.к. сельскохозяйственные предприятия используют ресурсы, подчиняющиеся закономерностям широтной зональности и высотной поясности). Однако, кроме этого основополагающего фактора есть ещё много других. Например, выше уже говорилось о важности формы распространения ресурса по территории. На севере Европейской тер-

ритории России (ЕТР) земли удобные для ведения сельскохозяйственной деятельности распространены фрагментарно (много болот, лесов с кислыми почвами, озёр и др.), что привело к мелкоконтурности и высокой дробности угодий — все населённые пункты привязаны к склонам крупных мезоформ рельефа (речных долин, холмов, возвышенностей, макросводам моренных равнин на границе с задровыми) лучше дренированным, а значит, с менее выраженной оподзоленностью и отсутствием оглеения. Понятно, что таких территорий немного и они, как правило, относительно невелики по размеру. Результат — большое количество населённых пунктов с малой людностью, в отличие от юга ЕТР, где распространены обширные, однородные массивы угодий, которым соответствует структура расселения с небольшим количеством населённых пунктов высокой людности.

Горнопромышленные и лесопромышленные населённые пункты не подвержены зональности в своём распространении, а приурочены к залежам полезных ископаемых и ареалам лесных ландшафтов.

В общем случае, на нижнем (для сельских населённых пунктов) так называемом «базовом» уровне наблюдается распределение численности населённых пунктов по людности, близкое к нормальному. На верхнем уровне системы расселения формирует-

ся иерархическая структура в соответствии с развитием ТЦ второго и третьего порядка и их различных сочетаний. Существует три основных варианта появления городского населённого пункта: создание населенного пункта, как исходно городского, переход населённого пункта из сельской категории в городскую, рост горнозаводского посёлка (или группы поселков, что встречается чаще). Одной из причин появления иерархии на верхнем уровне является постадийный пространственный разрыв ТЦ, различные сочетания ТЦ и разумеется концентрация и специализация производства

Всё это приводит к усложнению связей в системе и группировке (самоорганизации) населённых пунктов. В результате появляются такие сложные формы расселения, как агломерации и конурбации [2], которые искажают как иерархические так и пространственные составляющие системы расселения.

Формулировка модели. В экономической и социальной географии существует один важный вопрос: что в развитии системы поселений является аргументом, а что функцией? Людность поселений или их число? Преобладающее мнение таково, что людность поселений является функцией от их ранга. Однако если рассматривать эту проблему в рамках системной парадигмы, то становится понятным, что ЭГП (аттрактор) населенного пункта определяет его место в системе, а значит и потенциальную людность. Следует при этом учитывать, что общий закон таков: средних по ЭГП мест много, хороших меньше, а с уникальным – единицы. Иными словами, чем благоприятнее ЭГП, тем меньше таких точек. Следовательно, чем выше людность поселений тем меньше вероятность их появления:

$$Y = {}^{\circ}F[xf(Z)] , \quad (1)$$

где Y – число населенных пунктов, которое зависит от размеров (площади) территории и степени ее освоения, что определяет постоянный для данной территории коэффициент λ . Y связано обратной зависимостью с x , что определяет постоянный коэффициент n ; x – людность населенных пунктов, независимая переменная, с областью определения от 0 до $+\infty$; z – ЭГП населенных пунктов.

В общем виде взаимосвязь плотности распределения населенных пунктов с их людностью можно выразить формулой [2]:

$$I = \lambda \cdot x^{-n} , \quad (2)$$

где I – плотность распределения населенных пунктов данной людности на единицу площади (1000 км^2); x – людность поселений; λ – постоянный коэффициент, связанный с плотностью распределения населенных пунктов, составляющих «базу» системы расселения. Именно этот коэффициент отражает роль природных факторов, преломленных через этнокультурные и иные особенности территориальных общностей населения на формирование региональной системы расселения; n – постоянный на каждый момент времени для данной системы коэффициент соподчиненности населенных пунктов различной людности, зависящий от естественно-исторических и социокультурных предпосылок развития, по сути, он отражает контрастность системы расселения.

Логарифмируя выражение (2) получаем:

$$\log I = \log \lambda - n \cdot \log x . \quad (3)$$

Введём замену $\log I = y$, $\log \lambda = A$, $\log x = X$. Тогда:

$$y = A - n \cdot X , \quad (4)$$

т.е. кривую регрессии, которая в двойной логарифмической шкале преобразуется в прямую линию. В этом случае $n = \text{tg}(a)$, где a – угол между графиком функции и осью OX , т.е. n – коэффициент, определяющий структуру иерархии населённых пунктов между осью абсцисс и линией регрессии $Y = A - nX$ (рис. 3). В этом случае коэффициент A будет определять плотность населенных пунктов для разных систем по «базе», которая в свою очередь является производной от естественно-исторических и социокультурных предпосылок заселения и освоения территории.

Коэффициент n определяет иерархическую соподчиненность (контрастность системы расселения) населенных пунктов ($n_1 > n_2 > n_3$) и определенным образом связан с постулатом Кристаллера о фиксированном значении K . Однако в отличие от K , который не определяет (не показывает) различий в людности между поселениями различных рангов, при тех или

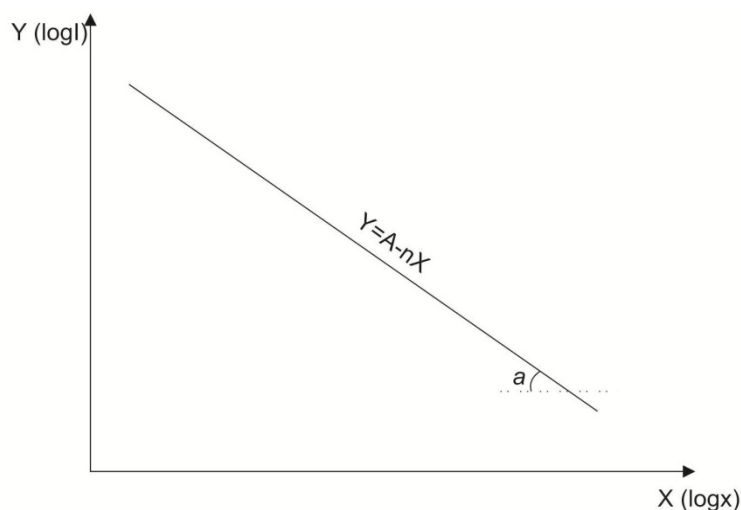

Рис. 3. График выражения (4)

иных значениях K , данный коэффициент может такую оценку давать.

Между демографическим и производственным потенциалом территории России существует тесная связь [8, 11]. Она проявляется через взаимосвязь моделируемых параметров региональной системы расселения $I = \lambda \cdot x^{-n}$, потенциала поля расселения

$$Y_j = K \frac{P_j}{D_{ijr}}$$

и моделируемых параметров структуры экономики – производственных функций [17]. Наиболее простой вариант выражения базовых отношений в экономическом (производственном) процессе – функция Коба-Дугласа ($\gamma = K \cdot x_1^\alpha \cdot x_2^\beta$, где $\alpha + \beta \geq 1$). Последняя выражает базовые соотношения основных факторов производства (труд x_1 и капитал x_2 (основные фонды)) в процессе производства ВВП (ВРП или муниципальных аналогов). Труд, в его стоимостном или «человеческом» выражении является частью весов населенных пунктов в формульном выражении потенциала поля расселения (как часть трудоспособного населения поселения $I(N_{pi})$ занятого в J -ой отрасли) для какой-то территории.

Тогда сумма занятых в отраслях по поселениям будет давать численность трудоспособного населения в н.п., а сумма поселений численность занятых в J -ой отрасли.

Перемножая на коэффициенты доли занятого населения в его общей численности, мы получаем численность населения по н.п. Механизм производственных функций по-

зволяет также рассчитать такие немаловажные параметры для оценки эффективности поселений и их систем как расчет средней ($Y/X_1 = A_0 X_1^{a_1} \cdot a_1 - 1 X_2^{a_2}$) и предельной производительности труда [11]. Предельная производительность труда показывает, сколько дополнительных единиц продукции (услуги) приносит дополнительная единица затраченного труда. Из сказанного следует, что чем ближе значение a_1 к единице, тем при прочих равных условиях, выгоднее расширение производства. Особенно важно, что механизм производственных функций позволяет оценивать эластичность выпуска продукции ($dy / d_2 \cdot x_1 / y = a_1$) по затратам труда. Все это позволяет связать бытовую жизнь населения с результирующими поселенческими и экономическими характеристиками.

В этом случае появляется возможность выразить людность поселения через объем продукции/услуг и основных фондов

$$P_j = L \cdot (Y / X_2^{a_2})^E, \quad (5)$$

где P_j – людность j -го поселения, L и E – постоянные коэффициенты. Важно подчеркнуть, что выше приведенное уравнение дает возможность определить изменение людности поселений в системе лишь при условии достаточно однотипной структуры (отраслевой) экономики. При сильно колеблющейся структуре, выражение описывает лишь общую тенденцию. Коэффициенты L и E дают возможность сравнивать между собой как отдельные региональные системы

расселения, так и характер изменения во времени одной и той же системы.

В свою очередь комбинация отраслей (сфер деятельности) в н.п. определяет сложность его экономической структуры или разнообразия, которое вычисляется через формулу Шеннона

$$H = - \sum_{i=1}^n p_i \log p_i ,$$

где H – количество информации; n – количество возможных событий; p_i – вероятность i -го события.

Технически формула позволяет связать численность хозяйствующих субъектов в поселении (системе расселения) с числом (разнообразием) специализаций, что в свою очередь позволяет выйти на привлекательность места (мест) проживания, миграционные и инвестиционные потоки.

Кроме того внутриселенческая структура отражает изменение разнообразия функций поселения в зависимости от его людности. Изменение людности, с одной стороны, следствие роста разнообразия (здесь мы видим очевидное сходство с моделью Кристаллера, но выражение может иметь счетный вид для каждого из поселений), а с другой – рост численности населения формирует спрос на все новые функции (удовлетворение потребностей). Проблема моногородов в том, что закон роста разнообразия по мере роста людности города в них нарушается, а, следовательно, диверсификационные возможности существенно сужены. С другой стороны они более специализированы и на фазе высокой конъюнктуры на специализированную продукцию (услугу) они обладают очевидными преимуществами (получают сверхприбыль). Разумеется на фазе низкой конъюнктуры они становятся «убыточными».

Следует отметить и некоторые специфические особенности применения модели потенциала поля расселения (поля хозяйственной активности). Если все населенные пункты сжать в «точку» (высокоплотный ареал), то мы получим ничтожно малые расстояния при большом числе поселений и общей людности – отсюда максимальные значения потенциала. Подобная ситуация может достигаться либо за счет роста числа элементов (поселений) в системе, либо за счет снижения сопротивления пространства

(уменьшение значений n , которое стремится к 1), но чаще за счет взаимодействия обоих факторов.

Подобное соотношение позволяет связать в единую пространственно-временную систему демографический потенциал (в своей расселенческой составляющей) более стабильный, частично детерминированный природой регионов России и производственный потенциал, ощущающей на себе постоянное давление циклов конъюнктуры. Выстраиваемая на этой основе имитационная модель позволяет осуществлять взаимную верификацию социальной и экономической подсистем общества.

Изложенный подход может быть формализован. В экономической географии достаточно давно известна формула потенциала поля расселения.

Если предположить, что

$$Y = \gamma \frac{m_1 \cdot m_2}{R^n} , \quad (6)$$

где R – расстояние между социально-экономическими объектами (численность населения, численность занятых, объем производства товаров и услуг и т.д.); n – проницаемость пространства; m – масса социально-экономических объектов; γ – постоянная, отражающая тип социально-экономического пространства, то формулу (6) можно преобразовать в плотностную характеристику пространства

$$S = R^2 , \quad (7)$$

$$p = \frac{m_1 \cdot m_2}{S} . \quad (8)$$

Коэффициент $n(r)$ теоретически может изменяться в довольно больших пределах (как показал Гусейн-Заде, от 1 до 3). Единица соответствует такому состоянию пространства, когда оно практически не меняет интенсивность поля по мере удаления от центра – массы (как правило, в крупных полицентрических агломерациях). Увеличение значения n показывает, что преодолеть пространство становится все труднее, его сопротивление растет (как правило, в связи с неразвитостью инфраструктуры). Как результат поле потенциала становится все более контрастным вплоть до фактического «разрыва» на отдельные элементы при высоких значениях n . В общем случае, чем более

развита инфраструктура, тем меньше значение n . На оси времени, как правило, наблюдается сдвиг значений коэффициента в сторону единицы. В принципе на одной и той же территории в один и тот же момент времени свойства пространства в разных точках различно, соответственно и значение n также будет меняться, т.е. из константы оно будет трансформироваться в переменную, подчиняясь общему закону ядро-периферийной дихотомии.

«Полевые» характеристики социально-экономического потенциала кроме того подвержены влиянию циклических процессов (неравномерности развития) в природе и обществе. Тогда n в кризис увеличивается, а в фазу подъема уменьшается. В принципе и m_1 и m_2 также должны уменьшаться, однако значительно более плавно и с временным лагом. В фазу кризиса поле ослабевает и размывается, становясь более контрастным. Масштаб экономики уменьшается, растет доля депрессивных элементов системы, снижается плотность, ослабевают «солидаристские» связи в социуме. Это хорошо демонстрирует динамика потенциала патентного поля [1, 3, 6, 7].

Методы расчета. Сложность решаемой задачи потребовала разработки специфических методик расчета. Для проверки предложенной модели формирования системы расселения, был проведен анализ порайонных различий в расселении на территории СССР и России за период с 1970 по 2010 г. В качестве основного источника информации использовались материалы переписей населения СССР и России. Следует сразу отметить, что официальная статистика зачастую искажает реальное положение вещей. Заложенный в ней принцип сбора данных по административным единицам, несоответствие административных и реальных границ городов, объединения нескольких населенных пунктов в один – серьезные ее недостатки. Тем не менее, информация доступна и требует минимальной обработки. Для получения единых рядов людности данные по сельским и городским поселениям «сшивались» в зоне их перекрытия, где поселения одинаковой людности относились к разным категориям (города и сельские поселения). Это связано с тем, что края таблиц людности (свыше 5000 для сельских н.п. и менее 3000 для городских) не определены. Так

станция Орджоникидзевская имеет людность более 50 тыс. чел., еще 20 поселений – от 20 до 50 тыс. чел., а еще 159, в основном в южных районах, – от 10 до 20 тыс. чел. Вместе с тем 369 городских поселений имели людность менее 3 тыс. чел и еще 312 – от 3 до 5 тыс. чел. Чтобы получить непрерывный ряд значений числа н.п. (сельских и городских вместе) по категориям людности (6–10, 11–25 и т.д.), необходимо было вписать в единую форму и произвести перерасчет в пограничных категориях (менее 3 тыс. и более 5 тыс. чел.). Для этого, в тех случаях, когда прямая информация по поселениям была недоступна, применялся следующий метод: исходя из предпосылки, что городские поселения с людностью менее 3 тыс. чел. составляют базу систем городских поселений, рассчитывалось среднее значение людности, путем деления числа жителей в категории менее 3000 на число н.п. Далее предполагалось наличие на базе нормального распределения и, исходя из этого, рассчитывалось количество поселений в соответствующей категории людности. Для сельских поселений расчеты для верхнего интервала проводились аналогичным образом с прямым досчетом поселений самых верхних категорий.

После суммирования двух рядов получался объединенный ряд готовый к дальнейшей обработке.

Первая операция сводится к определению плотности распределения поселений по территории регионов (на 100 000 км²), т.е. $n / S_1 \cdot S_0$, где n – число н.п., S_1 – площадь административных единиц, S_0 – 100 000 км². На практике определялось отношение $S_0 / S_1 = P$, а затем n умножалось на полученный коэффициент P . В результате мы получаем пространственное распределение н.п. различной людности по территории России/РСФСР на различные переписные даты. Но из-за неравномерности статистических категорий людности, появилась необходимость сделать промежутки равными. С этой целью число н.п. в категории (например, 6–10) делилось на «размер» категории, т.е. на разность X и ΔX , где ΔX – верхняя граница категории (10), а X – нижняя граница (5).

Общая формула:

$$\frac{n}{\Delta X - X}$$

Таким образом, получаем показатель:

$$Y = \frac{n/S_1 \cdot S_0}{\Delta X - X} = \frac{n \cdot P}{\Delta},$$

где n – число н.п. в категории людности, $P = S_0 / S_1$ – коэффициент для расчета плотности н.п. в пределах административной единицы, Δ – приращение людности в пределах категории.

В качестве основного источника информации использовались материалы всесоюзных и всероссийских переписей 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. Статистика бралась по регионам РФ/РСФСР. Затем в таблице городские и сельские поселения сводились в один массив, причём самые крупные сельские населённые пункты (более 3000 чел.) перекрываются с городскими населёнными пунктами (более 5000 чел.), поэтому они пересчитывались в одну пограничную категорию (от 3000 до 5000 чел.).

Далее рассчитывалась плотность распределения населённых пунктов каждой категории людности по регионам на 100 000 км², т.е.

$$p = \frac{N}{S} \cdot 100000, \quad (9)$$

где N – число населённых пунктов в определённой категории людности, S – площадь региона.

В итоге получается распределение в пространстве населённых пунктов различной людности по территории России.

Однако, здесь есть одна проблема. Дело в том, что в силу особенностей сбора и обработки статистики, размер категорий люд-

ности не одинаков, поэтому невозможно определить соотношение н.п. между категориями. Для этого необходимо разделить полученное значение плотности для конкретной категории на размер этой категории:

$$I = \frac{P}{x_{\text{верх}} - x_{\text{нижн}}}, \quad (10)$$

где $x_{\text{верх}}$ – верхняя граница категории, $x_{\text{нижн}}$ – нижняя граница категории [2].

Следующий этап – поиск коэффициентов λ и n (см. (2)) для каждого региона.

Для этого существует два алгоритма.

Графоаналитический метод расчета представляет собой процедуру последовательных вычислений.

Строится график зависимости $\log I$ от $\log x$ (рис. 4).

На полученном графике, который представляет собой линию регрессии, состоящую из нескольких сочленённых прямых, выполняется расчёт коэффициентов λ и n .

Вычисляем n :

$$n = \text{tg}(a), \quad (11)$$

$$\text{tg}(a) = \frac{y_i - y_j}{x_i - x_j}, \quad (12)$$

Вычисляем λ . Прямая $y = A - n \cdot X$ пересекается с осью Oy . В этой точке значение X равно 0. Подставляя в уравнение прямой, находим λ [2].

Методы математической статистики позволяют произвести расчет коэффициентов иным способом.

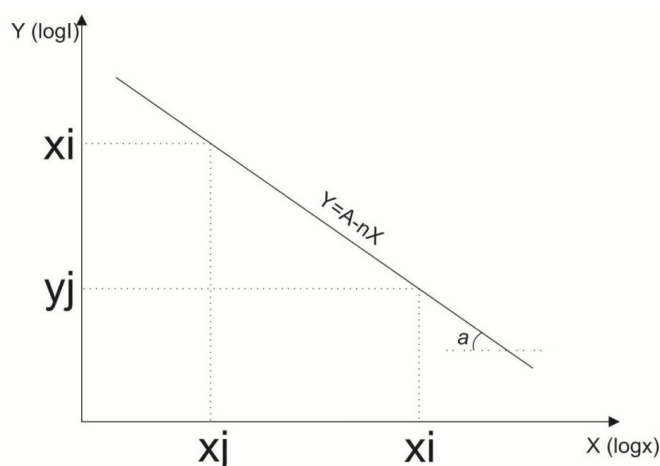

Рис. 4. Вычисление n

Воспользуемся уравнением:

$$\log I = \log \lambda - n \cdot \log x \quad (13)$$

Введём замену $\log I = y$, $\log \lambda = A$, $\log x = X$, $n = B$:

$$A - B \cdot X = y \quad (14)$$

Используя метод наименьших квадратов, находим $y = \log I$, $X = \log x$ в выражении (10). Для этого решается система уравнений (15) вида:

$$\begin{cases} A \cdot N + B \cdot \sum X = \sum y \\ A \cdot \sum X + B \cdot \sum X^2 = \sum (X \cdot y) \end{cases}, \quad (15)$$

где N – число категорий людности, т.е. число точек, по которым будет строиться прямая.

Выражаем из первого уравнения A :

$$A = \frac{\sum y - B \cdot \sum X}{N} \quad (16)$$

Подставляем A (12) во второе уравнение и выражаем B :

$$B = \frac{\sum (X \cdot y) - \frac{\sum y \cdot \sum X}{N}}{\sum X^2 - \frac{(\sum X)^2}{N}} \quad (17)$$

Подставляем полученное значение B в формулу (16) и находим A .

Потенцируя выражение $\log \lambda = A$ находим λ , из замены $n = B$ получаем n .

На основе полученных данных (I , λ , n) можно заниматься анализом структуры и динамики системы расселения РФ, проводить типологии и осуществлять региональный прогноз.

С помощью такого алгоритма можно изучать систему расселения на количественном уровне, но надо понимать, что каждый район имеет свою специфику, связанную с его экономикой, природными условиями и историей развития, поэтому важна и комплексная характеристика системы расселения.

Среди недостатков этого метода – невозможность продемонстрировать особенности группового расселения, осреднение результатов по большим площадям. Всё это в некоторой степени искажает реальную картину.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. 4-е изд. – М.: Красанд, 2010. – 216 с.
2. Бабурин В.Л. Опыт количественного анализа типов расселения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1975. – № 4. – С. 103–105.
3. Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 262 с.
4. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Мошков А.В. и др. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока при переходе к рыночной экономике. – Владивосток, 1996. – 196 с.
5. Гусейн-Заде С.М. Модели размещения населения и населенных пунктов. Автореф. дисс. ... докт. физ.-мат. наук. – М., 1990. – 27 с.
6. Зуев Г.М., Самохвалова Ж.В. Экономико-математические методы и модели. Межотраслевой анализ. – М.: МЭСИ, 1995. – 78 с.
7. Ковалёв С.А. Сельское расселение (Географическое исследование). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
8. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 133–175.
9. Леш А. Пространственная организация хозяйства. – М.: Наука, 2007. – 663 с.
10. Медведков Ю.В. О размерах городов, объединенных в систему // Количественные методы исследований в экономической географии / ВИНТИ, МФГО СССР. – М., 1964. – С. 90–121.
11. Терехов Л.Л. Производственные функции. – М.: Статистика, 1974. – 128 с.
12. Шупер В.А. Релятивистская теория центральных мест и расселение в постиндустриальную эпоху // География мирового развития. Вып. 2. Сб. науч. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2010. – С. 177–194.
13. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. – М.: Рос. откр. ун-т, 1995. – 166 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АГРОГЕОГРАФИИ

Danshin A.I.

CONTEMPORARY TRENDS AND PRIORITIES WITHIN THE PROGRESS OF DOMESTIC AGRICULTURAL GEOGRAPHY

Аннотация. В статье рассмотрено одно из направлений социально-экономической географии – агрогеография и ее развитие, современный объект и становление методов исследования. Показаны важнейшие тренды изучения территориальных аспектов сельского хозяйства. Особое внимание уделено тем направлениям исследования, которые ранее не являлись приоритетными.

Abstract. The article reviewed one of the branches of human geography - agricultural geography; its historical progress, contemporary research subject and research methods evolution. The most significant trends in studies of the territorial aspects of agriculture are represented. Particular attention concentrates on the prospective research areas of new priority.

Ключевые слова: география сельского хозяйства, сельская местность, территориальные особенности сельского хозяйства, категории хозяйств, сельскохозяйственные организации, хозяйства населения, специализация и натурализация.

Keywords: geography of agriculture, rural areas, spatial features of agriculture, farm unit categories, agricultural organizations, family farm units, specialization and naturalization.

Постановка исследовательской задачи. География сельского хозяйства (аграрная география), развиваясь в рамках социально-экономической географии, приобретает свойства, характерные не только для естественно-научной, но и общественной науки, подверженной коренным трансформациям в нашей стране в период смены общественно-экономических формаций. Поэтому в существенной степени меняются концептуальные и методические подходы к выявлению особенностей территориального развития отрасли в целом, по-другому структурируется объект исследования этого направления географической науки, возникают новые элементы, ранее не входившие в сферу интересов ученых-агрогеографов. На первоначальном этапе появления новых воззрений происходит процесс накопления новых знаний с позиции новой общественной системы, и тогда ученые стараются обосновать адекватные ей подходы, методы исследования явлений, используемые показатели и индексы, часто отвергая старые.

В соответствии с такой позицией важно рассмотреть те тренды, которые возникли в отечественной агрогеографии в период постсоветского развития сельскохозяйственной отрасли, а также выявить направления пер-

спективного изучения территориальных особенностей ее развития.

История развития исследований. Сельское хозяйство, как одно из важнейших направлений материального производства, обеспечивающее население продуктами питания и текстильную промышленность сырьем, на ранних этапах развития общественных систем предполагало анализ размещения отдельных отраслей пока еще без четкого обозначения факторов развития. Описание могло охватывать почти всю Ойкумену как у Гекатея Милетского, дающего характеристику известных ему регионов, в том числе и сельскохозяйственных занятий в них [20], или становилось крупномасштабным, характеризуя «экономику» (в первоначальном смысле этого слова¹) в пределах одной римской виллы (см. [7]). Такой описательный характер развития географии сельского хозяйства был характерен вплоть до конца XVIII – начала XIX вв., когда в ряде стран Европы, в том числе и в Российской империи, появились исследования, направленные на разработку теоретических основ агрогеографии. На начальном этапе этого периода происходило описательное обобщение материала, предполагавшее анализ естествен-

¹ Экономика – от др.-греч. οἶκος – дом, хозяйство, хозяйствование и νόμος – ном, территория управления хозяйствованием и правило, закон, буквально «правила ведения хозяйства дома» (см.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 495 с.)

но-географических условий, типологию почв, создание теорий влияния природных компонентов на растение при его культивировании. Часто география являлась элементом накопленных сельскохозяйственных знаний, как у А.Т. Болотова², а территориальная компонента выделялась только в том случае, когда территориальная организация сельского хозяйства выступала важнейшей частью исследования экономических параметров, например, как у И. Тюнена [15], или природных характеристик, например, как у В.В. Докучаева [5].

К началу XX в. в России в географии сельского хозяйства происходит постепенное выделение направлений исследований, ориентированных на объяснение причин природной составляющей и экономической компоненты, но важно, что появляются методы сельскохозяйственного районирования с использованием физико-географических, аграрных, социальных и других критериев выделения районов [4]. Многие работы были выполнены уже в начале советского времени, но на статистических данных, полученных в более ранний период. Практически все «предтечи» советского экономического районирования в связи с малым развитием промышленности в дореволюционной России среди важнейших критериев районирования использовали сельскохозяйственные. Как правило, к сельскохозяйственным критериям относились как природные факторы, приоритет которых в основу районирования закладывал, например, С.В. Бернштейн-Коган, так и социально-экономические, на которых настаивал А.Н. Челинцев (он сопоставлял ряд признаков, характеризующих организационную структуру сельскохозяйственного производства). Весьма существенной была группа ученых, предполагавших при районировании необходимость соединения важнейших физико-географических и социально-экономических критериев (от В.Н. Татищева, К.И. Арсеньева, до П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.И. Скворцова, Б.Н. Книповича и др.).

Изменение социально-экономической формации требовало новых подходов к изуче-

нию сельскохозяйственного производства, но только к началу 1930-х гг. иссякли источники накопленных материалов начала XX в. Опиравшиеся на них, исследования А.В. Чаянова, Б.Н. Книповича, А.А. Рыбникова, Н.Д. Кондратьева и др. были опубликованы в качестве важнейших основополагающих работ. К этому времени постепенно произошло деление исследователей территориальных аспектов сельскохозяйственного производства на аграриев, экономистов и «природников».

Сложность сельского хозяйства как такового (с большим количеством отраслей), существенное число факторов, взаимодействующих между собой и определяющих развитие той или иной отрасли сельского хозяйства, позволили направить экономико-географические исследования в сторону обоснования целесообразности использования ресурсного потенциала территории для развития отрасли. В первую очередь это было связано с необходимостью поиска новых методов интерпретации использования земель в разных типах ландшафтов в связи с особенностями организации территории.

Один из лидеров советской агрогеографии А.Н. Ракитников считал, что важнейшей задачей «...сельскохозяйственной географии является обоснование такой дифференциации в использовании разных частей сельскохозяйственной территории страны, различающихся по природным и экономическим условиям...» при которой достигался бы наибольший экономический эффект развития отрасли [14, с. 3]. Сейчас во многих работах Т.Г. Нефедовой такой подход называется технико-экономическим направлением в агрогеографии.

Размеры страны, переход к крупным общественным хозяйствам, проблемы, возникшие в связи с новым освоением целинных земель³, требовали исследований в рамках масштабных проектов.

А.Н. Ракитников предполагал, что исследование складывается из четырех важнейших элементов:

- морфологическое и типологическое изучение территориальных различий

² А.Т. Болотов, проживший значительную часть жизни в нескольких имениях, составил описание сельского хозяйства этих имений, обратив внимание на особенности жизни людей в провинции, являясь как бы предтечей современного направления исследования сельской местности (см.: Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. – М.: Современник, 1986. – 768 с., Болотов А.Т. Избранные труды / Составители: А.П. Бердышев, В.Г. Поздняков. – М.: Агропромиздат, 1988. – 416 с.)

³ Освоение ранее не использованных в сельском хозяйстве земель происходило практически во все периоды истории России, но слово «целина» закрепилось только за территориями южных частей Западно-Сибирской низменности, распаханных в середине 1950-х гг. Мы используем термин «целина» для всех осваиваемых земель.

существующего сельского хозяйства (изучение, классификация и картографирование использования земель, форм (систем) животноводства, организации территории сельскохозяйственных предприятий, типов сельскохозяйственных предприятий и их производственных связей, сельскохозяйственное районирование);

- изучение природных и экономических условий, вызывающих территориальные различия в характере сельского хозяйства;
- историко-географическое изучение сельского хозяйства как один из методов выявления обусловленности различий в характере сельскохозяйственного использования земель (возможности обнаружить действия новых закономерностей размещения производства при изменении социально-экономических отношений);
- критический анализ сложившейся территориальной организации сельского хозяйства и обоснование направлений и способов ее совершенствования.

А.Н. Ракитников полагал, что «... оценить, количественно измерить действие этих неравных условий можно достаточно полно лишь через реакцию на эти условия сельскохозяйственного производства, то есть при помощи экономических показателей сельскохозяйственных предприятий» [14, с. 13–14]. Далее в сноске он уточняет, что это не умаляет значения всевозможных технико-производственных показателей, но важно учитывать, что

на основе только таких показателей нельзя конструировать целесообразное размещение сельского хозяйства. То есть каждый исследователь может использовать определенный набор показателей, отражающих реальное размещение отрасли.

В конце советского периода базисными считались два основных подхода к изучению существующей реальности сельского хозяйства. Подход А.Н. Ракитникова с попыткой объяснить территориальные различия сельского хозяйства с точки зрения природных условий достаточно четко коррелировал с подходом В.Г. Крюкова по выявлению особенностей сельского хозяйства в определенных условиях природной среды.

В советское время всё действительно было подчинено исследованиям планомерного пропорционального развития народного хозяйства, обеспечению производства продукции и занятости населения, формированию под воздействием неодинаковых природных условий разных местностей. Важнейшим критерием была объективность экономических условий.

Для этого использовались, как правило, имевшиеся в распоряжении ученого показатели, определяющие ведущую роль общественных хозяйств (колхозов, совхозов, межхозов) в получении сельскохозяйственной продукции (табл. 1).

Следует заметить, что и в советское время, и сейчас определение роли хозяйств населения (а) личного подсобного хозяйства и б) садовых и огородных товариществ)⁴ осуществляется на основе досчета планомерной выборки (0,01% от всех хозяйств населения).

Таблица 1
Валовая продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.

Валовая продукция сельского хозяйства									
в среднем за год	в хозяйствах всех категорий			в сельскохозяйственных предприятиях			доля продукции сельскохозяйственных предприятий в продукции хозяйств всех категорий, %		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	растение- водство	животно- водство
		растение- водство	животно- водство		растение- водство	животно- водство			
1976– 1980	88,1	35,7	52,4	66,5	28,7	37,8	75,5	80,4	72,1
1981– 1985	92,4	36,5	55,9	70,1	29,3	40,8	75,9	80,3	73,0
1986– 1990	103,0	39,1	63,9	79,8	32,2	47,6	77,5	82,4	74,5

Составлено по: [13].

⁴ Сбор ежегодных статистических данных о производстве сельскохозяйственной продукции, наличии скота.

Кстати, даже в сельскохозяйственной переписи 2006 г. выборочная совокупность по позиции б) составляла при массовом распространении явления от 10 до 20%, что является статистически верной величиной, но дающей очень осреднённые (малодифференцированные) показатели по каждой административной единице. Поэтому при широком охвате территории погрешность оказывается невелика, но при анализе межрайонных различий (административные районы) статистика может оказаться не репрезентативной.

Распределение сельского хозяйства по категориям хозяйств можно с достаточной степенью точности определить на основе показателей землепользования. На 1 ноября 1990 г. в пользовании граждан было всего 3,9 млн га сельскохозяйственных угодий или 1,8% всех сельскохозяйственных угодий в Российской Федерации. Причем значительный рост «дачников» наблюдался именно с 1985 по 1990 г. За этот период число семей имеющих садовые участки возросло с 4,7 млн до 8,5 млн (в 1,8 раза), а площадь с 302 тыс. га до 576 тыс. га (в 1,9 раза) [13]. Даже такой рост с большой долей уверенности позволяет говорить о малой значимости данной категории хозяйств в производстве и реализации сельскохозяйственной продукции в советский период.

Во многих случаях исследование территориальных аспектов распространения хозяйств населения осуществлялось в рамках социальной географии – географии сельской местности или руральной географии (более подробно см. в статье М.Ю. Присяжного [11]). Данный тренд был характерен и для большинства развитых стран, когда в 1990-е годы сильное направление сельскохозяйственной географии постепенно стало затухать, а исследования превратились в элемент географии сельской местности. Это связано с широтой тем, включаемых в географию сельской местности: от сельских районов и малых городов, социальных аспектов территории до управления природными ресурсами и землепользованием.

Современные исследования в агрогеографии. Сейчас во многих странах мира традиционная сельскохозяйственная география (техничко-экономическое направление) сосредоточилась на исследовании пространственных структур различных сельскохозяй-

ственных систем, на взаимодействии человека и окружающей среды, устойчивости, развитии продовольственных систем.

Существенная изученность территории развитых стран приводит к более глубокому анализу состояния и проблем развития сельской местности, в том числе и микроисследованиям отдельных территорий вплоть до поголовных глубинных интервью с сельскими семьями об особенностях их существования. В последнее время западные исследователи обратили свое внимание на те регионы мира, где сельскохозяйственное производство во многом еще не пошло по пути социального развития, но интенсивно развивается как производственная отрасль хозяйственного комплекса стран. Как правило, это развивающиеся государства. Значителен процент таких работ в исследованиях немецких и французских ученых.

Последние англоязычные работы, посвященные обзору агрогеографических идей, чаще всего датируются концом XX – первым десятилетием XXI в. Среди самых известных авторов можно назвать Б. Илбери, Д. Григга, Д. Харта и др. [18, 19, 21]. Они утверждают, что агрогеографы пытаются найти направления сельскохозяйственной географии в постмодернистской среде с использованием новых исследовательских моделей, с попыткой отразить влияние всех факторов на развитие сельского хозяйства.

На современном этапе развития хозяйственного комплекса нашей страны наука в целом и география сельского хозяйства в частности предполагает констатацию фактов изменения парадигмы развития отрасли.

Важнейшие базисные задачи данного направления социально-экономической географии за последние 20 лет почти не менялись, так как устойчивость развития страны, основные ее тренды пока еще окончательно не выработаны. Поэтому до сих пор актуальна проблема классификации и картографирования использования земель, сельскохозяйственной освоенности территории.

Наша страна, обладая обширнейшей территорией, не может похвастаться значительным охватом земель для сельского хозяйства. Почти 2/3 ее площади только в очень узких рамках могут быть использованы для производства сельскохозяйственной продукции. Для сельскохозяйственных целей вовлекается чуть больше 12% всей территории страны,

что сходно с такими странами, как Япония, Иордания, Бахрейн, Бутан, Демократическая республика Конго. Но по регионам Российской Федерации это показатель варьирует от 85% в степных районах (сочетание возделываемых земель и пастбищ) до 1-2% в тундре. Поэтому необходим разный подход в методах исследования сельскохозяйственного землепользования для таких разных территорий [2].

Определенный интерес вызывают работы, соединяющие в себе позиции географов разных стран по оценке состояния землепользования в России. В качестве примера можно привести недавно опубликованную статью о причинах выведения земель из сельскохозяйственного оборота и возможностях формирования лесных сукцессий на этих территориях. Работа написана с позиций экологов, но она оказывается интересной своими методами и для агрогеографов [12].

Если раньше при анализе землепользования упор делался на технологические аспекты использования территории, то сейчас важно, что после проведенной земельной реформы на первый план выходит перераспределение земельного фонда не по видам угодий, хотя и это необходимо исследовать, а по формам собственности, принадлежности тех или иных земель частным лицам, акционерам.

В различных регионах страны земельная реформа определила разные подходы к распределению земель. Поэтому сейчас анализ собственности на землю является важнейшим направлением понимания аграрной ситуации в регионе. Для примера покажем различия и динамику по регионам России площадей, находящихся в собственности граждан (табл. 2).

Динамика данного показателя за двенадцатилетний период отражает скорее действие институционального фактора, чем территориального. А вот площадь земель в собственности граждан (их доля в общей площади территории) определяется качеством земли (сумма естественного и экономического плодородия) для территорий, где доля этой категории земель высока (верхние части таблицы) и сочетанием агроклиматического потенциала и институционального фактора, где доля этой категории земель низка (нижние части таблицы)

Конечно, требуется более подробное рассмотрение современных проблем в использовании земель. Довольно часто данный аспект встречается в работах М.А. Казьмина [6].

Следующим важнейшим, традиционным и актуальным элементом технико-экономического направления агрогеографии, требующим участия экономико-географов в анализе региональных изменений сельского хозяйства, является изучение и классификация существующих типов сельскохозяйственных предприятий и производственных связей между ними и перерабатывающими предприятиями. В настоящий момент происходит формирование новой специализации в сельскохозяйственных организациях в связи со сложившейся экономической ситуацией в стране и на мировом аграрном рынке в целом. Приход в российский сельскохозяйственный бизнес крупных игроков также заставляет пересматривать вопросы специализации территории. Происходит формирование новых локальных агропромышленных комплексов, то есть ареалов влияния перерабатывающих предприятий, а также новых рынков сбыта готовой продукции. Сейчас возникла ситуация, когда административные границы субъектов Федерации стали прозрачны для сельскохозяйственной продукции, это как раз и создает возможности формирования новых зон тяготения. Наличие земель у одного холдинга в разных частях страны часто приводит к повышению затрат на перевозки внутрихолдинговой продукции⁵, но это, как правило, устойчивые связи, позволяющие перераспределять затраты на конечную продукцию внутри холдинга. Изучение данных аспектов пока еще сложно в связи с закрытостью внутрихолдинговой информации.

Часто территория в целом может иметь специализацию на двух-трех отраслях, но в разных категориях хозяйств направления специализации могут быть неодинаковы. Появление агрохолдинга в каком-либо районе, как правило, приводит к исчезновению в личных хозяйствах населения отрасли, на которой специализируется агрохолдинг. Это связано и с ветеринарной или фитосанитарной безопасностью, и с возможностью получения продукции из холдинга для собственных нужд работников.

⁵ Вошедшие в состав холдинга предприятия, например, по переработке зерна территориально могут не соответствовать районам производства зерна, что будет приводить к необходимости транспортировки сырья к местам своей переработки, хотя рядом другие организационные структуры могут производить необходимые холдингу продукты.

Динамика площади земель в собственности граждан (2001–2012 гг.)

		Изменения в площади земель в собственности граждан с 2001 по 2012 г.			
		Отсутствие земель в собственности граждан в 2001 г.	Рост площади земель	Стабильные показатели (без изменений)	Уменьшение площади земель
Доля земель в собственности граждан в общей площади субъекта Федерации (2012 г.)	более 45%	г. Москва		Волгоградская область Ставропольский край Оренбургская область Ростовская область Саратовская область Самарская область Орловская область	Воронежская область Курская область Тамбовская область Тульская область
	24–45%		Псковская область	Алтайский край Республика Адыгея Чувашская Республика Новосибирская область Челябинская область Омская область Удмуртская Республика Курганская область Краснодарский край Ивановская область Республика Мордовия	Белгородская область Брянская область Калининградская область Калужская область Липецкая область Нижегородская область Пензенская область Республика Татарстан Рязанская область Смоленская область Ульяновская область
	10–20%		Республика Башкортостан Республика Калмыкия Карачаево-Черкесская Республика Астраханская область	Республика Хакасия Республика Марий-Эл Тюменская область	Кемеровская область Кировская область Владимирская область Московская область Тверская область Ярославская область
	3–10%		г. Санкт-Петербург Республика Алтай Забайкальский край Еврейская авт. обл.	Пермский край Приморский край Республика Бурятия Амурская область Ленинградская область Вологодская область Новгородская область	Костромская область Свердловская область
	менее 3%	Республика Дагестан Республика Северная Осетия – Алания Республика Ингушетия Республика Тыва Чеченская Республика	Республика Саха (Якутия) Ненецкий а.о. Иркутская область Республика Коми Ханты-Мансийский а.о. Ямало-Ненецкий а.о.	Мурманская область Чукотский а.о. Камчатская область Архангельская область Магаданская область Томская область	Кабардино-Балкарская Республика Красноярский край Республика Карелия Сахалинская область Хабаровский край

Составлено по: [1, 16].

Сложность определения современной специализации связана с отсутствием необходимых статистических данных (реализованная продукция) по каждому производителю сельскохозяйственной продукции, что приводит к использованию некоторыми исследователями

косвенных признаков, позволяющих оценить вклад территории в общероссийскую специализацию сельского хозяйства. Из наиболее интересных работ можно назвать выявление локализации сельскохозяйственных культур А.С. Наумова и И.Н. Рубанова [8] и попытка

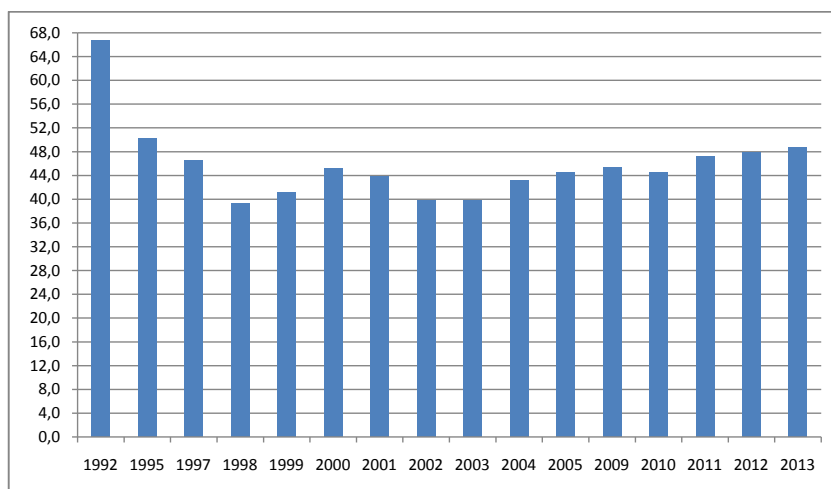

Рис. 1. Доля сельскохозяйственных организаций в производстве продукции сельского хозяйства, %

дать районирование сельского хозяйства восточных районов страны Т.Г. Нефедовой [9]. В последующем Т.Г. Нефедовой некоторые показатели были изменены в связи с пониманием их малой значимости для районирования [10].

Во многих случаях приходится ориентироваться на структурные показатели, обеспечивающие понимание развития процессов в разных категориях хозяйств. Последние данные говорят о том, что роль сельскохо-

зяйственных организаций в производстве продукции в целом по стране постепенно возрастает (рис. 1). Но опять-таки очень значительными остаются внутристрановые различия (рис. 2).

Явных группировок, кроме основного массива данных, рис. 2 не дает. Можно выделить лишь группу из 5 субъектов (нижняя правая часть треугольника), где очень высока доля сельскохозяйственных организаций при абсолютно малом значении фермерства

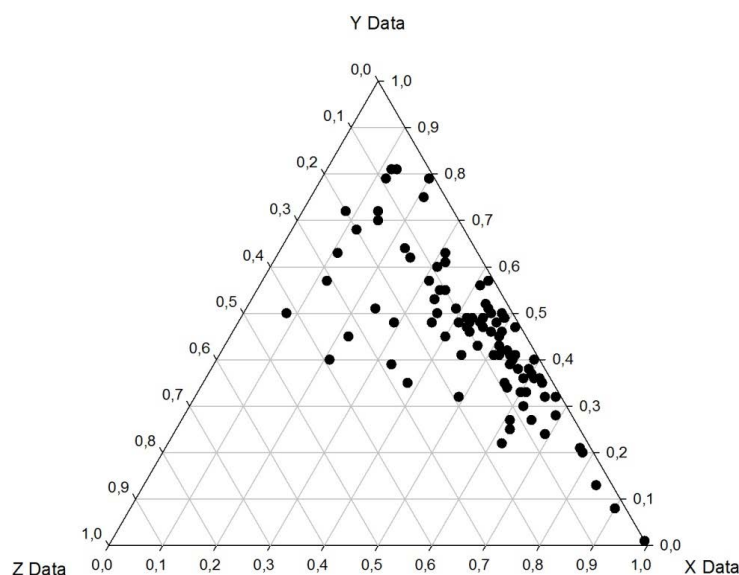

Рис. 2. Структура производства продукции сельского хозяйства в субъектах Федерации по категориям хозяйств, 2013 г.

(X – доля сельскохозяйственных организаций, Y – доля хозяйств населения, Z – доля крестьянских (фермерских) хозяйств). Составлено по данным Росстата – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516

Таблица 3

Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в субъектах Федерации с невысокой долей сельскохозяйственных организаций, %

Субъекты Федерации	Доля в производстве, %		
	сельскохозяйственные организации	хозяйства населения	крестьянские (фермерские) хозяйства
Республика Ингушетия	15	70	15
Республика Дагестан	14	72	14
Чеченская Республика	13	81	6
Республика Калмыкия	12	57	31
Забайкальский край	12	79	9
Республика Алтай	12	68	20
Республика Тыва	12	81	7
Еврейская автономная область	11	63	26
Ханты-Мансийский автономный округ	8	72	20
Астраханская область	8	50	42

Составлено по данным Росстата – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516

(в порядке повышения значения хозяйств населения): Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Белгородская область, Мурманская область, Ленинградская область. Определенный интерес вызывают субъекты Федерации, где резко снижается доля сельскохозяйственных организаций. Десять территорий имеют показатели ниже 20% (табл. 3). Но при этом вариации двух других показателей оказываются большими (на рисунке 2 это верхняя левая часть треугольника). Существенные значения фермерских хозяйств, как правило, выделяют специфические отрасли специализации данных регионов.

Развитие рынка в нашей стране, вхождение в ВТО и в определенной степени изменение климатической составляющей диктуют необходимость оптимизации специализации исходя из соответствующих типов природной среды, создание четко обусловленных зональных типов сельского хозяйства. Как правило, эффективность производства, получение максимально возможных доходов оказывается на первом месте, поэтому наблюдается концентрация посевов определенных групп культур или концентрация групп животных там, где комплекс условий развития наиболее благоприятен.

В советское время директивные методы управления сельским хозяйством часто приводили к несоответствию между оптимальными природными условиями и типами сельского хозяйства. Необходимость обеспечить всей возможной продукцией почти

300 млн чел., а ряд стратегических отраслей промышленности сырьем, требовали выделения некоторых отраслей и приоритетности их расположения в оптимальных для них условиях. Многие советские позиции в специализации территории оказались утраченными, например, существенное доминирование овощей и бахчевых в пределах Астраханской области или высокая концентрация производства молока в областях Центрально-Черноземного района.

Важным направлением, не получившим существенного развития в агрогеографических исследованиях, является анализ динамики концентрации производства важнейших продуктов, производимых в разных отраслях сельского хозяйства и разных категориях хозяйств.

Распад планового хозяйства привел в начальный период рыночного развития к деконцентрации в производстве многих продуктов [3]. Сейчас этот процесс приостановился, потому как большинство отраслей в растениеводстве заняли свои оптимальные экологические позиции. В животноводстве это пока еще продолжается в связи с большим влиянием неприродных факторов развития.

Картофель, как одна из культур подверженных в размещении влиянию и природной компоненты, и потребительско-экономического фактора за последние тринадцать лет в посевах почти не изменил своей концентрации (табл. 4). Если за предыдущие 10 лет (1990–2000 гг.) список первых областей-производителей существенным образом по-

Таблица 4

Концентрация производства картофеля в России

Регионы, 1990 г.	Площадь, га	Доля в общей площади под картофелем	Регионы, 2000 г.	Площадь, га	Доля в общей площади под картофелем	Регионы, 2013 г.	Площадь, га	Доля в общей площади под картофелем
Брянская область	141,9	0,0454	Республика Башкортостан	107,0	0,0329	Воронежская область	97,9	0,0458
Республика Татарстан	124,3	0,0398	Воронежская область	104,6	0,0322	Республика Башкортостан	93,1	0,0436
Нижегородская область	120,1	0,0384	Республика Татарстан	104,3	0,0321	Республика Татарстан	74,3	0,0348
Республика Башкортостан	109,7	0,0351	Московская область	103,5	0,0318	Красноярский край	72,5	0,0339
Московская область	109,6	0,0351	Алтайский край	97,7	0,0300	Алтайский край	63,5	0,0297
Рязанская область	97,2	0,0311	Краснодарский край	89,7	0,0276	Курская область	61,3	0,0287
Алтайский край	77,8	0,0249	Брянская область	88,5	0,0272	Нижегородская область	57,6	0,0270
Свердловская область	76,8	0,0246	Курская область	87,7	0,0270	Краснодарский край	56,2	0,0263
Курская область	74,8	0,0239	Красноярский край	82,2	0,0253	Брянская область	56,2	0,0263
Воронежская область	72,4	0,0232	Нижегородская область	80,2	0,0247	Белгородская область	52,5	0,0246
Всего по РФ	3123,6	0,3216*	Всего по РФ	3251,9	0,2907*	Всего по РФ	2137,5	0,3205*

* Доля первых десяти регионов.

Источник: Развитие агропромышленного комплекса РСФСР. – М.: Росинформцентр Госкомстата РСФСР, 1991. – 380 с. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – 863 с. Посевные площади сельскохозяйственных культур Российской Федерации в 2013 году [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516 (дата обращения 02.07.14)

менялся, причем по площадям это менее заметно, чем по валовым сборам, то во второй срок из списка исчезла только Московская область (оказавшись на 17-м месте, сократив посевы более чем в 2 раза), уступив позицию рейтинга Белгородской области, в меньшей степени снизившей площади посевов.

По сахарной свекле в советское время максимальная доля в посевах и, следовательно, максимальные сборы урожая были характерны для Центрально-Черноземного района и Краснодарского края. В начале 2000-х гг. все эти субъекты Федерации резко снизили производство, тогда как 10 регионов России, ранее не выращивающих свеклу, приступили к ее возделыванию в основном для получения сахара по толлинговой схеме. В большинстве случаев это периферийные части основного ареала выращивания, например, Калмыкия и Волгоградская область, Ростовская область, Чувашия, Калужская область, Кабардино-

Балкария, Северная Осетия-Алания. Сейчас происходит процесс концентрации посевов, потому как отрасль оказывается почти полностью в составе холдингов [17]. Шесть регионов из 25 производящих собирают более 2/3 всей фабричной сахарной свеклы.

Резкое увеличение в начале постсоветского периода поголовья мелкого рогатого скота в периферийных частях страны, малоприспособленных для выращивания овец и коз, также в настоящий момент сменилось спадом в этих регионах и частичным ростом в районах специализации. Стабилизация в снабжении продуктами питания даже самых удаленных частей страны привела к тому, что во многих субъектах Федерации подсобное хозяйство населения стало сокращать производство.

Натурализация сельского хозяйства резко возросла в первые годы экономического кризиса, когда цена продукции менялась на не-

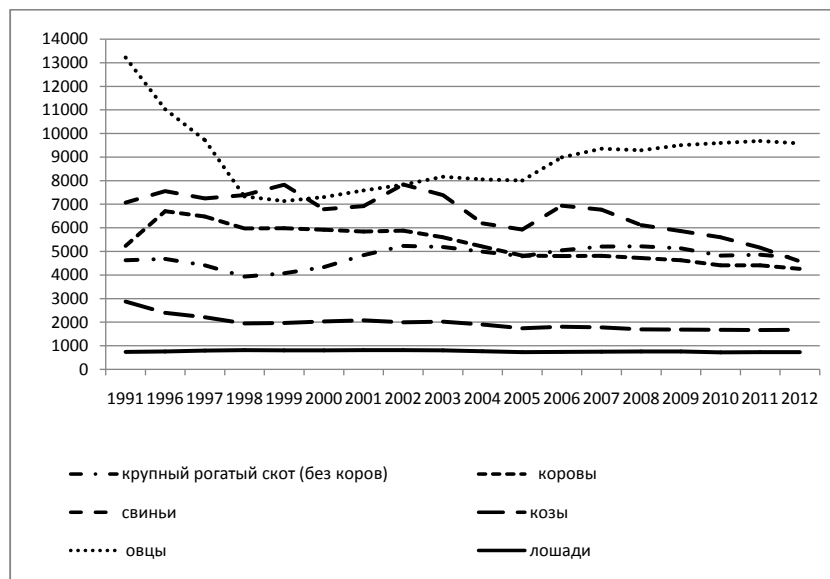

Рис. 3. Динамика поголовья групп животных в хозяйствах населения, тыс. гол.

сколько порядков в течение одного сельскохозяйственного сезона, а колхозы и совхозы предпочитали использовать бартерные отношения для взаиморасчетов между собой и их кредиторами. Все это приводило к тому, что в каждом хозяйстве возникал широкий спектр отраслей часто нерентабельных из-за производства малого количества продукции. В сельскохозяйственных организациях процесс натурализации постепенно прекратился, когда заработал механизм рынка в отрасли. Но в хозяйствах населения наличие огорода, во многих регионах усиленного еще и участком за пределами населенного пункта, до сих пор остается традицией. В животноводстве видны тенденции снижения поголовья в личном хозяйстве. Причин достаточно много. Нежелание содержать скот, как правило, объясняется высокими затратами на содержание, отсутствием мотиваций, наличием всех необходимых продуктов в магазинах, а вот невозможность содержания скота — сложностями заготовки кормов, преклонным возрастом, отсутствием возможностей реализации части продукции, запретом на содержание (эстетика в крупных населенных пунктах, эпизоотические мероприятия).

Все эти причины приводят к тому, что более чем на 40% уменьшилось поголовье свиней и коз, более чем на 20% — коров и овец. Почти стабильными оставались показатели численности поголовья крупного рогатого скота и лошадей.

Еще одно направление возможных исследований сельскохозяйственной географии — изучение баланса продуктов в территориальном аспекте, возможности достижения «региональной безопасности» по основным продуктам питания. Первейший вопрос — необходимость такого создания, особенно в районах с неблагоприятными условиями производства. Сельскохозяйственные предприятия многих периферийных регионов страны сократили своё производство до оптимальных уровней потребления, хотя ресурсы позволили бы выпускать продукции больше, но конкурентная среда ограничивает выпуск и потребление местной продукции. В аграрноразвитых регионах возникает необходимость в появлении специфической продукции для отдельных категорий граждан: органическое сельское хозяйство, диетическое питание и др. Это тоже должно быть внесено в баланс продукции как необходимый элемент.

Выводы. Выше было сказано, что в настоящее время исследования близкие к сельскохозяйственной географии могут быть изучены с позиций смежных направлений географии. Физико-географы почти всех специальностей в качестве прикладного аспекта предполагают рассмотрение изменений свойств территории в результате деятельности человека, социальные географы могут углубиться в анализ деятельности

хозяйств населения, в том числе и таких аспектов землепользования как «дачные участки». Но новейшие тенденции изменения сельского хозяйства, их изучение ни в коей мере не умаляют традиционных направлений агрогеографических исследований. Остается важным и необходимым классификация и картографирование отдельных форм использования земель и форм (систем) животноводства. В настоящее время нельзя обойтись без изучения форм организации территории сельскохозяйственных предприятий, причем именно сейчас необходимы крупномасштабные исследования, так как отсутствие должного контроля со стороны управляющих органов приводит к нарушениям агротехнических норм и ухудшению

состояния природной среды. Сельскохозяйственное районирование как обобщение накопленных знаний о территории также должно существовать, но в связи с меняющейся специализацией многих регионов страны, требуется создание мониторинговой геоинформационной системы, способной достаточно быстро реагировать на изменения и формировать новые базы данных для отграничения территорий, различающихся по основным чертам существующего сельского хозяйства.

Завершающий этап всех исследований должен быть связан с разработкой рекомендаций и практических выводов и предложений, касающихся перспективной территориальной организации сельского хозяйства.

Библиографический список

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2012 году. – М.: Росреестр, 2013. – 252 с.
2. Даньшин А.И. Возможные перспективы развития сельскохозяйственных территорий стран Евросоюза и России // География в школе. – 2010. – №9. – С. 10–17.
3. Даньшин А.И. Изменение территориальной концентрации отраслей сельского хозяйства в 1990-е годы // Территориальная организация сельского хозяйства: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Г. Крючков, С.Г. Покровский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – С. 156–175.
4. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Вопросы экономического районирования: забытые достижения // Пространственная экономика. – 2005. – № 1. – С. 153–62.
5. Докучаев В.В. Учение о зонах природы. – М.: Географиз, 1948. – 64 с.
6. Казьмин М.А. Земельные реформы в России (XIX–XX вв.): Уроки пройденного пути. – М.: Кн. дом «Либроком», 2012. – 240 с.
7. Михайлов М.Б. Виллы // Всеобщая история архитектуры. Т. II. – М.: Стройиздат, 1973. – С. 633–643.
8. Наумов А.С., Рубанов И.Н. Сравнительная характеристика региональной концентрации земледелия в России и США // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2001. – №4. – С. 24–32.
9. Нефедова Т.Г. Районирование сельского хозяйства восточных районов России // Известия РАН. Сер. географич. – 2006. – № 5. – С. 46–61.
10. Нефедова Т.Г. Социальная география сельского хозяйства // Региональные исследования. – 2007. – №4(10). – С. 3–22.
11. Присяжный М.Ю. Социально-географические исследования сельской местности в России // Молодой ученый. – 2011. – № 4. Т.1. – С. 127–133.
12. Прищепов А.В., Мюллер Д., Дубинин М.Ю., Бауманн М., Раделофф В.К. Детерминанты пространственного распределения заброшенных сельскохозяйственных земель в европейской части России // Пространственная экономика. – 2013. – №4. – С. 30–62.
13. Развитие агропромышленного комплекса РСФСР. – М.: Росинформцентр Госкомстата РСФСР, 1991. – 380 с.
14. Ракитников А.Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). – М.: Мысль, 1970. – 342 с.
15. Ракитников А.Н. И. Тюнен и значение его трудов для географии сельского хозяйства // Ракитников А.Н. Избранные труды / Под ред. В.Г. Крючкова. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – С. 70–77.
16. Сборник сведений о состоянии и использовании земель в Федеральных округах Российской Федерации в 2001 году. – М.: Росземкадастр, 2002. – 236 с.
17. Худякова Т.М., Крестина О.А. Территориальная организация свеклосахарного производства Воронежской области. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. – 108 с.
18. Grigg D.B. An Introduction to Agricultural Geography. 2d ed. – London: Routledge, 1995.
19. Hart J.F. The Changing Scale of American Agriculture. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2003.
20. Hecataei Milesii. Fragmenta: Scylacis Caryadensis Periplus. – Beroloni Impensis G. Reimeri, 1831. [Электронный ресурс] URL: <http://books.google.ru/books?id=CjkJAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=el#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 24.06.2014)
21. Ilbery B. Agricultural Geography: A Social and Economic Analysis. – Oxford: Oxford University Press, 1985.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОЛОГИИ В РОССИИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Savoskul M.S. (Moscow)

MIGRATION STUDY IN SOCIAL GEOGRAPHY IN RUSSIA: INTERDISCIPLINARY APPROACH

Аннотация. В статье рассмотрены особенности изучения миграций населения в социально-экономической географии и смежных науках. Представлен краткий обзор истории развития миграциологии во второй половине XX в. в России. На основе данных о защитах кандидатских и докторских диссертаций, посвященных миграциям населения и защищенных в 1993–2013 гг., проведен анализ основных направлений исследований. В статье представлены различия в представлении об объекте и предмете исследования миграциологии в зависимости от научного направления. Проанализированы наиболее распространенные темы, методы и источники информации для написания диссертаций по миграционной тематике.

Abstract. In article migration study in social geography and interdisciplinary sciences are considered. On the basis of analyses PhD thesis in 1993–2013 we told about main directions of migration researches. The most widespread methods and information sources for writing of theses on migratory subject are analysed.

Ключевые слова: социальная и экономическая география, миграции населения, методы исследования.

Key words: migration study, social and economic geography, methods of social geography.

Постановка исследовательской проблемы. Миграции населения как сложное явление привлекают внимание широкого круга исследователей и часто оказываются в центре общественных дискуссий. Миграции стали объектом исследований многих научных направлений и дисциплин: от философии и психологии до статистики. Каждая из них привносит в исследование миграций населения свои собственные концептуальные подходы и исследовательские методы. В результате возникает объективная опасность изоляции миграционных исследований в рамках каждого из направлений, а наличие большого количества точек зрения на роль и последствия миграции для общества с одной стороны – делает актуальной, а с другой стороны – усложняет задачу систематизации уже накопленного опыта в изучении миграции. Все это обуславливает необходимость использования междисциплинарного подхода к изучению миграций населения. Знакомство со всем спектром накопленного знания о миграциях, как теоретического, так и практического, заимствование и интегрирование методологических и методических подходов значительно расширяет исследовательские возможности в познании этого неоднозначного явления. Именно это и стало центральной темой данной публикации.

Основная цель, решаемая в статье – обзор и систематизация опыта изучения миграций населения в географии и смежных науках (истории, экономики, демографии, социологии, политических науках) в период после 1991 г., а также конкретизация вклада социально-экономической географии в исследование миграций населения. Для решения данной цели в статье сделан акцент на рассмотрении следующих тематических вопросов: традиции изучения миграций населения в России; развитие миграционных исследований во второй половине XX в.; анализ развития миграционных исследований в период с 1991 по 2013 г. на основе базы данных по защитам в России диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (далее – кандидатские и докторские диссертации), посвященных миграционной тематике. Последняя тема стала центральным сюжетом данной публикации. В заключение статьи представлены возможные перспективы миграционных исследований в рамках социально-экономической географии.

Решение проанализировать именно квалификационные работы по миграционной тематике, а не все публикации по данной теме было вызвано следующими соображениями. Во-первых, автор исходил из того, что институционализация и закрепление

¹ Автор благодарит А.А. Агирречу за консультации при составлении информационной базы данных по защитам кандидатских и докторских работ.

исследовательских традиций в научном направлении происходит через институт защит кандидатских и докторских работ, поэтому их анализ позволяет выявить уже сложившиеся общепринятые подходы в исследовании миграции населения. Анализ именно этого информационного массива позволяет выявить специфику и место того или иного научного направления в миграционных исследованиях.

Во-вторых, к формулировкам понятий и терминов, представленным в авторефератах и диссертациях соискатель и его научный руководитель обычно относятся с большим вниманием, чем к определениям, представленным в статьях или монографиях.

В-третьих, диссертации позволяют создать сопоставимую базу данных, тогда как статьи и монографии настолько разноплановы, что их сложно систематизировать и формализовать на основе контент-анализа.

В-четвертых, немаловажной причиной послужило и то, что база данных диссертаций по миграции до сих пор не была создана и проанализирована, и поэтому она сама по себе представляет значительный интерес. Тогда как в отношении систематизации научных монографий и статей по миграции этот пробел в 2013 г. восполнился хрестоматией «Миграция в России» [4].

Информационная база статьи и методика исследования. Для анализа миграционных исследований автором была составлена база данных кандидатских и докторских диссертаций по миграционной тематике. В качестве источника информации для нее использовалась электронная библиотека диссертаций и авторефератов [11]. Отбор диссертаций производился по следующим ключевым словам в названии диссертации: миграции, миграционный, мигранты, эмиграции, эмиграционный, эмигранты, иммиграция, иммиграционный, иммигранты, переселения, движение населения.

В итоге рассмотренная в статье база данных включила 56 наименований докторских и 414 кандидатских диссертации по миграционной тематике. Помимо темы работы и фамилии автора, были проанализированы такие параметры, как предмет и объект исследования, места защит, регион исследований, методика и информационная база исследования.

Автор статьи не может утверждать, что проанализированная база данных содержит 100% работ по миграционным исследованиям. Но сопоставление данного электронного ресурса по ряду лет с данными о защитах диссертационных работ на сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) [13] показало высокую степень его репрезентативности. Можно утверждать, что за период с 2000 по 2013 г. в электронной библиотеке авторефератов и диссертаций представлено более 90% всех диссертационных работ по миграционной тематике, защищенных в постсоветской России.

Помимо базы данных в качестве источника информации в статье использован электронный каталог Российской государственной библиотеки [14], библиографические справочники по миграционной тематике [2, 3, 4], и разнообразные литературные источники. Работ, анализирующих диссертационные исследования в географических науках не так много, поэтому в статье не представлен их детальный анализ. Среди подобных работ можно отметить публикацию А.А. Агирречу о структуре и динамике защит диссертаций по социально-экономической географии [1].

В качестве основного метода в статье применялся метод контент-анализа текстов авторефератов диссертаций по миграционной тематике.

Традиции изучения миграций населения в России. Изучение миграций населения в России имеет длительную историю. Оно началось во второй половине XIX в. с изучения переселенческих движений. По мнению Л.Л. Рыбаковского, первоначально миграции населения оказались в центре внимания географов и статистиков, а после этого – демографов и социологов. Л.Л. Рыбаковский в публикации 1998 г. выделяет четыре этапа в становлении миграционных исследований [8], на которых мы остановимся более подробно.

Первый этап – дореволюционный, продолжался со второй половины XIX в. до 1917 г. В этот период изучение миграций населения было сконцентрировано на анализе переселенческого движения, а основное внимание уделялось колонизационной тематике (в т.ч. в рамках антропогеографии). Поэтому не случайно широкое распространение в этот период получило понятие «колонизация», ко-

торое рассматривалось в работах Г.К. Гинса, И.А. Гурвича, А.А. Исаева, А.А. Кауфмана и др. [8]. Проблемы колонизации и переселений в дореволюционные годы исследовались в органической связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами [8]. Важным направлением исследования было изучение приживаемости и обустройства новоселов. Значительное количество работ было посвящено отхожим промыслам крестьян, что обусловлено отменой крепостного права и началом стадии активной урбанизации в России. К наиболее значимым работам в этой сфере в дореволюционный период можно отнести исследования Д.Н. Жбанкова, Н.В. Шаховского, Н.В. Пономарева, Н. Езерского, Л.П. Весина и др. [8]. Следует отметить, что в этот период исследователями обычно использовался термин «переселение», а не «миграция населения».

Второй этап в изучении миграций населения России относится к 1920-х – началу 1930-х гг. По мнению Л.Л. Рыбаковского [8], в этот период еще продолжают традиции изучения миграции населения, заложенные в дореволюционное время, что отчасти связано с продолжающимся переселенческим движением, чему посвящены работы экономиста Л.Е. Минца. Значительный вклад в изучение переселений внесли работы И.Л. Ямзина [10], а экономические аспекты миграционных процессов анализировал С.Г. Струмилин [9].

В данный период происходит организация текущего учета перемещения населения в СССР, разрабатывается программа переписи населения 1926 г., в которую были включены вопросы, касающиеся миграционных перемещений населения. В научной литературе обсуждаются вопросы административного регулирования и планирования миграций населения. Детально этот период в истории изучения миграций населения рассмотрен в исследовании В.М. Моисеенко [5].

В современной научной литературе широко распространено мнение, что период 1930–1950-х гг. стал периодом «полного забвения и коллапса миграционной науки». Л.Л. Рыбаковский справедливо отмечает, что вторая половина 1930-х гг. стала временем роста масштабов как добровольных, так и принудительных миграций, что по идеологическим причинам не могло быть отражено в научных публикациях. Не исключено, что в этом сыграли определенную роль и результа-

ты переписи населения 1937 г., организаторы которой были подвергнуты репрессиям, а демографическая и миграционная проблематика на долгие годы оказалась опасной сферой для исследований [8].

Действительно 1930–1950-е гг. характеризуются резким снижением внимания ученых к миграционной тематике, но именно в этот период появляются исследования миграции населения географа В.В. Покшишевского, заложившего многие традиции изучения миграции населения в географической науке. В 1943–1947 гг. ученый провел историко-географические исследования процессов миграции в СССР, результаты которых составили основу докторской диссертации, успешно защищенной в 1949 г. на географическом факультете МГУ по теме «География миграций населения России. Опыт историко-географического исследования» [6, 12]. Именно В.В. Покшишевский ввел в географический оборот и стал активно применять термин «миграция населения» вместо ранее более распространенного понятия «переселение».

Третий этап начался в конце 1960-х гг. и длился вплоть до начала 1990-х гг. Это время активизации и появления различных направлений в исследовании миграций населения. Значительная часть работ посвящена основным тенденциям в миграционном поведении населения, в том числе безвозвратным миграциям, методам анализа миграционной подвижности, вопросам изучения методологии и классификации миграций. Фокус работ в этот период направлен на межрегиональные внутренние миграции населения СССР, на анализ миграции село–город в условиях активной урбанизации. Отдельной немаловажной темой стала проблематика приживаемости новоселов в регионах нового освоения и решение кадровых проблем в связи с оттоком населения из сельской местности. Именно в этот период появляются работы, посвященные анализу маятниковых миграций.

Для **четвертого этапа (1991–2002 гг.)** характерна резкая смена тематики и характера миграционных исследований, произошедшая вслед за кардинальными переменами в жизни страны. Происходит не только смена авторов [2, с. 286], но и расширение тематики миграционных исследований, в том числе по ранее «закрытым» направлениям.

Для этого этапа самыми популярными в изучении миграции населения становятся следующие темы: вынужденная миграция на постсоветском пространстве (Г.С. Витковская, Е.И. Филиппова), миграция русскоязычного населения (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская), эмиграция (В.В. Степанов, Р.А. Варданын, В.Д. Войнова), принудительные миграции (П.М. Полян, В.Н. Земсков), «утечка умов» (И.Г. Ушкалов). Происходит сокращение числа работ по маятниковым миграциям, практически не затрагиваются теоретические и методические вопросы изучения миграций населения.

В данный период происходит расширение числа исследовательских центров. К изучению миграции населения более активно начинают обращаться специалисты Института этнологии и антропологии РАН, Института истории РАН, возникают негосударственные исследовательские центры (например, Центр Карнеги), представительства международных организаций: Международная организация по миграции (МОМ), Международная организация по труду (МОТ).

Для **пятого этапа (2002 г. – наст. время)** характерна очередная смена тематики исследований и рост разнообразия используемых методов. Преобладающими темами в исследованиях стали внешние трудовые миграции (Ю.Ф. Флоринская, Ж.А. Зайончковская), внутренние трудовые миграции (Ю.М. Плюсин), этнические миграции (Л.В. Остапенко, И.А. Субботина, В.С. Белозеров), адаптация трудовых мигрантов в России (В.Н. Петров), миграционная политика в мире и России (В.И. Мукомель, И.В. Ивахнюк), трансграничные миграции (Г.И. Глушенко, В.И. Дятлов), гендерные аспекты миграции (Е.В. Тюрюканова). Также появляются работы по обобщению теорий миграции в России и мире (Т.Н. Юдина, М.С. Блинова). Увеличивается число работ по миграциям населения в зарубежных странах (С.В. Рязанцев).

На этом этапе происходит формирование новых исследовательских подходов к изучению миграции населения, начинают более широко применяться нестатистические методы исследования. Формируются новые региональные центры социальной географии, изучающие в том числе и миграцию населения (Ставрополь, Саратов и др.).

О трансформации масштабов и динамики миграционных исследований в советский

период и после 1991 г., свидетельствуют следующие цифры: по данным электронного каталога Российской государственной библиотеки в период с 1960 по 1991 г. выполнено всего 20 кандидатских диссертаций, посвященных миграции населения, и ни одной докторской работы. В период с 1992 по 2013 г. в базе данных электронной библиотеки диссертаций насчитывается более 400 кандидатских и 50 докторских работ, связанных с миграционной тематикой

Аннотированный библиографический указатель в хрестоматии по миграции населения содержит более 350 монографий, сборников и брошюр, в которых затрагиваются вопросы исследования миграции населения в период 2000–2012 гг. В электронном информационном бюллетене «Демоскоп Weekly» за этот же период опубликовано 460 материалов по миграционной тематике [3, 4].

С расширением тематики исследований изменяется объект и предмет миграционных исследований, они становятся все более междисциплинарными. В этом процессе можно отметить как положительные, так и отрицательные черты. Так, происходит определенная изоляция изучения миграции населения в границах отдельных исследовательских направлений. Этот процесс Хоссе Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» еще в 1930 г. называл «специализмом» в отношении естественных наук, что оказалось справедливым и для гуманитарных наук. Приведем его цитату: «Было бы крайне интересно, да и намного полезней, чем кажется, взглянуть на историю физики и биологии с точки зрения растущей специализации исследователей. Мы убедились бы, что люди науки, поколение за поколением, ужимаются и замыкаются на все более тесном пространстве мысли. Но существенней другое: с каждым новым поколением, сужая поле деятельности, ученые теряют связь с остальной наукой, с целостным истолкованием мира – единственным, что достойно называться наукой...» [7, с. 107].

Поэтому в данной статье мы проанализируем основные работы, как кандидатские, так и докторские, которые защищались по миграционной тематике в период с 1993 по 2013 г. Именно в этот период в России произошло становление и закрепление исследовательских традиций в изучении миграций населения.

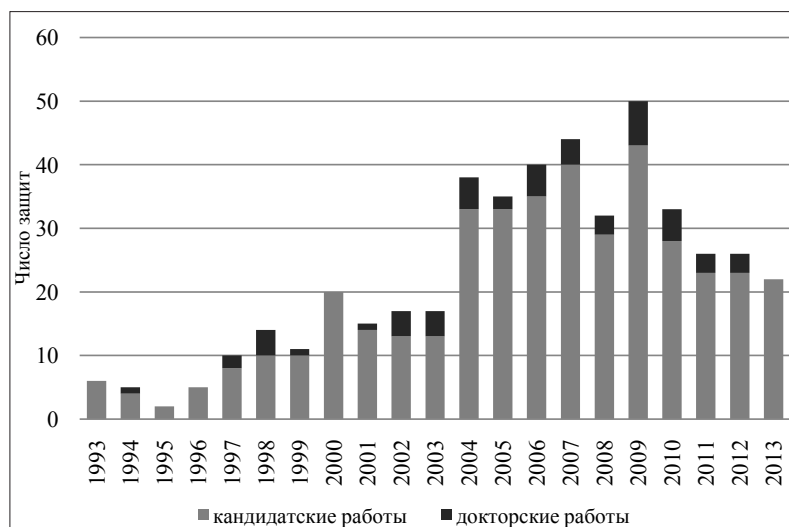

Рис. 1. Динамика защит кандидатских и докторских работ по миграциям населения в 1993–2013 гг.

Источник: база данных, составленная автором.

Динамика защит после 1993 г. Всего с 1993 по 2013 г. было защищено более 400 кандидатских работ по миграционной тематике (в составленную базу данных вошли 414 работ) и 54 докторские работы (рис. 1). Интерес к миграционной тематике неуклонно возрастал в течение 15 лет до 2009 г., после этого количество работ стало снижаться. В период с 1993 по 2000 г. в среднем защищалось 6–7 кандидатских работ ежегодно. В период с 2001 по 2010 г. среднее количество защит в год составило 26–27 кандидатских работ. Защиты докторских работ также подтверждают рост популярности миграционных исследований за рассматриваемый период: с 1993 по 2000 г. было защищено 8 докторских работ по миграционной тематике, а с 2001 по 2010 г. – более 40.

Некоторое снижение количества защит кандидатских диссертаций по миграционной тематике в 2011–2013 гг. может быть вызвано как некоторым исчерпанием наиболее популярных тем в изучении миграции населения и заполнением научного вакуума, наблюдавшегося до 1991 г., так и организационно-техническим фактором (часть работ пока не попала в электронный каталог диссертаций, использовавшийся при создании базы данных). В любом случае автор пока избегает вывода о снижении научного интереса к миграциям населения.

Отраслевая структура защит по научным направлениям позволяет выявить науки, которые в настоящее время наиболее активно изучают миграции населения. Как видно из рисунка 2, это экономика и демография, социология, политические науки, история и этнография. В социально-экономической географии в рассматриваемый период было защищено 22 кандидатских и одна докторская диссертация по миграционной тематике.

Такое распределение защит кандидатских и докторских диссертаций по отраслям наук помимо традиций изучения миграций населения в демографии и экономике, а также в социологии, этнографии и истории, возможно вызвано большим количеством диссертаций защищаемых в этих науках, по сравнению с социально-экономической географией и философией.

Исходя из собственных наблюдений автора, а также судя по публикациям на миграционную тематику, можно говорить о том, что социальные географы после 1991 г. в изучение миграции населения, вносят меньший вклад, чем представители других гуманитарных дисциплин. Но необходимо отметить, что многие наиболее значимые исследователи миграции населения получили географическое образование и только потом их сфера деятельности сместилась в смежные дисциплины (например, В.И. Переведенцев,

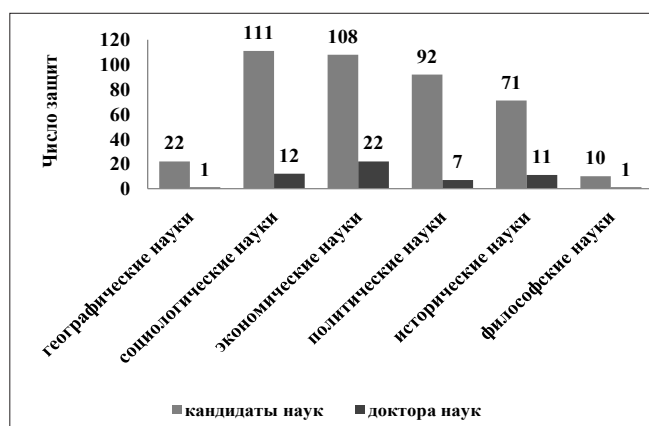

Рис. 2. Защиты кандидатских и докторских работ по миграционной тематике по наукам, в 1993–2013 гг.

Источник: база данных составленная автором

Ж.А. Зайончковская, Б.С. Хорев). Подобное распределение скорее свидетельствует о междисциплинарном характере исследований миграции населения, которые сложно отнести лишь к одной из отраслей научного знания (что будет далее нами показано на примере анализе предмета и объекта изучения миграции населения).

Места защит диссертаций по направлениям. Централизация российского пространства и ведущая роль Москвы по сравнению с другими регионами прослеживается и при анализе мест защиты диссертаций по рассматриваемой тематике: преобладающее количество работ – 46%, или 205 из 440 работ (где было указано место защиты) защищено в Москве (рис. 3).

Среди научных организаций в Москве лидерами по количеству защит работ по миграционной тематике является Институт социально-политических исследований РАН, в котором с 1993 по 2013 г. защищено более 30 кандидатских и 6 докторских диссертаций. На втором месте по числу защит работ по миграционной тематике находится МГУ им. М.В. Ломоносова (экономический, географический, социологический, исторический факультеты).

Регулярно проходят защиты по миграционной тематике как в академических институтах (Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, Институт географии РАН, Институт социологии РАН), так и в высших учебных заведениях (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская

академия государственной службы при Президенте РФ (позднее – Российская академия народного хозяйства и государственной службы), Российский университет дружбы народов).

В Санкт-Петербурге защищено 30 кандидатских и докторских диссертаций по миграционным исследованиям (7% от всех работ). Преимущественно они были защищены в Санкт-Петербургском государственном университете.

Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, являющимися общероссийскими научными центрами, Северный Кавказ оказался на третьем месте по защите работ связанных с исследованием миграций населения за рассматриваемый период. Интерес к миграционной тематике в регионе, являющемся одним из центров этнических миграций, вполне понятен. В Ростове-на-Дону защищено 23 кандидатские и докторские работы (5% от всех работ), посвященные миграционным вопросам; 18 защит (4% от всех работ) приходится на Ставрополь и 9 работ – на Краснодар.

География защит остальных работ широка: всего защиты на миграционную тематику, помимо указанных городов проходили более, чем в 45 городах, но в каждом городе не более 9 работ за последние 20 лет.

Кандидатские работы географов на миграционную тематику, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, были защищены в Ставрополе, Воронеже, Иркутске, Смоленске, Уфе, Новосибирске. В этих центрах, несмотря на незначительное количество работ защищенных по данной теме, уже

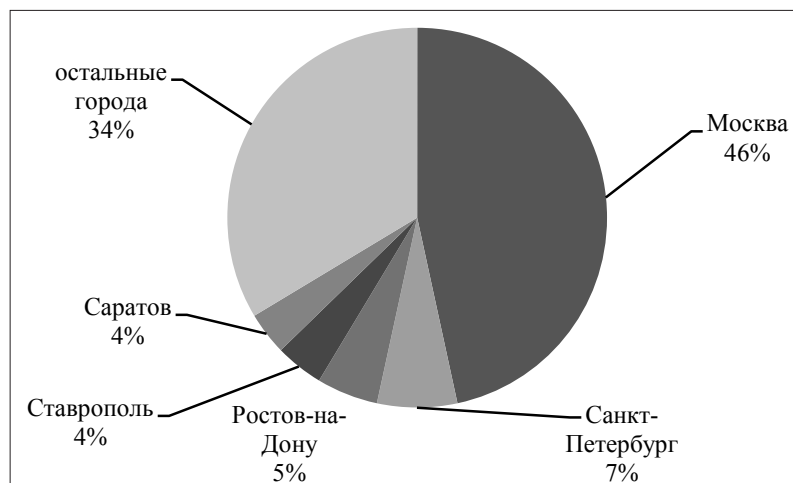

Рис. 3. Города, где происходили защиты кандидатских и докторских диссертаций по миграциям населения в 1993–2013 гг.
(всего 440 работ по миграционной тематике, где отмечено место защиты)*
Источник: база данных диссертаций, составленная автором.

сложились традиции исследования миграции географами.

Основными факторами, обуславливающими интерес к миграционной тематике и количество работ, защищенных по этому направлению в том или ином городе, помимо наличия диссертационного совета, являются: размер научного центра и количество исследовательских центров в городе (например, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск); актуальность изучения миграций населения для региона (помимо столиц, это, например, регионы Северного Кавказа, Дальний Восток); наличие ученых, занимающихся данной тематикой (например, Иркутск, Саратов и т.д.).

Особенности изучения миграции населения в различных социальных науках. Контент-анализ тем кандидатских и докторских диссертаций, а также определений объекта и предмета миграционных исследований, формулировки которых представлены в работах, говорит о том, что с одной стороны, миграции прочно заняли место в каждой из наук с учетом их специфики, с другой стороны, как при изучении любого сложного социально-экономического явления, до сих пор не сформировалось единого для всех наук определения объекта миграционных исследований (табл. 1).

«Пересечение» тем работ в различных науках говорит о том, что пока миграционные исследования, хотя формально и относятся к различным наукам, часто находятся в едином исследовательском поле. В различных дисциплинах используются сходные методы и источники информации. Это объясняется и относительно непродолжительным периодом изучения миграций в постсоветский период и самим характером миграционного процесса, который затрагивает практически все стороны жизни общества, и спецификой развития самой науки. Но это же и подводит к выводу, что миграции населения необходимо изучать с учетом междисциплинарных подходов и методов.

Наиболее рельефно исследовательские подходы и междисциплинарные особенности миграционных исследований проявляются при рассмотрении формулировок объекта и предмета исследований, сформулированных в авторефератах, а также при выявлении наиболее типичных для того или иного направления тем диссертационных исследований.

Как видно из приведенных в статье таблиц, для географических наук характерно наиболее однозначное понимание объекта миграционных исследований. В преобладающем количестве географических работ объектом миграционных исследований становится миграционный процесс на конкрет-

* Места защиты в базе данных указаны не для всех работ, для периода 1993–1999 гг., поэтому количество работ, где указаны места защиты – 440 не совпадает с общим количеством работ, представленных в базе данных – 470.

Таблица 1

Объект и предмет в миграционных исследованиях в кандидатских и докторских диссертациях, защищенных в 1993–2013 гг.

Науки	Объект (в скобках указано количество формулировок в авторефератах)	Предмет (в скобках указано количество формулировок в авторефератах)
географические науки	миграция или миграционные процессы в конкретном регионе (9), регион (5)	географические и региональные особенности миграционных процессов (4), миграционные процессы (4)
социологические науки	миграция как социальный процесс (46), мигранты и группы населения (28), социальная адаптация и социальная мобильность мигрантов (10+4), регулирование и управление миграционными процессами, миграционная политика (4+6)	интеграционные и адаптационные стратегии мигрантов в принимающем обществе, социальный статус мигрантов, социокультурные практики мигрантов, восприятие мигрантами принимающего общества (41+7), характеристика миграционного процесса (18), управление и регулирование процессов миграции, миграционная политика (18), социально-экономические последствия миграции (8), теоретические вопросы изучения миграции (4)
экономические науки	миграции как социальный и экономические процесс (48), население регионов и миграционные потоки, социальные группы, участвующие в миграции (33), рынок труда (10), миграционная политика (3), регионы (2)	миграция как комплексный и сложный социально-экономический процесс (32), влияние миграций на рынок труда и социально-экономические отношения (29), управление и регулирование миграционными потоками, миграционная политика (27), миграционное поведение население и социальные отношения в принимающем обществе (5), методы анализа миграций (2)
политические науки	миграционные процессы, как часть политического процесса, миграции (35), миграционная политика, управление и регулирование миграции (19+9), группы мигрантов, миграционные потоки (7+4)	различные аспекты регулирования и управления миграционным процессом, миграционная политика стран и регионов (58), влияние миграционных процессов на политические процессы, миграционный процесс (17)
исторические науки	население, группы мигрантов (24), миграционные процессы, переселенческие движения (13+4), миграционная политика (4), регион (1)	миграционные процессы, их влияние на социальные, экономические и политические процессы (15), адаптация мигрантов и социальные отношения и социальная мобильность мигрантов (12), миграционная политика, регулирование миграции в различные исторические периоды (11)
философские науки	миграционный процесс (5), мигранты (4), социальные сети мигрантов (1)	межкультурные взаимодействия и общественные отношения в ходе процесса миграции, в том числе в условиях глобализации (7), общественное развитие, способы существования общества (5)

Примечание: в скобках указано число авторефератов в которых дана такая формулировка. Составлено автором.

ной территории. В качестве же объекта исследований выбирается какой-либо регион, что логично для географического подхода к исследованию миграций.

Предмет миграционных исследований в географии сформулирован с меньшей степенью вариативности, чем в других дисциплинах. Это, прежде всего – географические и региональные особенности миграционных процессов, что отражает специфику сов-

ременных географических исследований, а также выявление региональных особенностей социальных и экономических процессов. Для тематики географических исследований миграции населения характерны четыре ведущих исследовательских сюжета: характеристика миграционной ситуации в регионе; работы, посвященные вынужденным мигрантам (особенно часто эта тема встречается в середине 1990-х гг.); расселе-

Таблица 2

Наиболее популярные темы исследований, в кандидатских и докторских диссертациях, защищенных в 1993–2013 гг

[illegible]

Примечание: серым фоном выделены темы, характерные только для одного из научных направлений.
Источник: база данных диссертации, составленная автором.

ние мигрантов на принимающей территории; трудовые мигранты и рынок труда (тема появляется только в 2000-е гг.). Эти темы, кроме вопросов расселения мигрантов, являются также типичными и для ряда других направлений (табл. 2).

В экономике и социологии из-за большого количества защищаемых работ, а также в силу разнообразия мест защит диссертаций, наблюдается более широкий спектр понимания объекта и предмета миграционных исследований, а также более широкая тематика работ. В качестве **объекта исследования**, также как в географии, чаще всего выступает миграционный процесс. И для социологии и для экономики часто объектом миграционного исследования становятся сами мигранты или в целом население регионов. В социологических работах среди формулировок объекта исследования встречается процесс социальной адаптации мигранта, а в экономических науках – рынок труда и поведение мигрантов на рынке труда.

В политических науках, помимо упомянутых выше вариантов, часто в качестве объекта исследований упоминается миграционная политика страны или региона.

В исторических науках объектом миграционных исследований являются население регионов или отдельные группы мигрантов, либо сам миграционный процесс.

Предмет миграционных исследований в зависимости от дисциплины, в рамках которой проходила работа над диссертацией, сильно различается и в большей степени определяет специфику дисциплины. В социологических науках чаще всего в качестве предмета исследования выступают интеграционные и адаптационные стратегии мигрантов в принимающем обществе, социальный статус мигрантов, социокультурные практики мигрантов, восприятие мигрантами принимающего общества (табл. 1).

В экономических науках под предметом миграционных исследований понимают миграцию как комплексный и сложный социально-экономический процесс.

В политических науках предмет миграционных исследований – это различные аспекты регулирования и управления миграционным процессом, миграционная политика стран и регионов.

В исторических науках предмет исследования сформулирован ближе всего к социологическим наукам – миграционные процессы, их влияние на социальные, экономические и политические процессы (табл. 1).

Есть ряд тем, которые характерны только для одной из каждой рассмотренных наук. Для географии – это вопросы расселения мигрантов в принимающем регионе или стране; для социологии – это гендерные аспекты миграционного процесса, а также вопросы толерантности и мигрантофобии в обществе; для экономики – это работы, посвященные особенностям статистического учета мигрантов; для политологии – это сфера вопросов миграции и безопасности; для истории – тематика переселенческого движения в Сибирь в XIX в. и изучение эмиграции из России после 1917 г.

Методы миграционных исследований.

В ходе анализа методов, использовавшихся в кандидатских и докторских диссертациях, также проявился междисциплинарный характер изучения миграции. Географические науки по набору используемых в работах методов отличаются от других дисциплин собственным подходом, в частности к этому относятся различные методы регионального анализа, районирование территории, картографический метод и др.

Для социологических наук помимо количественных методов (массовые опросы, статистический анализ) также характерно более широкое использование нестатистических (качественных) методов (табл. 3). Особенностью экономических наук является активное использование количественных методов (математическое моделирование, факторный анализ).

В работах по миграционной тематике, защищенных в политических науках, часто наравне со статистическими методами активно используются сравнительно-исторический метод, описательный и др. Для исторических наук при написании работ по миграционным исследованиям ученые часто обращаются к историковедческому методу, историко-типологическому анализу, также для этой отрасли знаний характерно обращение к этнографическим методам (наблюдение, глубинные интервью).

Некоторые выводы. Вопреки предположениям автора в начале работы над ана-

Методы, использованные в кандидатских и докторских диссертациях, посвященных миграциям населения в 1993–2013 гг.

Науки	Методы сбора и анализа данных, используемые в работе (порядок перечисления соответствует частоте упоминаний в авторефератах)
географические науки	районирование, типология регионов, картографический, статистический, сравнительно-географический, массовый опрос населения, метод «ключей», личное наблюдение
социологические науки	статистический, структурно-функциональный, контент-анализ, массовый опрос, опрос экспертов, глубинные интервью, фокус-группы, нарративные интервью, анализ случая, биографические интервью, наблюдение, анализ социальных сетей мигрантов, этнографический метод, метод интерпретирующего понимания
экономические науки	математическое моделирование, факторный анализ, статистический метод, вторичный анализ массовых опросов, сравнительный метод, картографический метод, анализ документов, экспертные оценки
политические науки	историко-описательный, сравнительно-исторический, статистический (корреляционный и факторный анализ), политологический анализ, массовые опросы, опросы экспертов, контент-анализ, структурно-функциональный анализ, проведение фокус-групп, анализ случая, наблюдение
исторические науки	источниковедческий, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-генетический, статистический, массового опроса, метод экспертных оценок, метод наблюдения, контент-анализ, глубинные интервью

Составлено автором.

лизом составленной базы диссертаций, не было выявлено существенного изменения тем диссертаций в 2000-х гг., по сравнению с началом 1990-х гг. Набор тем достаточно традиционен, и существенным образом за 20 лет не изменился. Заметным является увеличение интереса к миграционным процессам адаптации мигрантов в зарубежных странах, прежде всего – в странах Западной Европы и США. Это вызвано доступностью информации о зарубежных странах, активным использованием литературы на иностранных языках, расширением исследовательских возможностей самих авторов, в том числе по сбору материала в изучаемых странах.

Рост числа диссертаций на ту или иную тематику наблюдается во времена активизации тех или иных миграционных процессов. Так, первая половина 1990-х гг. выделяется значительным количеством работ, посвященным вынужденным мигрантам в Россию из постсоветских стран. Начало 2000-х гг. стало периодом повышенного интереса к трудовым мигрантам из стран СНГ в Россию. В то же время, работ, посвященных особенностям внутрироссийской миграции, относительно немного.

Миграции населения остаются процессом, изучаемым сразу несколькими научными дисциплинами: экономикой, социологией, демографией, историей, этнографией и географией. Наиболее широкий спектр диссертационных исследований характе-

рен для экономики, социологии, политических и исторических наук. Географическим наукам принадлежит более скромное место в изучении миграции населения.

Практически общим для всех рассмотренных направлений, является понимание объекта миграционных исследований, различия проявляются в представлениях о предмете миграционных исследований в каждой из научных дисциплин, а также в ряде тем исследований. В целом можно говорить о том, что в России за время активизации миграционных исследований сложился свой собственный подход к изучению миграций населения.

Особенностью современных исследований миграций населения является незначительное количество работ по теории миграционных процессов. Редко встречаются диссертационные исследования, в которых объединены теоретические работы и эмпирические исследования.

До сих пор качественные (нестатистические) методы не получили широкого распространения в диссертационных работах: среди всех рассмотренных работ, лишь пять написаны только с использованием нестатистических методов исследования.

Анализ мест защиты диссертаций, показывает, что кроме Института социально-политических исследований РАН, а также экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в России нет единого междисци-

плинарного центра исследования миграции населения. По количеству защищенных работ, наиболее значимым центром является Институт социально-политических исследований РАН, но защищенные в нем работы достаточно узкоспециализированы.

В перспективе в миграционных исследованиях необходимо более широко использовать интегрирующие стратегии

исследования, сочетающие как количественные методы, так и качественные нестатистические методы. Для географии и остальных наук важно расширение теоретического поля исследований, желательно адаптировать уже накопленный опыт изучения миграции в западных странах, где есть специализированные центры исследования миграций населения.

Библиографический список

1. Агирречу А.А. Структура и динамика защит по социально-экономической географии в России в 2000-е гг. // Региональные исследования. – 2014. – №1 (43). – С. 145–153.
2. Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б. Миграция населения // СССР–СНГ–Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 600 с.
3. Миграция населения в постсоветских государствах. Аннотированная библиография российских изданий 1992–1997 гг. – М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. – 185 с.
4. Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 тт. Т. 3. Аннотированный библиографический указатель научной литературы по миграции, изданной в России. 2000–2011 / НП РСМД. – М.: Спецкнига, 2013.
5. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. – М.: Мысль, 1985. – 120 с.
6. Назаревский О.Р. В.В. Покшишевский // Экономическая и социальная география в СССР. – М.: Просвещение, 1987. – С. 432–438.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Изд-во «Весь мир», 1997. – 700 с.
8. Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России. Гл. 22 // Социология в России. Под ред. Ядова В.А. – М.: Ин-т социологии РАН., 1998. – С. 436–451.
9. Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1925/1927–1930/1931 гг. // Плановое хозяйство. – 1927. – № 3.
10. Ямзин И.Л., Вошинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. – М.-Л., 1926. – 332 с.

Интернет-источники

11. <http://www.dissercat.com> – сайт электронной библиотеки диссертаций и авторефератов
12. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0213/nauka02.php> – электронный бюллетень «Население и общество»
13. <http://vak.ed.gov.ru> – официальный сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации
14. <http://www.rsl.ru> – официальный сайт Российской государственной библиотеки.

Шупер В.А. (Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Shuper V.A.

SOCIETY SPATIAL SELF-ORGANIZATION AS A RESEARCH FIELD AND UNIVERSITY COURSE

Аннотация. Исследования территориальной самоорганизации общества развиваются в нашей стране в русле идей теоретической географии и связаны с представлениями о равноправности каузального и финалистского объяснения, квазиестественных процессах и структуре как инвариантном аспекте системы. Последнее позволяет использовать инварианты как характеристику симметрии пространства. Изменение общепризнанных представлений о причинности имеет огромное значение для формирования научного мировоззрения студентов. Семестровый курс «Территориальная самоорганизация общества» читается студентам двух кафедр географического факультета МГУ на V курсе, либо I курсе магистратуры.

Abstract. Society's spatial self-organization research was historically developed in the bad of theoretical geography in Soviet Union, later in Russia. The main ideas of such a stream are the ideas of equality of causal and finalistic explanation, of spatial self-organization as a quasi-natural phenomenon, of the structure as an invariant aspect of the systems. The last enables us to use the invariants as a characteristic of social space symmetry. The transformation of the usual ideas about causality is of a big importance for the student's scientific world view. The course "Society's spatial self-organization" long of half-year is delivered to the master students of the Department of geography, Moscow State University having a specialization in social and economic geography.

Ключевые слова: территориальная самоорганизация, аттракторы, эквифинальность, каузальное объяснение, финалистское объяснение, симметрия, инварианты, миссия университета.

Keywords: spatial self-organization, attractors, equifinality, causal explanation, explanation, symmetry, invariants, mission of university.

Введение. Мы далеко не всегда осознаём те тектонические сдвиги, которые коренным образом меняют интеллектуальный ландшафт как условие нашей профессиональной деятельности и нашего духовного существования. Поколениям, входящим сейчас в пенсионный возраст и более старшим, выпало счастье застать один из самых ярких и романтических периодов в развитии науки, каковыми были 50–70-е годы XX в., а несколько более молодым довелось хотя бы увидеть его отблеск. Исключительно высокий престиж науки и учёных сочетался с экспоненциальным ростом их числа, из чего наиболее проницательные авторы уже тогда делали вывод о невозможности продолжения столь благоприятного положения дел в течение сколько-нибудь длительного времени. К их числу, безусловно, принадлежал и М.К. Петров (1923–1987), писавший более тридцати лет назад: «Футурологи, работающие в своих предсказаниях будущего методом экстраполяции на будущее действующих сегодня и имеющих длительную историю тенденций, более или менее согласно утверждают, что в первой половине XXI в. человечество под-

живает темное пятно – растянутое на два-три десятилетия место пересечения множества тенденций, которые ни по какой логике пересекаться не могут. К примеру, расходы на науку должны будут превзойти национальные доходы развитых стран, возраст автора первой научной публикации – среднюю продолжительность жизни, потребность науки в кадрах – численность ежегодной волны сверстников» [21, с. 637–638].

Петров усматривал кризисные явления не только в сфере науки, но и в сфере образования. Критика «экстенсивной модели онаучивания», принятой в современном обществе, стала одним из главных положений его последней книги, во многом подводящей итоги его напряжённейших научных и философских исканий [21]. К его воззрениям на проблемы образования мы вернёмся в заключительной части статьи, сейчас же рассмотрим происходящие на наших глазах глубочайшие изменения в научном мировоззрении в их воздействии на социально-экономическую географию.

Синергетическая революция и социальная география. Синергетическую

революцию, по-видимому, можно считать последней научной революцией XX в., последним прорывом эпохи экспоненциального роста науки. Она вобрала в себя его невообразимый по нынешним временам накал научного творчества. Масштабы сделанного производят в наше время почти такое же впечатление, как высадка на Луну. Её истоки – в работах И. Пригожина (1917–2003), выполненных в 1967–1968 гг. [22, 23], хотя сам термин синергетика был введен в 1973 г. Г. Хакеном [36]. Сам И. Пригожин и его последователи использовали и используют понятия нелинейной динамики или нелинейной науки. Необходимо отметить, что в нашей стране примерно в то же время в Институте прикладной математики им. М.В. Келдыша АН СССР исследования диссипативных систем (последние характеризуются открытостью, неравновесностью и нелинейностью) сформировались в мощное научное направление [27, 28]. Этим направлением был получен целый ряд важных научных результатов, в том числе сделано открытие т.н. эффекта Т-слоя, занесенное в Государственный реестр открытий под №55 с приоритетом от ноября 1965 г. [25]. Особая роль в развитии синергетики и распространении её идей принадлежит С.П. Курдюмову (1928–2004), признанному лидеру этого направления и создателю мощной школы. К сожалению, закрытость ИПМ им. М.В. Келдыша АН СССР для посещения иностранными учеными до конца 1980-х гг. привела к тому, что результаты отечественных исследований не получили ни должной известности, ни должного признания в мире. Именно С.П. Курдюмову принадлежит заслуга в открытии этого института для отечественных и зарубежных учёных, что также придало мощный импульс распространению синергетического мировоззрения.

Идеи синергетики нашли плодотворное воплощение в социально-географических исследованиях. Важные результаты были получены Ю.Г. Липецем (1931–2006) и возглавляемой им лабораторией географии мирового развития в Институте географии РАН. Традиционное для географии внимание к пространственному фактору нашло новое воплощение в представлении о пространстве как об источнике развития [15]. Данный подход, предполагающий не анализ факторов развития, а анализ свойств социально-гео-

графического пространства с точки зрения их большей или меньшей благоприятности для развития, имеет явные преимущества в тех случаях, когда число факторов исключительно велико, если не бесконечно, а точная их оценка крайне затруднительна. Подобные взгляды все шире распространяются и в экономической науке, причем один из наиболее заметных их приверженцев – Дж. Сорос. «Недавно в науке начало развиваться новое направление, – пишет Сорос, – называемое теорией сложности, теорией эволюции систем, или теорией хаоса. Для понимания исторического процесса этот подход намного полезнее, чем традиционный аналитический. К сожалению, глядя на мир, мы в большей степени руководствуемся аналитическим научным подходом, чем следовало бы для нашей же пользы. Экономика стремится быть аналитической наукой. Но все исторические процессы, включая динамику фондовых рынков, являются комплексными и не могут быть поняты на основе аналитического научного подхода» [31, с. 93].

Теоретические конструкции синергетики, как может показаться на первый взгляд, предназначены для описания дискретных объектов, ибо система, в т.ч. и неравновесная, традиционно понимается как совокупность взаимодействующих элементов. Между тем интуитивно осознается и то, что главное в любой системе – это её структура, а последняя с конца 60-х гг. XX в. понимается благодаря работам Н.Ф. Овчинникова (1915–2010) как инвариантный аспект системы [18, 19]. Один из главных аспектов этой инвариантности – инвариантность относительно различных методов выделения элементов системы. Чего стоят географические закономерности, принципы, уравнения и т.п., если все они «летят» при выборе другой сетки районирования? Разумеется, мы не можем познавать мир, не дискретизируя его, не выделяя в нем определенные элементы. Однако нам не следует забывать, что это, по удачному выражению В.В. Налимова (1910–1997), – насилие нашего дискретного языка над континуальной реальностью [17]. Едва ли будет менее плодотворным представлять систему не как совокупность взаимодействующих объектов, а как совокупность взаимодействующих свойств, прежде всего пространственных [38].

Зерна дают всходы, лишь попадая на благодатную почву. В силу особенностей исто-

рического развития географии «географическая почва» оказалась весьма благоприятной для идей синергетики. Это связано, прежде всего, с количественной и теоретической революциями, которые существенно изменили облик нашей науки в 1960–1970-е гг. Напомним, что одной из ключевых идей вышедшей вторым изданием в 1962 г. (первое, малотиражное издание вышло в 1960 г.) книги В. Бунге «Теоретическая география» (русский перевод опубликован в 1967 г. [3]), была именно идея структурного изоморфизма, (хотя сам Бунге этот термин не использовал), понимаемого как тождество способов пространственной организации географических явлений самой различной природы, изучаемых как физической географией, так и социально-экономической. Бунге смело заимствовал идеи из геоморфологии и прилагал их к описанию социально-географических явлений. Стало хрестоматийным сравнение меандрирования реки и изменение трассы федерального шоссе, так же вынужденного преодолевать «прирусловые валы» высоких цен на землю. Важный вклад в теоретическое осмысление процессов пространственной дифференциации, в создание каталога пространственных структур был внесен работами Б.Б. Родомана [26]. Между тем и у творцов теоретической революции в географии были выдающиеся предшественники, причем не только хорошо им известные – В. Кристаллер (1893–1969) [42], А. Лёш (1906–1945) [14], Дж.К. Зипф (1902–1950) [44, 45], но и оставшиеся им совершенно неизвестными – Л. Лаланн (1811–1892) [12, 13] и В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870–1942) [29, 30]. Первый из этих двух предвосхитил в 1863 г. некоторые положения теории центральных мест, а также сформулировал закономерности саморазвития транспортных сетей, на столетие опередив исследования в этой области. Второй еще в начале века фактически разработал каталог форм устойчивой территориальной организации государств, однако, эти результаты не получили резонанса в научном сообществе.

Теория эволюции и теоретическая география. Исключительно высокий интеллектуальный уровень исследовательской работы в области теории эволюции в период между двумя войнами привел к появлению ряда весьма значительных исследований, ставив-

ших под сомнение роль естественного отбора как творческого фактора. Напротив, с точки зрения биологов-недарвинистов, он играет скорее консервативную роль, устраняя отклонения от нормы, а не способствуя их возникновению. Причина в том, что любые приобретения эволюции начинают приносить пользу далеко не сразу, а лишь после того как достигнут достаточно высокого уровня развития. До этого они могут быть лишь вредны для своих владельцев. Здесь нам опять полезно воспользоваться представлениями о структурном изоморфизме эволюционных процессов в живой природе и в развитии цивилизации. Едва ли первые пароходы развивали большую скорость, чем фрегат «Ласточка», рассчитанный П.-С. Лапласом (1749–1827), едва ли первые автомобили ездили лучше, чем пароконная упряжь. Закономерно, что выдающийся биолог и географ Л.С. Берг (1876–1950) выдвинул гипотезу о том, что творческим фактором эволюции является не естественный отбор, а номогенез, т.е. проявление определенных закономерностей [2]. Эти взгляды получили дальнейшее развитие в работах А.Г. Гурвича (1874–1954) [7, 8], обогатившего биологию представлениями о потенциальной форме, и А.А. Любищева (1890–1972) [16]. Последним были наиболее полно развиты представления о детерминации эволюционных процессов некой конечной целью, финальной симметрией, по сути – стремлением к реализации максимального числа форм из некоторого неизвестного нам ещё каталога, каковой можно отдаленно себе представить по аналогии с группами Шёнфлиса-Федорова.

Значение для географии теоретических конструкций типа потенциальной формы, определяющей направление развития отдельных организмов и эволюции биологических видов, или финальной симметрии весьма велико. При этом каталог форм устойчивой территориальной организации государств фактически был разработан В.П. Семеновым-Тянь-Шанским раньше, чем Л.С. Берг опубликовал свой знаменитый труд о номогенезе. Остановиться следует на менее очевидных идеях. Это, прежде всего, представления о конфинальности (эквивинальности) в развитии городов-гигантов, выдвинутые П. Хаггетом еще в 1960-е гг. [34]. Города этого класса обнаруживают несравненно большее сходство между собой, нежели

малые города, из которых они выросли. Те же самые тенденции прослеживаются и в развитии систем городов. Системы центральных мест также стремятся в своем развитии к определенному равновесному состоянию, т.н. изостатическому равновесию, которое выступает по отношению к ним в качестве аттрактора – области притяжения процесса [37].

Использование представления об аттракторе, одного из ключевых понятий в синергетике, дало новый импульс теоретическим поискам в географии в рамках финалистской парадигмы. Системы городского расселения – это объекты изучения именно того типа, который преподносит исследователям целый букет явлений, не поддающихся сколько-нибудь успешному описанию и объяснению в рамках каузального анализа. Разумеется, и в рамках каузальной парадигмы были получены важные результаты, относящиеся к развитию систем расселения, однако они относились по преимуществу к их индивидуальным свойствам. Общие же закономерности развития, а именно закономерности формирования целостных систем расселения, характеризующихся соответствием правилу «ранг-размер» (оно же правило Зипфа или Ципфа, оно же закон Ауэрбаха), и в дальнейшем постепенное формирование в этих системах иерархической структуры, приводящее к ухудшению соответствия правилу «ранг-размер» и улучшению соответствия предсказаниям теории центральных мест (системы центральных мест переходят при этом из квазиаморфного состояния в квазикристаллическое [37]), не поддаются объяснению в рамках каузальной парадигмы.

Применение представлений об аттракторе при изучении систем центральных мест позволило пойти еще дальше и, образно говоря, заглянуть за горизонт, поставив вопрос о возможных путях развития систем центральных мест после достижения аттрактора. При этом было установлено, что системы либо переходят в колебательный режим, либо их развитие устремляется к новому аттрактору [4, 5], поскольку системы эти – открытые и в них происходят постоянные изменения. Другим важным результатом этого исследования стало установление взаимосвязи между эволюцией систем расселения, описываемых сразу в двух аспектах – как эволюционные изменения структуры центральных мест и как смена

стадий урбанизации Джиббса [11], и эволюцией транспортных сетей. Здесь необходимы определенные пояснения. Стадии урбанизации Джиббса отражают зрелость систем расселения с помощью таких параметров как соотношение темпов роста населения городов, пригородов и сельской местности. Эти параметры вполне можно считать независимыми от структуры центральных мест соответствующей страны или региона, а потому хорошее совпадение во времени глубоких изменений иерархического строения систем центральных мест (появление нового уровня иерархии) и перехода системы расселения на новую стадию эволюции, по Джиббсу, само по себе можно считать весьма важным для географического мировоззрения результатом.

Однако это значение становится еще большим благодаря совпадению во времени смены стадий в эволюции расселения, описываемой в упомянутых двух аспектах, со сменой стадий в эволюции топологического строения транспортных сетей. Еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. исследованиями С.А. Тархова было убедительно показано, что транспортные сети обладают способностью к саморазвитию, причем закономерности их пространственного строения и его эволюции носят универсальный характер и не зависят ни от размеров охватываемой территории (город, регион, страна), ни от характера самих сетей (железнодорожная сеть страны, сеть троллейбусных маршрутов города и т.д.). Внешние условия могут ускорить или замедлить развитие транспортной сети, но не могут повлиять на последовательность смены событий [33]. С.А. Тархов явно исходил из представлений о потенциальной форме – наиболее развитой топологической структуре транспортной сети, которая и является областью притяжения ее эволюции, хотя и не формулировал это представление эксплицитно. Именно подобные представления, отнюдь не импортированные из других наук, а порожденные самой логикой развития географии, создали весьма благоприятную почву для проникновения в нашу науку теоретических представлений синергетики, а вслед за ними – исключительно эффективного математического аппарата.

Территориальная самоорганизация глазами физиков. Одним из наиболее успешных случаев применения математи-

ческого аппарата нелинейной динамики к географическим задачам следует считать работы С.П. Капицы (1928–2012) [9]. Широко известны результаты, полученные в рамках разработанной им феноменологической модели роста населения Земли. Пожалуй, наиболее важный в мировоззренческом отношении результат состоит в том, что рост населения Земли никогда не ограничивался внешними факторами, т.е. условиями или ресурсами – его темпы всегда определяли внутренние закономерности процесса. «Это обстоятельство позволяет сформулировать принцип демографического императива, в отличие от популяционного принципа Мальтуса, утверждавшего, что именно ресурсы определяют скорость роста населения и его предел. Математическим образом принципа демографического императива служит принцип подчинения в синергетике» [9, с. 157]. Именно указанные закономерности, выраженные на языке нелинейной динамики (т.н. режим с обострением), служат основой для прогноза стабилизации населения Земли к концу XXI в. на уровне 12 млрд чел., причем 90% этой численности (10,7 млрд) следует ожидать к середине XXI в.

Значительно менее известны результаты С.П. Капицы, относящиеся к организации глобальной системы городского расселения [9]. Между тем именно эти результаты представляют особый интерес для географии. Главный вывод данных исследований состоит в том, что совокупность городов Земного шара подчиняется и всегда подчинялась правилу «ранг-размер». При этом следует отметить одну техническую тонкость подобных исследований: фактически форму распределения определяют первые два-три десятка городов. На графике с осями в логарифмическом масштабе более мелкие города в любом случае почти что сливаются в одну точку. Поэтому подлежащий обработке массив данных может быть не столь уж велик при вполне удовлетворительной точности результатов. Это обстоятельство позволило использовать исторические данные о численности населения наиболее крупных городов мира периодов средневековья и античности.

Трудно переоценить значение указанных результатов для географии, где подобные вычисления, несмотря на их простоту

и доступность данных, никогда не проводились по причине их глубокого противоречия географическому мировоззрению. Действительно, с точки зрения любого мало-мальски квалифицированного географа, имеет смысл проверять на соответствие правилу «ранг-размер» только систему городов, обладающую ярко выраженной целостностью, т.е. принадлежащую какой-то стране или исторически сложившемуся региону. Такой взгляд восходит не то что к Дж. К. Зипфу, а к самому Феликсу Ауэрбаху (1856–1933), физику с очень разносторонними интересами, впервые выявившему указанную закономерность в 1913 г. [41]. Соответственно, только сейчас, с распространением концепции «глобального города» [10] появляются теоретические предпосылки для подобных расчетов в мировом масштабе. Эти расчеты и их результаты, какими бы они не оказались, заведомо лишены смысла с точки зрения господствующего в географии мировоззрения, если они относятся к периодам, предшествовавшим формированию единой мирохозяйственной системы, будь то XVIII в. или, тем более, доколумбова эпоха. Между тем подход физика-теоретика к трактовке взаимодействий оказался существенно иным, нежели у географов (и, главное, более плодотворным) именно в силу значительно более абстрактного характера той науки, которая сыграла решающую роль в формировании научного мировоззрения этого исследователя.

Самоорганизация и характерное пространство. Явления территориальной самоорганизации находят своё выражение также в феномене характерного пространства и времени в социально-экономической географии [40]. Необходимо, прежде всего, отметить работы Б.Н. Зимина (1929–1995), предложившего теорию малых высокоразвитых стран, которая позволяет, как строго определить само это явление, так и объяснить повышенную экономическую и социальную эффективность подобных стран [24].

Зиминим сначала был операционально определен стандартный экономический район как район, имеющий ВРП в 90–110 млрд долл. (в долларах 1970 г.)¹ и экспортную квоту в одну треть. Это позволило определить и малую высокоразвитую страну, как страну

¹ Для экономико-географических районов, в отличие от экономических, полностью покрывающих территорию страны, эта величина составляет, по Б.Н. Зимину, 120–130 млрд долл.

меньше одного стандартного экономического района. При этом выяснилось, что такая страна обладает целым рядом совершенно неожиданных свойств, обеспечивающих более высокую экономическую и социальную эффективность в сравнении с большими странами. Это касается более высокого уровня социальной инфраструктуры, которую Зимин понимал, прежде всего, как образ трудового мышления населения. Разумеется, им не исключались и традиционные компоненты, вроде библиотек и университетов, но они рассматривались как ведомые, а не ведущие факторы.

С точки зрения проблемы характерного размера, особенно важно представление о том, что главный фактор, обеспечивающий повышенную экономическую и социальную эффективность малых стран, это пирамида прямого восприятия – все жители таких стран знакомы друг с другом либо лично, либо через общих знакомых. Отсюда и население этих стран не может превышать 10–12 млн жителей. Всякая теория имеет пространственно-временные границы своего применения. Между тем хорошее районирование в географии может быть только побочным продуктом успешной теории, это относится и к классификации. Именно Б.Н. Зимину довелось восстановить представление об объективности экономических районов, практически утраченное, если говорить о серьезных исследованиях, после смерти Н.Н. Баранского (1881–1963), разумеется, на другом уровне развития науки и при совсем иных представлениях об онтологическом статусе познаваемой географией реальности.

Установлено также, что характерные размеры систем центральных мест составляют 10^4 – 10^5 км² [37]. Именно этим обстоятельством объясняются, прежде всего, неудачи попыток создания единой системы расселения СССР, обжитая территория которого составляла миллионы, а не десятки или сотни тысяч квадратных километров. В то же время реконструкция системы расселения Литовской ССР с использованием представлений теории центральных мест в 60–70 гг. XX в. оказалась весьма успешной.

Исключительное значение имеет инвариант пространственной самоорганизации, установленный Г.А. Гольцем (1933–2009). Установив на огромном эмпирическом материале зависимость между средней про-

должительностью рабочего дня и средним временем трудовых поездок, Г.А. Гольц сумел определить предельно возможные размеры города при заданных условиях [6]. Гольцу здесь удалось фактически связать характерное пространство (размеры города) с характерным временем (суточным циклом). Однако характерное время не обязательно должно измеряться неделями, сутками часами... Эволюционная морфология транспортных сетей С.А. Тархова [33] предполагает совсем иную характеристику характерного времени, измеряемого последовательностью событий в развитии сетей, безо всякого обращения к милым привычным циферблатам. Именно такой подход находится в русле представлений В.И. Вернадского (1863–1945) о пространстве и времени в естествознании. И геометрические свойства пространства, и течение времени – производные от процессов, а не эдакие внешние рамки, в которых они протекают. Следует подчеркнуть, что природные географы приступили к исследованиям характерного времени раньше [1], особенно в плане четкой формулировки проблемы, и продвинулись существенно дальше. У социальных географов есть больше достижений в исследовании характерного пространства, поэтому мы могли бы быть интересны и полезны друг другу.

Территориальная самоорганизация и подготовка специалистов. «Экстенсивная модель онаучивания», по М.К. Петрову, ещё в его времена привела к кризисному состоянию как среднего, так и высшего образования, причём первое всё более отстаёт от переднего края науки, а второе не поспевает и не может поспевать за её прогрессирующей дифференциацией. Сохранение единства науки, превратившейся уже к началу 30-х гг. XX в. в тропический лес, по образному выражению Х. Ортеги-и-Гассета (1883–1955), требует создания и развития «сквозных» направлений, каковыми во второй половине XX в. стали сначала системный подход, затем синергетика. Эти науки-сталкеры, по Ю.А. Шрейдеру (1927–1998), выступают проводниками общенаучных идей, способствуя не только взаимному обогащению различных наук, но и их интеграции, пусть и в недостаточной мере, но всё же уравновешивая постоянно углубляющуюся дифференциацию научного знания.

Автор «Восстания масс» опубликовал в 1930 г. очень небольшую по объёму, но потрясающую по глубине и силе предвидения книгу «Миссия университета» [20], оставшуюся, к сожалению, неизвестной и М.К. Петрову, и многим другим выдающимся отечественным мыслителям. Великий философ обличал университет за фундаментальную фальшь, проявляющуюся, в частности, в том, что от студента требуется заведомо больший объём знаний, нежели тот, который он может освоить. Другой порок, по его мнению, состоит в содержании преподавания – науки излагаются так, будто большинство студентов станет учёными и их надо подготовить к исследовательской работе. Однако самый глубокий порок связан именно с узкой специализацией, с отсутствием у специалистов как общенаучного мировоззрения, так и необходимого культурного уровня, что угрожает самим основам европейской цивилизации.

Главная цель семестрового курса «Территориальная самоорганизация общества», читаемого автором студентам кафедр экономической и социальной географии России и социально-экономической географии зарубежных стран (V курс специалитета и 1-й год магистратуры), состоит в формировании у студентов некоторых важнейших общенаучных представлений, прежде всего, представления о равноправности каузального и финалистского объяснения в науке в целом и в географии в частности. Именно благодаря синергетической революции отказ от причинности распространился за пределы исследований микромира, области, недоступной непосредственному чувственному восприятию и крайне удалённой от повседневной жизни. Между тем явления социальной самоорганизации по-прежнему в подавляющем большинстве случаев пытаются постичь традиционными познавательными средствами, разумеется, с сомнительным успехом.

Необходимо отметить исключительные трудности, связанные с распространением идей, противоречащих глубоко укоренившимся стереотипам мышления – они отторгаются даже не сознанием, а ещё на подсознательном уровне. В подавляющем большинстве случаев студенты, толково ответившие на экзамене или зачёте на вопросы, связанные с финалистским объяснением, всё равно полностью остаются в плену

каузальной парадигмы, что становится совершенно очевидно на защитах дипломов. Поэтому распространение синергетического мировоззрения, а не только соответствующей терминологии, или даже методов – процесс значительно более долгий и трудный, нежели восприятие системного подхода. Использование не только представлений об аттракторах, но и о потенциальной форме или финальной симметрии в какой-то степени облегчает решение этой задачи.

Другая важнейшая задача курса – формирование представлений о территориальной самоорганизации как о квазиестественном процессе, по С.А. Тархову [32, 33]. Явления территориальной самоорганизации – это лучшая, с точки зрения теоретической географии, часть нашей науки, вполне подвластная естественнонаучной методологии. Ещё в начале 50-х гг. XX в. классик либерализма Ф.А. фон Хайек (1899–1992) убедительно доказал невозможность формулирования законов естественнонаучного типа в социальных науках, поскольку в социуме закон не действует, если он не признаётся [35]. В условиях бурной физикализации всего научного знания, победного шествия «социальной физики» [43] об этих предостережениях по одну сторону железного занавеса предпочитали не думать, а по другую просто не знали. Затем в последней четверти XX в. маятник качнулся в противоположную сторону, как тараканы набежали всевозможные субъективистские подходы вроде когнитивной географии, а исследование стало подменяться экспертизой [39]. Между тем территориальная самоорганизация – именно тот частный случай, в котором предостережение Хайека (можно считать его методологическим парадоксом – науки есть, а законов у них нет) не действует. Частный случай – не обязательно что-то небольшое, тем более, пренебрежимое. В конце концов, вся органическая химия – частный случай неорганической, но органических соединений втрое больше, чем неорганических.

Наконец, третья из важнейших задач, стоящих перед курсом, это формирование представлений о симметрии социально-географического пространства, проявляющейся в инвариантах. Здесь первостепенное значение имеет представление Н.Ф. Овчинникова о структуре как инвариантном аспекте системы. Соответственно магистральный путь

исследования территориальной самоорганизации – выявление инвариантов, которые характеризуют и пространственные структуры, и само географическое пространство. Все эти три задачи нельзя считать ортогональными: инвариант весьма часто выступает в роли аттрактора – области притяжения процесса, особенно в случае нарушения равновесия внешними воздействиями. Финальная симметрия, по А.А. Любичеву, – аттрактор процессов территориальной самоорганизации. Связанная с ней очевидным образом эквивиальность интегрирует представления об аттракторе и об инвариантах. Сами эти процессы можно исследовать только как квазиестественные.

Заключение. Настоящий текущий момент, по выражению одного из героев Маяковского, характеризуется тем, что он момент стоячий. Засилье прикладной тематики при широчайшем распространении равнодушия к фундаментальным исследованиям всего менее способствует продвижению в областях, требующих коренной ломки глу-

боко укоренившихся представлений. Исследования территориальной самоорганизации именно из таких. Однако сливки в основном сняты, поэтому и прикладные исследования будут всё больше пробуксовывать без серьёзных теоретических прорывов. Возможно, наша главная задача должна состоять в том, чтобы готовить «молодых штурманов будущей бури», которые выведут нашу науку из теоретического (да и не только теоретического) застоя. Для этого нужно давать студентам глубокие знания в области философии науки, прежде всего – касающиеся мировоззренческого значения достижений естественных и общественных наук, и, разумеется, со всей основательностью обучать применению математических методов. Территориальная самоорганизация общества тоже находит своё место среди мировоззренческих дисциплин, ориентирующих студентов не на узко-ремесленнический подход, а на смелое творчество. Ведь миссия университета, по Х. Ортеге-и-Гассету, состоит, прежде всего, в том, чтобы быть на уровне наиболее передовых идей своего времени [20].

Библиографический список

1. Арманд А.Д., Таргульян В.О. Принцип дополнительности и характерное время в географии // Системные исследования. Ежегодник 1974 г. – М.: Наука, 1974. – С. 146–153.
2. Берг Л.С. Труды по теории эволюции. 1922–1930. – Л.: Наука, 1977. – 388 с.
3. Бунге В. Теоретическая география. – М.: Прогресс, 1967. – 279 с.
4. Валесян А.Л. Пространственная устойчивость систем расселения и эволюционная морфология транспортных сетей // Изв. РАН. Сер. географич. – 1994. – № 6. – С. 52–60.
5. Валесян А.Л. Синхронность в пространственной эволюции систем расселения и транспортных сетей. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – М.: ИГ РАН, 1995. – 46 с.
6. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981. – 246 с.
7. Гурвич А.Г. Теория биологического поля. – М.: Сов. наука, 1944. – 155 с.
8. Гурвич А.Г. Избранные труды (теоретические и экспериментальные исследования). – М.: Медицина, 1977. – 352 с.
9. Капица С.П. Общая теория роста человечества. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. – М.: Наука, 1999. – 191 с.
10. Колосов Д.В., Мироненко Н.С. О концепции мировых городов // Пространственные структуры мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 1999. – С.225–238.
11. Кюммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. – М.: ИГ АН СССР, 1987. – С. 82–100.
12. Лаланн Л. Очерк теории железнодорожных сетей, основанной на наблюдении фактов и основных законов, определяющих сгущения населения // Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. Приложение. – М.: Росс. откр. ун-т, 1995. – С. 5–9.
13. Лаланн Л. Замечание о явлениях естественного распределения вдоль прямых линий в их связи с законами, которые определяют распространение центров населения по земной поверхности // Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. Приложение. – М.: Росс. откр. ун-т, 1995. – С. 10–24.
14. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. – М.: Наука, 2007. – 663 с.
15. Липец Ю.Г., Пуляркин В.А. Нелинейные процессы мирового развития // Изв. РАН. Сер. географич. – 2001. – № 4. – С. 31–37.
16. Любичев А.А. Проблемы формы, систематики и морфологии организмов. Сб. статей. – М.: Наука, 1982. – 279 с.
17. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 288 с.
18. Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования. Ежегодник 1969. – М.: Наука, 1969. – С. 111–121.

19. Овчинников Н.Ф., Шупер В.А. Симметрия социально-географического пространства и самоорганизация систем расселения // Методы изучения расселения. – М.: ИГ АН СССР, 1987. – С. 18–34.
 20. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 144 с.
 21. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 776 с.
 22. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
 23. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
 24. Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. – М.: Альфа-М, 2003. – 176 с.
 25. Режимы с обострением. Эволюция идеи. Законы коэволюции сложных структур. – М.: Наука, 1999. – 256 с.
 26. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
 27. Самарский А.А., Курдюмов С.П., Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г. Нелинейные явления и вычислительный эксперимент // Вестник АН СССР. – 1985. – № 9. – С. 64–77.
 28. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: ИФ РАН, 1994. – 251 с.
 29. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Изв. ИРГО. – 1915. – Т. 51. – Вып.8. – С.425–458.
 30. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. – 312 с.
 31. Сорос Дж. Сорос о Соросе. Опережая перемены. – М.: Инфра-М, 1996. – 336 с.
 32. Тархов С.А. Закономерности саморазвития конфигурации транспортных сетей // Факторы и механизмы устойчивости геосистем. – М.: ИГ АН СССР, 1989. – С. 31–45.
 33. Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. – Смоленск–М.: Универсум, 2005. – 384 с.
 34. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. – М.: Прогресс, 1968. – 392 с.
 35. Хайек Ф.А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. – М.: ОГИ, 2003. – 288 с.
 36. Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – М.: Мир, 1985. – 424 с.
 37. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. – М.: Росс. откр. ун-т, 1995. – 166 с.
 38. Шупер В.А. Влияние синергетики на географическое мировоззрение // Изв. РАН. Сер. географич. – 2001. – №4. – С. 23–30.
 39. Шупер В.А. Рационалистическое мировоззрение в условиях кризиса рационализма: взгляд географа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2014. – № 3. – С. 12–29.
 40. Шупер В.А. Характерное пространство в теоретической географии // Изв. РАН. Сер. географич. – 2014. – № 4. – С. 5–15.
 41. Auerbach F. Das gezeits der bevölkerungskonzentrationen // Peterman's Mitteilungen. – 1913. – V. 59. – P. 74–76.
 42. Christaller W. Central places in Southern Germany. – Englewood Cliffs, N. J., 1966. – 230 p.
 43. Stewart J.Q. The development of social physics // American Journal of Physics. – 1950. V. 18. № 5. P. 239–253.
 44. Zipf G.K. National unity and disunity. The nation as a bio-social organism. – Bloomington, Ind., 1941. – 408 p.
 45. Zipf G.K. Human behavior and the principle of last effort. – Cambridge, Mass., 1949. – XI+573 p.
-

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Битюкова В.Р. (Москва)

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ГОРОДОВ РОССИИ

Bitukova V.R.

THE INTEGRAL ESTIMATION OF ECOLOGICAL SITUATION OF RUSSIAN CITIES AND TOWNS

Аннотация. В статье представлены новые методики интегральной оценки антропогенного воздействия на региональном и городском уровнях на основе показателей, сопоставимых для всех территориальных уровней и рассчитанных по реальным ареалам загрязнения с учетом масштабов и интенсивности воздействия. Рассчитаны интегральные индексы интенсивности антропогенного воздействия на окружающую среду для всех 1100 городов России и проведен сравнительный анализ степени, в которой города определяют экологическую ситуацию в своем регионе. Выявлены основные факторы изменений антропогенного воздействия в городах разных классов людности.

Annotation. In the article there are elaborations of new methods for integral estimation of anthropogenic impact on the regional and municipal levels. The base for these estimations is compared with all territorial levels and is calculated for real pollution areas. The scale and intensity of the exposure were taken into account. For the first time the integral index of anthropogenic impact intensity was calculated for all 1100 cities of Russia and there are a comparative analysis of cities' and towns' range and how they determine the ecological situation in their regions. The main factors of anthropogenic impact change are explored for different population classes.

Ключевые слова: экологический рейтинг городов, антропогенное воздействие, интегральная оценка, экологическая ситуация, экология города.

Keywords: environmental ranking of cities, anthropogenic impacts, a comprehensive assessment of the environmental situation, the ecology of the city.

Введение. Города – узловые точки социально-экономического пространства, отличающиеся не только высокой концентрацией населения, капитала и инфраструктуры, но и источников загрязнения всех природных компонентов, что формирует особую антропогенную среду, нередко малоприспособленную для проживания. В них не только сосредоточены квалифицированные кадры, значительный образовательный, культурный и научный потенциал, но и рождаются природоохранные стратегии и новые технологии, способствующие сокращению этого загрязнения. Все это определяет важность **полимасштабной интегральной оценки антропогенного воздействия в городах России** с использованием международного и отечественного опыта, разработке методики которой посвящено данное исследование. Решение этой задачи

позволяет провести комплексную оценку экологической ситуации в городах России, выявить факторы и основные тенденции изменения экологической ситуации в них, в том числе в периоды экономического роста и кризиса.

Для оценки неравномерности антропогенного воздействия (АВ) на природную среду могут применяться как системы показателей в дезагрегированной форме, так и синтетические (интегральные) индексы, которые наиболее адекватны комплексности предмета исследования. Метод комплексной оценки АВ – это системное изучение, измерение и обобщение влияния путем обработки специальными приемами показателей, отражающих влияние хозяйственного комплекса и других источников с целью мониторинга экологической ситуации. Создание действу-

ющих инструментов сравнительного анализа городской статистики – основа для принятия управленческих решений по стратегическому планированию городского развития. Объективная необходимость в получении комплексных характеристик для принятия решений, связанных с улучшением экологического состояния городов, повышением качества жизни населения, выделения групп городов, в которых складывается наиболее опасная ситуация обусловлена невозможностью использовать *один индикатор*, который в полной мере отражал бы существующую ситуацию.

В процессе выбора приоритетов необходимо учитывать следующие аспекты: во-первых, на территории городов одновременно функционирует множество различных источников, каждый из которых обладает определенным набором видов АВ, а во-вторых, каждый из источников воздействует на определенную часть природного комплекса, на те или иные природные компоненты городской среды. Разнообразие критериев и методов, применяемых в различных исследованиях, значительные расхождения в наборах используемых компонентов приводит к различным подходам к интегральным оценкам. Как правило, не совпадают и приоритетные критерии оценки качества городской среды, определяемые с точки зрения воздействия и последствий для среды. Но в любом случае в характеристиках качества городской среды присутствуют такие компоненты как уровень воздействия, условия их распространения и уровень загрязнения.

Обзор исследований по теме. Несмотря на чрезвычайную актуальность, экологические проблемы городов привлекли внимание широкого круга ученых и мировой общественности не так давно. Важную роль в этом процессе сыграл Центр ООН по населенным пунктам, Хабитат, который с 1990 г. начал осуществлять программу устойчивого развития городов и способствовал включению в итоговый документ «Повестка дня на XXI в.» главы «Содействие устойчивому развитию населенных мест». Было признано, что населенные пункты являются главными объектами политики, направленной на содействие устойчивому развитию.

В 1996 г. в Стамбуле состоялась конференция ООН по населенным пунктам –

Хабитат–II, одной из тем которой было «Устойчивое развитие населенных пунктов в урбанизирующемся мире». Активная международная работа по анализу возможностей устойчивого развития городов заставила обратить внимание на особенности города как объекта экологического исследования.

Большинство современных методик базируется на агрегировании трех блоков – экология, экономика, социум и в зависимости от набора конкретных индикаторов представляются собой три вида индексов:

1. Индексы *качества жизни* включают в себя *уровень и образ жизни*, а также *здоровье и продолжительность жизни*, где учитываются и характеристики экологической безопасности [1]. Существующие индексы качества жизни очень похожи между собой по набору показателей, различаются в основном методики расчета. Российские индексы либо не включают экологические индикаторы, как трудно нормируемые [4], либо ограничиваются плотностью выбросов [8, 11].

2. Индексы *устойчивого развития городов* наиболее распространены как в мире, так и в России. Существует общемировой индекс ООН, который основан на оценке продолжительности жизни, образования и доходов, разрабатывающийся во многих странах мира по регионам (США, Канаде, Франции, Великобритании, Бразилии, Ирландии, Испании, Китае, Японии, в Словакии, Хорватии) [6, 10]. В целом, в состав индекса устойчивого развития, входят три вида индикаторов: *развития* (численность населения, площадь города, транспортные сети и т.д.); *потоков* (потребление энергии, товаров, ввозимых и вывозимых из города, водопотребление и т.д.); *качества среды* (отходы, качество водной и воздушной сред, появляется шумовое загрязнение, озелененность, качество землепользования, вводится более комплексный подход к среде) [14]. Однако, на практике индекс устойчивого развития очень слабо зависит от экологических параметров и ещё больше приближается к индексам качества жизни.

3. Собственно *экологические индексы* рассчитываются в небольшом числе стран (США, Канада, Россия составляют собственные экологические рейтинги своих городов), большинство стран мира ориентируется на общеизвестные рейтинги *Mercer Human Resource Consulting* и *The Blacksmith Institute*, рассматривающим более чем 400

городов во всем мире [7, 13]. В России они представлены либо оценками экологической опасности городов России, основанными на данных национальной статистики, либо на данных экомониторинга, замеров уровней содержания различных поллютантов в природной среде (рейтинг ФГБУ «ГГО» им. А.И. Воейкова [5], комплексная геохимическая оценка [9]). В исследованиях по городам разных лет также рассматривались индикаторы токсичности отдельных отраслей промышленности [6]. В дальнейшем это нашло выражение в попытках конструирования интегральных показателей в крупномасштабных исследованиях антропогенного воздействия в городах, развития всевозможных нормативных расчетов [3].

Российские рейтинги для всех городов сталкиваются, прежде всего, с дефицитом статистической информации, ее неадекватностью, недостаточным развитием сети мониторинга и, как следствие, недостатком данных о состоянии загрязнения природных компонентов. Министерство природных ресурсов и экологии РФ стало инициатором разработки Методики экологического рейтинга городов России, подготовленной «Эрнст энд Янг». Однако в методике существует ряд недостатков, которые отразились на итоговом рейтинге. Например, при выборе категорий оценки нарушен принцип системности (использование одновременно категории «воздушная среда» и «транспорт» дублируют друг друга). Объем выбросов делится на численность населения города, причем с учетом мигрантов, что существенно искажает показатель. Используемые блоки «Энергопотребление» и «Управление воздействием на окружающую среду» скорее являются факторами формирования экологической ситуации в городах, чем внутренними компонентами оценки. Как следствие, итоговый рейтинг достаточно сложно интерпретировать, так как первое место занял Курск. Главные проблемы этого рейтинга – размытая цель: «экологическое состояние для достижения комфортных условий жизни», что не способствует цельности системы показателей и ограниченность количества рассматриваемых городов только крупными 82 городами. Это существенно меняет референтные точки рейтинга.

С учетом существующих мировых и отечественных подходов в данном исследовании представлена методика оценки именно

уровня АВ, сопоставимая с методикой оценки регионов, но с учетом особенностей городской среды для всех 1100 городов России.

Материалы и методы. Предлагаемая комплексная оценка АВ основывается на учете статистически значимого воздействия на природный комплекс городов, набор показателей лимитировался возможностями банка данных. Информационной базой исследования послужила база данных «Паспорта городов России – 1997–2012» Вычислительного центра Госкомстата России с данными о 974 городах из всех 1100 городов страны, в которых проживает 92,4 млн чел. или 97% всех горожан РФ.

Выбор приоритетов при отборе индикаторов в данном исследовании базировался на двух принципах: (1) *масштаб исследований* определяет степень генерализации и определенный баланс между детальностью исследования и широтой исследовательской работы, которая влечет за собой необходимость проводить генерализацию, то есть обобщение и отбор ведущих факторов; (2) *выбор парадигмы исследования*, т.к. для городов, где система прямых и обратных связей чрезвычайно сложна и подчас разнонаправлена именно взгляд на процесс и определяет систему индикаторов.

Поскольку АВ по своей сути многоаспектно, не имеет общепризнанной формализованной структуры применительно к городам, выделение приоритетных критериев неизбежно имеет субъективный характер, но иного подхода не существует. Применительно к городам в целях минимального дублирования показателей для интегрального индекса были выбраны приоритетные направления воздействия: на атмосферу, водные и земельные ресурсы, тепловое и радиационное воздействие.

Разработка индексов для оценки существующих межгородских различий должна основываться, как на целенаправленном отборе показателей, проверке их на адекватное отражение исследуемого явления, так и на выборе наилучших методов расчета. Отбор показателей по каждому блоку основан на принципах системности, достоверности и статистической обеспеченности, выраженной территориальной дифференциации и наличия четко интерпретируемой динамики, что позволило оценить именно структуру

экологических проблем. Т.о. предлагаемая структура комплексной оценки, аналогичная дезагрегированным системам индикаторов, применяемым в международных сопоставлениях, позволяет оценить структуру экологических проблем для каждого города и суммировать влияние одного вида от всех источников по 6 блокам:

А. Субиндекс техногенного воздействия **на атмосферу** представлен показателями плотности выбросов от промышленности и автотранспорта (A_1), приведенных к единичной токсичности (в расчете на площадь земель городов, промышленности, транспорта). Качество предлагаемых показателей плотности загрязнения основано на расчетах по реальным ареалам загрязнения для 240 городов в крупном масштабе. Проблема использования данного показателя для мониторинга АВ – незначительные различия в выбросах большинства городов на фоне огромного отрыва гг. Норильска и Москвы. Но это не дефект показателя, а отражение реальной территориальной диспропорции, характерной для России. Коэффициент токсичности выбросов (A_2), представляющий собой отношение объема выбросов в атмосферу, приведенный к объемам «монозагрязнителя», т.е. к равной токсичности в структуре аэрозоля к валовому объему выбросов.

В. Воздействие на **водные источники** оценивается показателями водопотребления (B_1) и сбросов сточных вод в расчете на ресурсы поверхностного стока (B_2), а также долей загрязненных сточных вод (B_3).

С. Антропогенное воздействие на **земельные ресурсы** производственного комплекса и ЖКХ определяется плотностью приведенных твердых отходов (C_1), долей нарушенных земель промышленности (C_2), индексом токсичности отходов (C_3), определяемых как отношение приведенного объема отходов производства и потребления к валовому.

Д. **Плотность демографического давления.** Воздействие населения на окружающую среду проявляется как непосредственно (без посредничества технологических процессов, например, рекреационная нагрузка), так и опосредованно (через хозяйственную деятельность). С другой стороны, показатели плотности населения (D_1) во многом характеризуют степень риска воздействия, ибо показывают в конкретных условиях, какая

часть населения испытывает эти нагрузки. Для города также показательным является плотность застройки (D_2) и плотность транспортной сети (D_3), определяющая как прямое воздействие на почвы и геологическую среду, так и условия продувания территории, т.е. частично потенциал самоочищения.

Е. **Тепловое воздействие** определяет наличие в городе высоко- и среднеконтрастных тепловых аномалий с превышением температуры над фоном более 10°C , связанные преимущественно с промышленными объектами и интенсивными тепловыми утечками из подземных водонесущих коммуникаций. Оно характеризуется плотностью тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении (E_1 , км/км²), удельным отпуском тепловой энергии своим потребителям за год (E_2 , Гкал/чел), а также числом людей на 1 источник (E_3).

Ф. **Радикационное воздействие** определяется размещением предприятий Минатома, сбросами радионуклидов с дебалансными водами на АЭС, среднесуточными газоаэрозольными выбросами АЭС долгоживущих радионуклидов, а также последствиями аварий. Расчет данного индекса – самая сложная часть исследования, т.к. он учитывает больше всего показателей, хуже всего обеспеченных статистикой. Как полноценный фактор он учитывался в городах, где имеются соответствующие источники и данные мониторинга [12] по следующим показателям (Бк/м³·год), соотнесенным с фоновым значением для территории размещения конкретного города: среднегодовые объемные активности в воздухе приземного слоя атмосферы $\Sigma\beta$ (F_1); ^{137}Cs (F_2); ^{90}Sr (F_3); годовые выпадения $\Sigma\beta$ (F_4); ^{137}Cs (F_5); ^{90}Sr (F_6); содержание ^{90}Sr в речной воде (F_7 , мБк/л).

При выборе методов нормирования критериями были характер воздействия на итоговую оценку и содержательный смысл нормированных показателей. Метод линейного масштабирования как наиболее распространенный и адекватный международным комплексным оценкам использовался для промежуточных расчетов, но его некорректно использовать при высокой поляризации параметров. В данном исследовании был предложен метод **логарифмического масштабирования** [2], который снимает чрезмерные различия ряда показателей, делает структуру

более равномерной и более адекватно отражающей проблемы регионов:

$$\tilde{O} = \frac{\log_{X_{\min}} X_i}{\log_{X_{\min}} X_{\max}},$$

где x_i – значение конкретного показателя.

Интегральный индекс антропогенного воздействия рассчитывался по формуле:

$$\begin{aligned} ИАВ = & \left(\frac{A_1 + A_2}{2} \right) + \left(\frac{B_1 + B_2 + B_3}{3} \right) + \left(\frac{C_1 + C_2 + C_3}{3} \right) + \\ & + \left(\frac{D_1 + D_2 + D_3}{3} \right) + \left(\frac{E_1 + E_2 + E_3}{3} \right) + \\ & + \left(\frac{F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7}{6} \right), \end{aligned}$$

где обозначения показателей приведены выше.

Результаты. Частотное распределение по индексам АВ оказалось статистически нормальным и даже симметричным, а распределение по числу жителей, напротив, резко скошенное: в условиях высокой и очень высокой плотности воздействия проживает 45% городского населения. Контрасты между городами достигают сотен раз по душевому водопотреблению и образованию бытового мусора, тысяч раз по душевым стокам, сотен тысяч раз по объему стоков, миллионов раз – по объему образования отходов и нескольких миллиардов раз – по отходам 5 класса. Это отражение реальных различий, так как плотностные характеристики выбросов варьируются на порядок больше, а в структуре интегрального индекса вклад воздушного загрязнения увеличивается. Нормирование показателей усредняет оценки и сглаживает разрывы.

Интегральная оценка по относительным показателям отражает территориальную структуру АВ, выделяя тип регионов с высокой локализацией загрязнения в почти единственном центре, а также малые города, имеющие опасные объекты, в том числе радиационно опасные в проблемных регионах (рис. 1). Наибольшими значениями интенсивности воздействия характеризуются 29 городов, в которых проживает 18 млн чел. Состав данной группы разнообразен: в нее входят три города-миллионника (Москва, Новосибирск, Красноярск), четыре с населением 500–1000 тыс. чел. (Иркутск, Хабаровск, Кемерово, Тула), 7 крупных, 3 средних, 12 малых городов, среди которых на первом месте находится г. Заполярный.

Структуры индекса по видам воздействия различаются. Значительные отклонения формирует радиационное загрязнение, являющееся фактически «плавающим признаком». Сильнее на итоговое значение индекса повлияли уровни образования и плотности отходов, плотности выбросов, объема нагрузки на водные источники. В малых городах сильнее влияют показатели, связанные с уровнем благоустройства территории (отходы и теплоснабжение), увеличивается роль радиационного загрязнения, поскольку в зоны наибольшей радиационной опасности попали в основном малые города. Для городов с населением свыше 500 тыс. чел. интегральные оценки максимальны и близки по уровню, повышена доля атмосферного загрязнения, причем для «миллионников» из-за транспортного влияния, а для крупнейших городов (более 500 тыс. чел.) из-за промышленного (рис. 2). Статистически значимой корреляции между интегральным индексом и численностью населения не обнаружено (коэффициент корреляции составляет 0,23), хотя в целом при повышении людности увеличивается вероятность попасть в группу с максимальными значениями отдельных показателей. Так, в Москве почти все показатели максимальны, кроме доли загрязненных сточных вод и радиационного воздействия. Затем в порядке убывания идут Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Красноярск, Омск, Тула, Хабаровск, Новосибирск. Более одного показателя с максимальным значением имеют 224 города, а еще 603 – хотя бы один.

Структура ИАВ в группе «лидеров» очень различна. В Заполярном, Москве и Норильске, в центрах крупных угольных ГРЭС (Гусиноозерск), металлургии (Тула) повышена роль субиндекса загрязнения атмосферы. В Нерюнгри, Кемерово, Костомукше, Билибино, Ковдоре ведущим фактором является объем и структура отходов. В малых городах Восточно-уральского следа от аварии на ПО «Маяк» – радиационное воздействие. Статистически значимая связь между долей в структуре производства отраслей с высокими уровнями загрязнения и индексами АВ отсутствует. Но в среднем по группам моногородов металлургической специализации ИАВ на 16% выше, чем в городах химического производства, на 22% – чем в центрах производства электрооборудования,

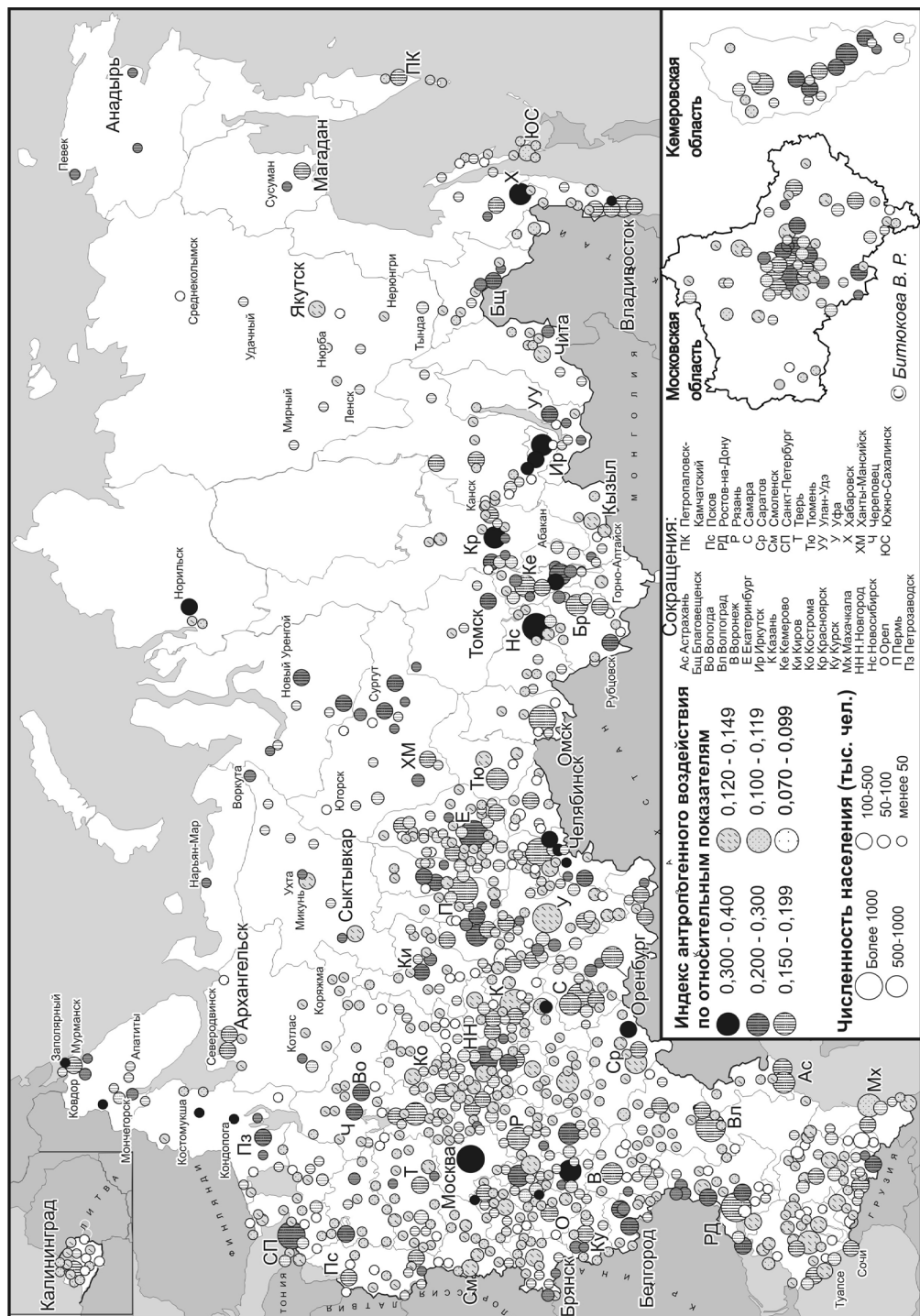

Рис. 1. Интегральная оценка интенсивности антропогенного воздействия в городах России, 2012 г.

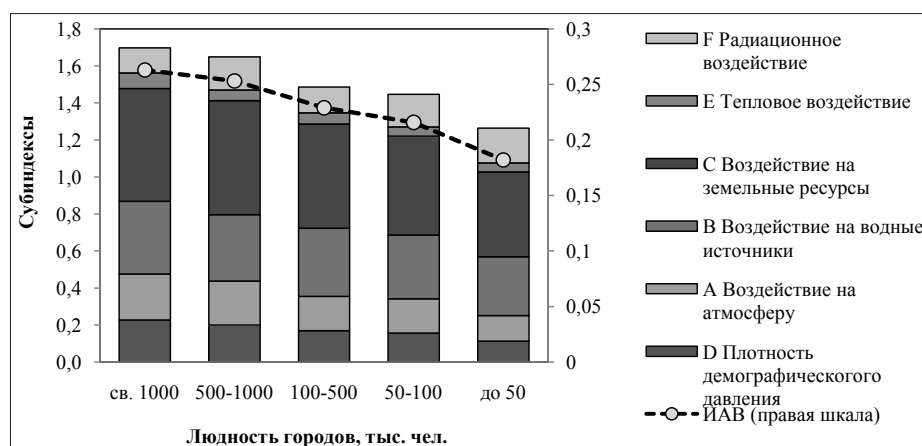

Рис. 2. Структура Индекса интенсивности антропогенного воздействия по группам городов разной плотности

электронного и оптического оборудования, на 25% – в центрах целлюлозно-бумажного производства и на 46% – производства пищевых продуктов.

Почти в 50 регионах есть центры с очень высоким значением АВ, 47 из которых – региональные столицы. По территории страны такие города распределены достаточно равномерно, нет диспропорции между европейской и азиатской частями страны, хотя заметней локализация в регионах Урала, Поволжья и юга Сибири. Максимальное число таких городов (4) в Иркутской области, по 3 – в Башкирии и Свердловской обл., по 2 – в Татарстане, Самарской, Кемеровской и Челябинской областях.

Степень, в которой города определяют экологическую ситуацию в своем регионе, выявлялась по соотношению уровней ИАВ в регионе и городах на его территории относительно среднероссийского уровня (размещенного в центре системы координат), что позволило выделить следующие территориальные соотношения (рис. 3):

Города с высоким уровнем АВ, во многом определяющие высокий уровень АВ региона (33,8 млн чел.). В их числе крупнейшие региональные центры (Екатеринбург, Казань, Челябинск и др.), центры размещения металлургических комбинатов, ЦБК, НПЗ и др. Среди малых и средних городов это центры добывающей промышленности (Нерюнгри, Асбест и др.), алюминиевой промышленности (Шелехов), центры ГРЭС (Кашира, Шатура), а также города столичных агломераций.

Города с высоким уровнем АВ, расположенные в регионах с низким уровнем загрязнения (52,7 млн чел.) – это в основном первые и вторые города относительно чистых регионов (Новосибирск, Нижний Новгород, и др.). В территориальной структуре этих регионов загрязнение локализовано в крупных городах.

Города с низким уровнем АВ, расположенные в регионах с высоким уровнем загрязнения (5,1% городского населения). В этой группе возможны два типа сочетаний: (1) города добывающих регионов (Тюменская обл., Республика Коми), где значительная часть воздействия смещена за пределы городов; (2) малые города регионов, где загрязнение сосредоточено на крупнейших предприятиях тяжелой промышленности и локализовано в крупных городах.

Низкий уровень АВ в городах соответствует уровню региона (5% городского населения) – это в основном малые города Юга, Центра и Поволжья, из крупных – только Дербент, из средних – города со специализацией на пищевой промышленности.

Выводы. Проведенное исследование показало, что тренды изменения экологической ситуации в городах и регионах имеют как сходства, так и различия. Роль промышленного загрязнения снижалась и для городов, и для регионов, но для последних роль промышленности проявляется сильнее за счет влияния добывающих отраслей. Сходство проявляется и в общем базовом тренде сокращения антропогенного воздействия, в возрастании роли таких компонентов как

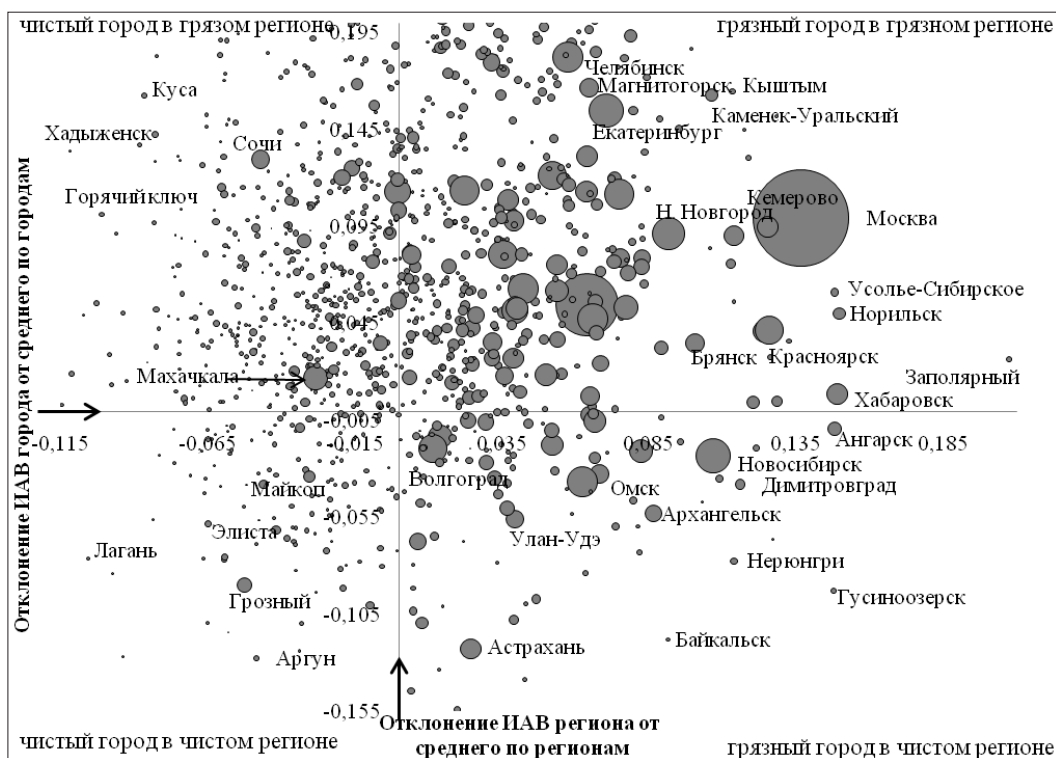

Рис. 3. Типы территориальных структур антропогенного воздействия

нагрузка на водные ресурсы и образование отходов, в усилении вклада загрязнения, связанного со сферой жизнеобеспечения населения.

Несмотря на то, что факторы формирования экологической ситуации в городах и регионах во многом схожи, в городах они более динамичны, в большей степени зависят от уровня благоустройства и развития ЖКХ. Особую роль в городах играет автомобильный транспорт, факторы воздействия которого быстро меняются в последнее десятилетие: снижается зависимость атмосферного загрязнения от роста числа автомобилей и усиливается роль таких факторов, как качество двигателя и топлива; плотность дорожной сети и характер движения.

В целом тренды изменения экологической ситуации в регионах более сглаженные, нежели в городах. Чем более диверсифи-

цирована экономика региона, тем меньше диапазон колебания интегрального индекса антропогенного воздействия, поскольку в разных отраслях экономические и экологические индикаторы развития меняются с разной скоростью. Чем более развито в регионе крупногородское расселение, тем сложнее и разнообразнее факторы его экологической ситуации. Исключение составляют регионы добычи углеводородов, где основные ареалы загрязнения смещены во внегородские территории.

Для формирования экологической ситуации в России характерно постепенное снижение роли факторов, на которые можно повлиять с помощью масштабных инвестиций, направленных на технологическую модернизацию производства. В перспективе должна возрастать роль общественных факторов, в первую очередь – экологизации общественного сознания.

Библиографический список

1. Анимец Е.Г., Елохов А.М., Сухих В.А. Качество жизни населения крупнейшего города. – Екатеринбург, 2000. – 408 с.
2. Битюкова В.Р., Кириллов П.Л. Методы комплексной оценки региональных различий экологической напряженности в России // Региональные исследования. – 2011. – № 2 (32). – С. 56–69.
3. Битюкова В.Р., Угарова Н.А. Эколого-экономическая оптимизация размещения промышленности в крупных городах // Экология и промышленность России. – 2012. – № 2. – С. 14–20.

4. Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В., Власов Ю.С. Индикаторы устойчивого развития: экономика, общество, природа. – М., 2008. – 232 с.
5. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1997–2012 / Министерство природных ресурсов и экологии РФ. – М., 1998–2012.
6. Колдобская Н.А. Возможности использования международных индексов для оценки экологического состояния крупных городов России // Региональные исследования. – 2012. – №1. – С. 79–84.
7. Международная ассамблея столиц и крупных городов. [Электронный ресурс] URL: www.e-gorod.ru/Documents/programs/indicators
8. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. «Сильные» и «слабые» города России // Полюса и центры роста в региональном развитии / Под ред. Ю.Г. Липеца. – М., 1998. – С. 135–143.
9. Никифорова Е.М., Кошелева Н.Е., Касимов Н.С. Экологическая опасность загрязнения тяжелыми металлами почв Восточного округа г. Москвы (по данным 1989–2010 гг.) // Инженерная геология. – 2011. – № 3. – С. 34–45.
10. Обзоры экологического состояния Канады. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ec.gc.ca/default.asp/>
11. Перов М., Финогенов А. Интегральный рейтинг ста крупнейших городов России / Материалы Института территориального планирования «Урбаника». – СПб., 2011.
12. Радиационная обстановка на территории России и сопредельных государств в 2012 году. Ежегодник ФГБУ «НПО «Тайфун»; Росгидромет. – Обнинск, 2013.
13. Экологический рейтинг городов мира. Институт Блэксмит. [Электронный ресурс] URL: <http://www.blacksmithinstitute.org/>
14. National Civic Review. Wiley Periodicals, Inc., A Wiley Company. Special Issue: Twenty-Five Years of Healthy Communities: Part 1. Winter 2013. Volume 102, Issue 4. Pages 3–78. Issue edited by: Tyler Norris.

Гладкевич Г.И. (Москва)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ТЕРРИТОРИИ В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ

Gladkevich G.I.

ECONOMIC GEOGRAPHICAL APPROACH TO ASSESSMENT OF THE TERRITORY IN NATURE MANAGEMENT

«Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а, с другой, расширять его охват со всех точек зрения».
(Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977, кн. 2, с. 54)

Аннотация. Рост интенсивности использования территории и усложнение пространственной структуры природопользования способствуют формированию конфликтных ареалов. Метод анализа территориальных конфликтов, предложенный в данном исследовании, базируется на концепциях «функции места» и «поляризации ландшафта», разработанных российскими экономико-географами. При получении интегральной оценки остроты конфликта несопоставимость отдельных показателей из-за несоизмерности единиц их измерения решается применением непараметрических методов исследования.

Abstract. The increase in the intensity of use of the territory and the complexity of the spatial patterns of nature contribute to the formation of conflict areas. The method of analysis of territorial conflicts, proposed in this study is based on the concepts of «function points» and «polarization landscape», developed by the Russian economic geographers. Upon receipt of the integral evaluation of the severity of the conflict, the incommensurability of individual figures because of the disproportionality of units of measurement is solved by use of nonparametric methods.

Ключевые слова: территория, концепция оценки воздействия, территориальная емкость, функция места, территориальные конфликты, непараметрические методы исследования.

Keywords: territory, the concept of impact assessment, territorial capacity, function points territorial conflicts, nonparametric methods.

Введение и постановка проблемы. Экономико-географическое изучение территории в аспекте природопользования нацелено на пространственный аспект такого феномена как воздействие, с ростом масштабов которого происходит усложнение структуры

природопользования и формирование конфликтных ареалов.

При очевидных географических различиях территорий и их социально-экономических параметров, общим в территориальных конфликтах является их обусловленность

исчерпанием емкости территории, ограничивающей возможность реализации в данном месте определенного вида деятельности.

Расчет территориальной (экологической) емкости основывается на фиксации результатов суммарного воздействия на окружающую среду многообразных видов хозяйственной деятельности и определении параметров и границ воздействия для недопущения перехода территориальной системы в состояние деградации.

Насыщение территории объектами разного рода закрепляет за ней так называемую «функцию места», то есть преимущественный вид деятельности. Емкость лимитирует набор функций территории и масштабы их развития.

При симбиотических отношениях функции могут гармонично сосуществовать на одной и той же территории. «Соседство» функций (общие границы разнофункциональных ареалов) также не исключает их развития. Единовременное использование территории функциями-антагонистами способствует формированию конфликтных ареалов.

Развитие территории в условиях конфликта приводит к утрате ею значимых функций, часто невосполнимых за счет других территорий, а в отдельных случаях, – потерянных навсегда. Все это доказывает актуальность и практическую необходимость разработки методики, нацеленной на разрешение территориальных (экологических) конфликтов при сохранении полифункциональности территории.

Изученность проблемы. Территория – фундаментальная категория всей системы географических наук, ее содержание – очень широкое. Оно отличается «емкостью и фундаментальной значимостью». Территорию рассматривают с разных позиций: как «синоним пространства», как «естественный, хозяйственный, социальный, рекреационный, генетический ресурс, как среду жизни населения» [20, с. 151]. Территория включает в себя множество природных, экономических, социальных, экологических компонентов, всю их совокупность, «пространственная суперпозиция которых проецируется на земную поверхность» [21, с. 36].

В экономической и социальной географии территория – это особый вид ресурсов, – пространственный ресурс (закрепилось

также название «территориальный ресурс»). Среди *территориальных ресурсов* выделяют, по крайней мере, два их вида, являющихся предметом исследования: ресурсы экономико-географического положения и ресурсы пространства. Роль местоположения в географической науке считается важнейшей, от него зависит жизнедеятельность человека и эффективность функционирования различных сфер экономик. В то же время, в отечественных словарях сам термин «местоположение», как правило, отсутствует, методика его количественной оценки практически не разработана до сих пор (не считая работ по оценке ЭГП городов). В то же время, высказывается мнение, что потенциал экономико-географического положения может быть включен в национальное богатство как его составная часть.

Ресурсы пространства зависят от «ландшафтного строения» территории и исчерпываются в процессе размещения хозяйства, расселения населения, инфраструктурного обустройства [20]. По мере наполнения территории различными объектами – населенными пунктами, промышленными предприятиями, транспортными и инженерными сооружениями – формируется ее структура, совершенствование которой следует рассматривать как еще один важный дополнительный ресурс ее использования. В отечественных и зарубежных исследованиях для этих целей предложено понятие «экономического каркаса территории» [2, с. 207], а также центр-периферийные модели, отражающие стадийность общественного развития и закономерности организации пространства, свойственные различным этапам и стадиям [10], теория центральных мест как совокупность принципов построения сетей и зон влияния соподчиненных населенных пунктов, а также других иерархизированных объектов (узловых элементов производственной и социальной инфраструктуры) [18]. Ближе к рассматриваемой автором в данной статье теме находится «модель культурного ландшафта» [15] с территориальной структурой, предполагающей гармоничное сосуществование природных зон и деятельности человека – «поляризованный ландшафт».

По мнению автора, в настоящее время к ресурсам пространства следует также отнести понятие *территориальной емкости*, снижение которой в условиях *измененности*

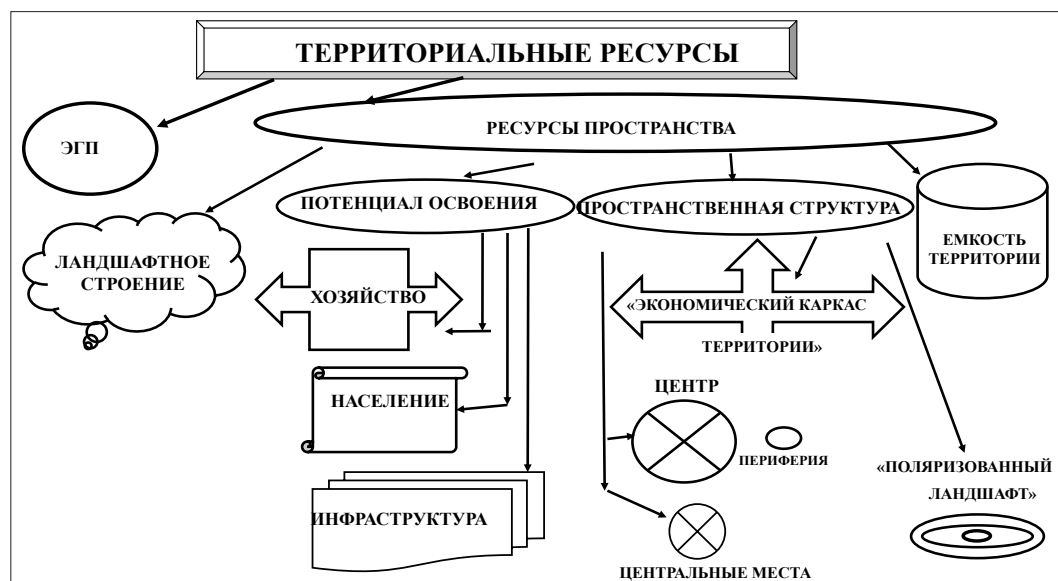

Рис. 1. Территориальные ресурсы
Выполнено автором.

природной среды под давлением так называемого *воздействия* ограничивает развитие многих сфер деятельности, ведет к постепенному ухудшению качественных характеристик территории и даже полной деградации развитых функций (рис. 1).

В качестве основного используемого в настоящее время способа определения емкости выступает нормативный. Следует отметить, что он далек от учета географических факторов, в нем не содержится оценка степени использования территории на данный момент, не учитывается *измененность* природной среды, что важно для определения параметров дальнейшего развития.

Исчерпание территориальной емкости приводит к формированию конфликтных ареалов, феномен которых практически не изучается не только в экономической и социальной географии, но и в смежных науках.

Понятие территориальной емкости и исследование воздействия на окружающую среду. Территориальная емкость или *емкость территории* – количественно выраженная способность данного места удовлетворять конкретные нужды общества без нарушения структуры и функциональных свойств социально-экономических и экологических систем.

В зависимости от функционального назначения места (в настоящем или в пер-

спективе) оценивают разные виды емкости территории – демографическую, хозяйственную, рекреационную, экологическую (табл. 1). Понятие демографической емкости первым ввел П.П. Семенов-Тянь-Шанский [17]. Пределом демографической емкости, по Семенову-Тянь-Шанскому, является максимальная численность населения, способного получить средства к существованию, проживая на данной территории и используя ее ресурсы.

Н.Ф. Реймерс характеризует территориальную емкость как возможность расширения хозяйственной деятельности на данной площади «без крупных дополнительных затрат на ее благоустройство», главным образом, путем интенсификации и комплексного использования освоенных ресурсов [13, с. 123]. В то же время, он вводит понятие *потенциальной емкости территории*, когда речь идет о «дополнительных капитальных затратах на обустройство и вовлечение в хозяйственное использование новых ресурсов».

Рекреационная емкость – предельная способность данного места удовлетворять спрос населения на услуги отдыха и лечения без деградации природно-ресурсного рекреационного потенциала.

Предел *экологической емкости* зависит от масштабов воздействия на природу и устойчивости природных систем к этому типу воздействия [7, с. 96].

Таблица 1

Виды территориальной емкости

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ	ХОЗЯЙСТВЕННАЯ	РЕКРЕАЦИОННАЯ	ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ
Максимальная численность населения, способного получать на данной территории средства к существованию	Возможность расширения хозяйственной деятельности на данной площади за счет интенсификации ее использования	Способность обеспечивать потребности в отдыхе без деградации природной среды	Способность выдерживать антропогенные нагрузки без ухудшения качества ОС
П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Е.Б. Лопатина, В.В. Покшишевский, С.М. Мягков, Е.Г. Петрова	Г.А. Приваловская, Т.Г. Рунова, Н.Ф. Реймерс	В.С. Преображенский, Ю.А. Веденин, И.В. Зорин, Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов	Н.Ф. Реймерс, Б.И. Кочуров

Составлено автором.

Территориальная емкость в целом – сложное понятие, связанное с особенностью функционирования территориальных систем и не может быть выражена как сумма слагаемых ее отдельных видов. Измерение емкости территории необходимо для поддержания устойчивости природных систем, недопущения их деградации, что в полной мере зависит от масштабов и специфики хозяйственной деятельности, от уровня социально-экономического развития общества. Поэтому эта задача, в том числе, должна решаться экономической и социальной географией.

Экологическая емкость напрямую связана со степенью экологической напряженности (остроты экологической ситуации) на данной территории. Оценка экологической емкости основывается на фиксировании результатов хозяйственной деятельности и определении того уровня воздействия, при котором территориальная система переходит в состояние деградации. Ограничения в использовании бывают настолько жесткими, что их соблюдение может привести к убыточности какого-то конкретного вида хозяйственной деятельности. В таком случае необходим поиск компромиссного решения, которое было бы экономически обоснованным, но без заметного нарушения способности «природного окружения обеспечивать нормальную жизнедеятельность определенному числу организмов и их сообществ» [13, с. 123].

Емкость территории может быть выражена в разных единицах. В физических науках емкость ограниченных объектов определяется путем умножения площади на высоту. Для географических систем возможно более

или менее определить площадь, но высоту или меру наполнения пространства определить фактически невозможно, так как нельзя точно определить меру интенсификации использования территории совокупными видами деятельности.

В строительных, санитарно-гигиенических, рекреационных, промышленных, сельскохозяйственных и даже градостроительных, экологических и рекреационных нормативах отсутствует вовсе или слабо проработана территориальная дифференциация показателей.

Научное обоснование расчета экологической емкости предложил Н.Ф. Реймерс. В измерении экологической емкости он видел возможность «сохранения в неизменном виде (в той или иной степени) определенной части территории («многих десятков процентов») [14, с. 210]. Установление экологической емкости есть путь к экологической оптимизации, переходу от природных территорий к их «экологически и социально-экономически обоснованным системам» для создания «функционального и территориального механизмов поддержания экологического равновесия» [14, с. 209].

Идеология Н.Ф. Реймерса отражена на предложенной им картосхеме оптимального соотношения по природным зонам интенсивно эксплуатируемых и экстенсивно используемых, а также особо охраняемых территорий, обеспечивающих экологическое равновесие. Однако, предложенная им картосхема практически не читается и должна быть «расшифрована» для ее практического использования. В приводимой ниже таблице 2 данные картограммы соотнесены с природ-

Таблица 2

Оптимальное соотношение по природным зонам интенсивно эксплуатируемых и экстенсивно используемых, а также особо охраняемых территорий, обеспечивающих экологическое равновесие

Природная зона	Максимальное использование, %	Буферная территория (выполняющая или могущая выполнять экологическую функцию), %
1. Арктическая пустыня, тундра и лесотундра	10	90
2. Тайга:		
а) север зоны	10	90
б) юг зоны	50	50
3. Смешанные леса	70	30
4. Широколиственные леса	75	25
5. Лесостепь	65	25
6. Степь	60	40
7. Полупустыни и пустыни	10	90
8. Субтропические леса	20	80
9. Муссонные смешанные леса	70	30
10. Области высотной поясности	20	80

Источник: [14, с. 208].

ными зонами и даны в удобной для использования форме.

Данные, приведенные в таблице, показывают, насколько отличается потенциальная экологическая емкость территории в разных природных зонах. Так, в зоне южной тайги буферная территория, обеспечивающая экологическое равновесие, должна составлять не менее 50% общей задействованной площади, а в зоне широколиственных лесов – всего 25%. Сопоставление реальной картины места с предложенным «идеалом» позволяет в короткое время получить важные экспертные оценки экологического состояния территории, напрямую зависящие от ее социально-экономических параметров, с одной стороны, и от природных особенностей, – с другой.

Территориальная (экологическая) емкость (наполнение территории «социаль-

ными компонентами») напрямую связана с воздействием со стороны производства и человека на природу, приводящего к качественной трансформации территории, что позволяет эту категорию рассматривать как социально-экономическую. Воздействиями на природу (все чаще употребляют как термин «воздействие») далее называют все «виды деятельности человека и созданных им объектов, вызывающих те или иные изменения в природе» [12, с. 8]. Классифицировать воздействия предлагается по их физическому содержанию, по силе и интенсивности, по временному масштабу и по территориальному охвату (рис. 2).

Содержание воздействий раскрывается в таблице 3. При оценке последствий воздействия важны все отмеченные характеристики, при этом важно отметить, что «террито-

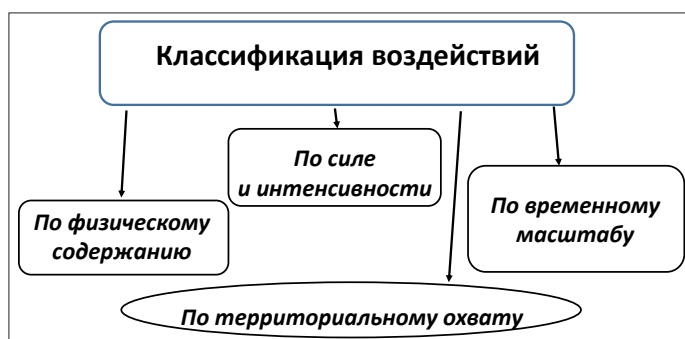

Рис. 2. Классификация воздействий

Источник: [19, с. 85–86].

Содержание воздействия

По физическому содержанию	По силе и интенсивности
Изъятие вещества	Сильные
Привнесение отходов	Промежуточные градации
Сооружение технических объектов	Слабые
Трансформация компонентов природы	
По временному масштабу	По территориальному охвату
Кратковременные и длительные	Точечно-очаговые
Импульсивные, эпизодические или непрерывные	Линейно-сетевые (транспортные и коммуникационные сети)
Сезонные, годовые, вековые	Площадные (ареальные) – сельскохозяйственные участки, селитебные земли, рекреационные зоны

Источник: [19].

риальный охват», границы воздействия и их конфигурация (четвертая характеристика в таблице), напрямую зависят от трех предыдущих отмеченных свойств.

Важно помнить о взаимосвязях, взаимодействиях («цепных реакциях») в природе, по которым воздействия и изменения передаются от одного компонента к другому и затем ко всему природному комплексу, и далее к другому природному комплексу и т.д.

Измененные природные комплексы, выступая в качестве природных условий и ресурсов, оказывают обратное влияние, как на самого человека, так и на его деятельность (рис. 3).

На необходимость учета того обстоятельства, что человеку приходится иметь дело с воздействием на него *измененной*

природы указывал Ю.Г. Саушкин. По его выражению взаимодействие природы и общества развивается «по спирали». «Географическая среда влияет на производство, способствует его развитию и затем влияет на деятельность следующих поколений, которые опять изменяют среду в соответствии со своими новыми запросами, навыками, орудиями труда» [16, с. 137].

Разная устойчивость природных комплексов к воздействию определяется их способностью к самоочищению, саморегулированию и самовосстановлению [9]. Но, следуя вышесказанному, необходимо «корректировать» устойчивость природных систем, исходя из того обстоятельства, что потенциал их устойчивости к воздействию уже нарушен или, по крайней мере, *изменен*.

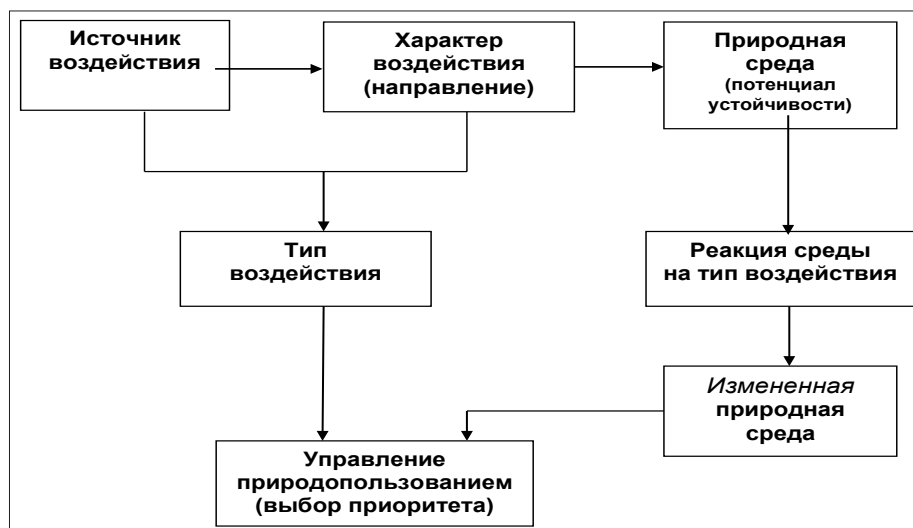

Рис. 3. Схема исследования воздействия на природную среду

Источник: [4, с. 24].

Понятие территориальных конфликтов. Изменения природы в самом общем виде могут быть названы обратимыми и необратимыми. Выявление масштабов изменений в природе осуществляется путем сравнения ее современного состояния с базовым, принимаемым за норму или эталон. Последствия воздействий, происходящие под влиянием измененной природы, влияют на использование территории, ее функции.

Использование территории – это способ ее вовлечения в системы функционирования общества. Вид использования территории, понимаемый как удовлетворение определенных потребностей общества, назван А.А. Минцем и В.С. Преображенским «функцией места» [11].

В функции места – «позиционном принципе и давлении места» (по выражению М.Д. Шарыгина) проявляется уникальность, индивидуальность, неповторимость, которые характерны для любой территории, помимо ее общегеографических свойств.

Природопользование на конкретной территории определяется совокупным действием следующих основных групп факторов:

- технологическая группа факторов (способы, приемы или инструменты), с помощью которых удовлетворяются человеческие потребности;
- территориальная группа факторов, связанная с особенностями территории и расположенными на ней природно-антропогенными системами;
- социально-культурологическая группа факторов, описывающая виды потребностей, которые удовлетворяются на данной территории.

В связи с тем, что главным мотивом при осуществлении природопользования являются потребности человека, типология природопользования сложилась по совокупности потребностей и по отраслям хозяйства.

К основным типам природопользования относят:

- сельскохозяйственное;
- селитебное;
- рекреационное;
- природоохранное (как дальнейшая ступень сохранения здоровья, появляется после определенного времени развития всех остальных потребностей), включает только участки тер-

ритории с ограничением любых видов хозяйственной деятельности;

- транспортно-промышленное.

Общественная значимость различных видов использования территории неодинакова, что должно учитываться в хозяйственной практике. В каждом конкретном случае приоритет должен отдаваться тем видам использования территории, которые, с одной стороны, востребованы наиболее насущными потребностями общества, а, с другой, – согласуются со специфическими природными свойствами территории. Приоритетны те функции территории, которые сохраняют ее биологическую продуктивность – природоохранная, аграрная, рекреационная, лесохозяйственная и т. д.

Для староосвоенных районов характерны периодически происходящие трансформации функций мест. Это связано с появлением новых потребностей, которые не могут быть удовлетворены за счет уже развитых здесь функций. Задача науки – придать процессу изменения функций прогрессивный ход.

Одна и та же функция может выполняться территориями разного типа. Чаше территория полифункциональна. Сочетание функций формирует определенные типы природопользования, которые дифференцируются по оказываемым на окружающую среду видам воздействия, их масштабу и последующей степени трансформации природной и социально-экономической среды.

Набор функций территории и масштабы их развития лимитируются ее экологической емкостью. Истощение территориальной емкости происходит как в результате превышения допустимой антропогенной нагрузки, так и из-за усложнения пространственной структуры, что приводит, как правило, к формированию конфликтных ареалов.

Можно выделить следующие виды конфликтных ареалов: монофункциональные, полифункциональные и комплексные. Монофункциональный конфликтный ареал образуется на территориях с выраженным доминированием отдельной функции. Его формирование происходит тогда, когда степень интенсивности использования территории и, соответственно, вызываемая этим использованием антропогенная деградация, приводит к превышению значений экологического порога емкости территории, что, впоследствии, может вызвать

Рис. 4. От гармонии функций к конфликтным ареалам

Источник: [8, с. 94; 9, с. 178].

уменьшение экономической эффективности производства.

Монофункциональный конфликт формируется как при интенсивном, так и экстенсивном способах использования территории. Примером может быть ситуация, когда на территории с выраженной и привлекательной рекреационной функцией начинается использование леса в промышленных целях, или, когда рекреационная территория отводится под интенсивную сельскохозяйственную деятельность, т. е. когда граница одной из функций расширяется в ущерб соседней территории.

Полифункциональный конфликтный ареал формируется в зоне реализации разнообразных высоко интенсивных функций, распространение которых ограничено границами застройки (селитебная, транспортно-промышленная, некоторые виды рекреационной деятельности).

Острота конфликта нарастает, когда по мере превышения параметров экологического порога емкости территории качественные характеристики окружающей среды снижаются. Дальнейшее развитие конфликта ведет к снижению эффективности использования территории, а, в отдельных случаях, – разрушению традиционных видов ее хозяйственной деятельности.

Пространственное сочетание функций друг с другом может быть охарактеризовано как симбиоз, соседство или антагонизм (рис. 4).

При симбиотических отношениях функции могут гармонично сосуществовать на одной и той же территории. В случае соседства функции могут иметь общие границы. Функции, которые не могут совместно использовать территорию, являются антагонистами. Антагонизм возникает при не-

совместимости таких пар функций как «селитебная – природоохранная»; «селитебная – промышленная»; «селитебная – транспортная»; «рекреационная – промышленная»; «природоохранная – промышленная» и др. Антагонизм функций не только затрудняет их функционирование, но способствует их разрушению, деградации.

Методика выявления территориального конфликта в природопользовании.

Данная методика предусматривает несколько этапов. После оценки параметров социально-экономического развития в районе исследования и определения основных функций территории и последующего за этим выделения границ функциональных зон выявляются ареалы пересечения разных функций и, таким образом, определяются функции-антагонисты в общих границах (рис. 5). Заключительная стадия – ранжирование ареалов по остроте конфликта для принятия дальнейших управленческих решений. С этой целью следует объединить природно-территориальные факторы и социально-экономические условия, определившие сложившуюся ситуацию. В качестве параметров оценки могут быть взяты отклонения от нормативно-территориальных показателей.

Получение оценок, интегральных по своему характеру, по каждому из ареалов осложняется несопоставимостью отдельных показателей из-за несоразмерности единиц их измерения. Эта проблема решается применением непараметрических методов исследования, которые обладают рядом преимуществ – широким полем приложения, меньшей чувствительностью к искажениям статистических данных. Наиболее доступен из них метод суммы

Рис. 5. Этапы выявления конфликтных ареалов в природопользовании
Составлено автором.

* СЭР – социально-экономическое развитие.

мест, отличающийся простотой техники вычислений.

Первый этап расчетов заключается в предварительном ранжировании всех ареалов по каждому из выбранных показателей, отдельно по природному и социально-экономическому блокам. При этом первые ранги присваиваются ареалам с наилучшими их значениями; вторые – с наиболее высокой долей от лучшего (или наиболее высоким процентом от лучшего значения), и т.д. Перед вычислением суммы мест по всем рассматриваемым показателям (процедура сложения по горизонтали доли от единицы, что является репрезентативным счетом с точки зрения математики) по строкам и получения средней арифметической в конце строки должно быть проведено квалиметрическое «взвешивание» для установления значимости отдельных качеств путем введения «весового» коэффициента [1]. Весовые коэффициенты определяют численный «вклад» как каждого из природных параметров оценки, так и социально-экономических и могут значительно варьировать. При отсутствии необходимой обеспеченности численных данных и эмпирических связей весовые коэффициенты определяются методом экспертных оценок [4]. «Вес» показателя зависит от степени его влияния на оцениваемую ситуацию. Сумма весов по всем показателям должна равняться единице [3].

Результат вычислений по каждому ареалу в конце строки выражает уровень обобщающей оценки данного объекта в процентах к наилучшим значениям, интегрированным в средней величине из частных оценок. Метод

напоминает расчет Индекса развития человеческого потенциала (но только с точки зрения математической логики). Наполнен же он другим содержанием, в данном случае, выражающим ранг территории по остроте выявленного конфликта.

Таким образом, алгоритм рейтинговой оценки ареалов может быть представлен в виде следующих файлов (табл. 4):

- информация представляется в виде матрицы исходных данных;
- по каждому из показателей устанавливаются наилучшие значения, приписываемые условному эталону;
- исходная матрица переводится в матрицу нормированных значений показателей;
- проводится процедура квалиметрического взвешивания выбранных параметров;
- для каждого ареала на основе частных показателей устанавливается численное значение обобщающего показателя;
- значения обобщающей оценки упорядочиваются по тому или иному критерию.

Ареалы ранжируются по степени остроты конфликта и разбиваются на типы (при наличии большого числа объектов оценки) для последующего выбора действий сразу по большому их числу. Сложившуюся ситуацию можно дифференцировать по уровням: катастрофическая; на грани катастрофы, критическая; неудовлетворительная, удовлетворительная и т. д.

Выявить типы объектов по совокупности разнородных показателей помогает также

Ранг конфликтных ареалов по степени остроты конфликта

Оцениваемые ареалы	Совокупность природно-территориальных данных (число неограничено)					Совокупность социально-экономических параметров (число неограничено)					Интегральная оценка	Ареалы по рангу остроты ситуации
	Pn_1	Kn_1	...	Pnp	Knp	Pc_1	Sc_1	...	Pcp	Kcp	Pi^*	
1.												Катастрофическая
2.												На грани катастрофы
3.												Критическая
4.												Неудовлетворительная
5.												Удовлетворительная
....	...	...				...					...	

Составлено автором.

$$*Pi = (Pn_1 \times Kn_1 + Pnp \times Knp + Pc_1 \times Sc_1 + \dots + Pcp \times Kcp); n$$

K_{kv} – квалиметрический коэффициент.

нанесение параметров оценки ареалов на плоскости таким образом, что положение на оси Y отражает значения социально-экономических параметров, а на оси X – природно-территориальные и экологические параметры (рис. 6).

Первый уровень конфликта возникает тогда, когда совместное (в общих границах) развитие функций приводит к полной деградации одной из них без какой-либо возможности в обозримом будущем ее восстановления. Далее рассматриваются ситуации и ранжируются ареалы с меньшей остротой кризиса.

Устранение территориальных конфликтов – важнейшая задача оптимизации природопользования. Организационные действия по «смягчению» монофункционального конфликта направлены на «растягивание» воздействия во времени (табл. 5), например, определение сроков строительства промышленных предприятий с учетом жизненных циклов охраняемых видов животных или водных биологических ресурсов.

Важнейшими для устранения территориальных конфликтов являются технологические меры – применение передовых техноло-

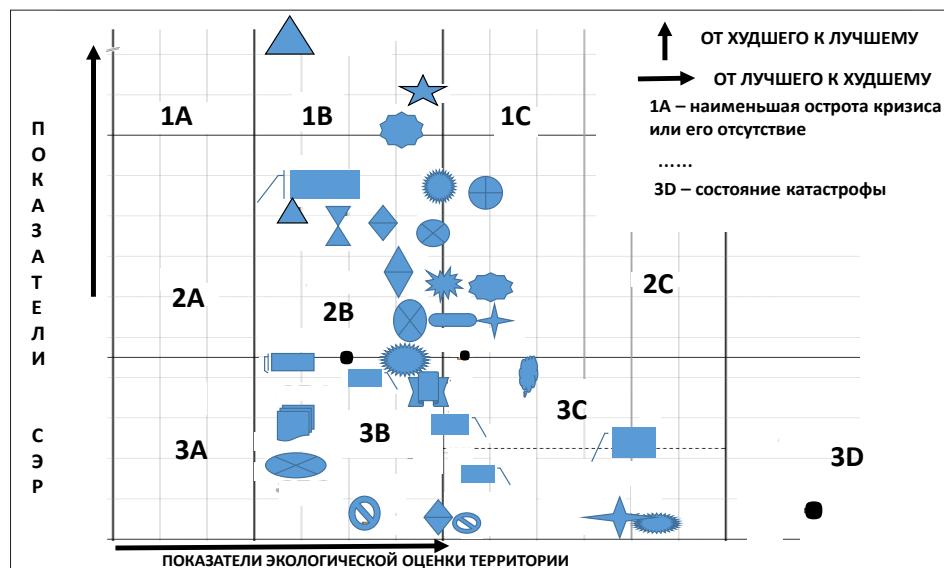

Рис. 6. Схема выявления типов ареалов по остроте конфликта

Выполнено автором.

* СЭР – социально-экономическое развитие

Пути устранения территориальных конфликтов

ВИД КОНФЛИКТНОГО АРЕАЛА	ПУТИ УСТРАНЕНИЯ	
МОНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ (ограниченное число функций)	ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ по устранению территориального конфликта: «растягивание» воздействия во времени	
	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ: применение передовых доступных технологий, уменьшающих воздействие агрессивной функции	
	ДОСТИЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БАЛАНСА:	
	Сокращение масштаба воздействия в соответствии с критериями экологической емкости	Дробление крупных монофункциональных ареалов природными объектами с охранным статусом
ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ (множество функций)	ОПТИМИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ (пространственные мероприятия, дополнительно к мерам по устранению монофункционального конфликта):	
	Увеличение площади природоохранной функции до минимально необходимой	
	Отказ или вывод функции на «территорию оптимального развития»	
	«Поляризация ландшафта» (создание «буферных» зон между функциями-антагонистами)	

Предложения автора.

гий, уменьшающих воздействие агрессивной функции.

Пространственные мероприятия направлены на достижение экологического баланса и включают сокращение масштаба воздействия в соответствии с критериями экологической емкости и дифференцируются в соответствии с типом природного комплекса и в зависимости от видов осуществляемой деятельности. Эффективно дробление крупных монофункциональных ареалов (например, обширных сельскохозяйственных и интенсивно используемых рекреационных территорий) природными объектами с охранным статусом.

В условиях сформировавшегося полифункционального конфликта ситуация сложнее. Те же меры требуют большей фундаментальности и затрат. Роль усовершенствованных технологий производства, позволяющих добиться сокращения зоны воздействия высокоинтенсивных функций (селитебной и транспортно-промышленной) еще более возрастает.

Пространственное направление устранения конфликтных ареалов становится главным. Оно заключается в создании «буферных» зон между функциями-антагонистами. Буферные зоны предназначены для «поглощения воздействия», которое оказывают на территорию высокоинтенсивные функции. В условиях вынужденного сокращения площа-

ди буферных зон необходимы более жесткие природоохранные технологии для транспортно-промышленной и селитебной функций, направленные на поддержание экологического баланса территории.

Более жесткая мера – это отказ или замена наименее значимой функцией. Желательно, при этом, «передавать» функции территориям оптимального развития.

Интересно, что соседствующие на территории функции, выступающие как антагонисты по отношению друг к другу, могут при их согласованном развитии усиливать друг друга, способствуя многократному росту территориальной емкости. На это направлена модель «конструирования идеального ландшафта» Б.Б. Родомана, в основном для его использования в рекреационных целях, но с учетом сохранения природного комплекса, с одной стороны, и «всей остальной деятельности людей», – с другой. Между зонами-антагонистами Б.Б. Родоман предлагает создать «буферные зоны», предназначенные для «поглощения воздействия», которое оказывают на территорию высокоинтенсивные функции – промышленная, транспортно-промышленная и селитебная. В условиях территориальной концентрации населения и производства, частным случаем которого являются урбанизированные зоны, естественный ландшафт и город, отрицательно на него

воздействующий, должны быть «отодвинуты» друг от друга как можно дальше, разделены и, в то же время, соединены «амортизирующей прокладкой» из промежуточных функциональных зон (например, сельскохозяйственной) [15].

Таким образом, между «большим городом» и «дикой природой», противоположными и равноценными видами окружающей среды, одинаково необходимые людям, должны быть *переходные зоны*, отличающиеся плотностью населения и степенью изменения природной среды (заповедники, загородные парки для отдыха, агропромышленная зона, селитебная (жилая застройка), городская зона и т.д.). Оптимизация территориальной структуры «поляризованного ландшафта» направлена на снижение разрушающего натиска растущего города и базируется на стремлении к сохранению функций, обеспечивающих экологический баланс (экологическое равновесие) территории. Однако, в реальной жизни это трудно решаемая задача из-за полифункционального характера названных зон. Также надо учитывать влияние соседних территорий, которое может иметь негативный характер.

Использование метода выявления конфликтных ареалов при оценке различного рода намечаемых проектов и планов развития территории направлено на более взвешенное принятие решений об осуществлении намеченной хозяйственной деятельности.

Анализ территории с точки зрения возможности формирования потенциальных конфликтных ареалов имеет практическое значение. Он неоднократно использовался кафедрой экономической и социальной географии России МГУ при выполнении научно-исследовательских работ, направленных на практическую их реализацию. Приведем несколько примеров.

Так, оценивая проблемы комплексного использования территории при строительстве водохранилищ питьевого назначения (на примере водохранилищ Верхней Волги) были определены пути сохранения важных ее функций путем многоцелевого использо-

вания и даны рекомендации по «закреплению» сельского населения путем создания дополнительных востребованных видов деятельности¹.

Разработка концепции развития территории в условиях потенциального формирования жесткого конфликта в природопользовании² (на примере Байкальской территории), позволила предложить программу коэволюционного развития, использования природно-ресурсного потенциала, исключающего разрушительную трансформацию эколого-экономических систем. Охрана Байкальской Природной Территории рассматривается как способ косвенного стимулирования экономического развития.

Данный метод нашел применение при исследовании конфликтогенности новых хозяйственных объектов, влияющих на традиционно сложившиеся функции на территории, прилегающей к городу Новороссийску³. В районе Новороссийска создан комплекс по отгрузке жидкого аммиака и база хранения сжиженных углеводородов. Размещение названных объектов на Черноморском побережье привело к усложнению структуры хозяйственной деятельности и усилению антропогенного воздействия на равнинные участки территории, наиболее пригодные для развития транспортного комплекса, ограниченные по площади и уже насыщенные другими видами деятельности, что обусловило формирование конфликтных ареалов. В работе показаны отрицательные последствия от утраты главной функции территории – рекреационной, развитие которой в условиях конфликта прекращено.

Некоторые выводы. Разрешение территориальных конфликтов в природопользовании позволяет сохранить полифункциональность территории путем «разведения функций» в пространстве за счет создания буферных зон между функциями-антагонистами или передаче функций территориям оптимального развития, или отказе от функций, развитие которых ведет к конфликту.

Методика выявления территориальных конфликтов актуальна для практики. Она

¹ Гладкевич Г.И. Проблемы комплексного использования территории при строительстве водохранилищ питьевого назначения (на примере водохранилищ Верхней Волги) // Актуальные проблемы экономического и социального развития регионов. – Саратов, 1988.

² Бурятия: концепция развития. Монография / Под ред. Г.И. Гладкевич. – М.–Смоленск, 2005.

³ Чуканова О.А. Функциональное зонирование Черноморского побережья России для рационального природопользования. Дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 2004. Научный руководитель – Г.И. Гладкевич.

проста в применении и может быть использована как в работе органов государственной власти, так и частными компаниями при разработке программ дальнейшего развития, подготовке документов территориального планирования. Инвесторы заинтересованы в выявлении рисков в процессе принятия решения о сделке, о месте и времени реализации проектов. В случае если возникновение полифункционального конфликта потенциально возможно (или он уже возник), целесообразно запроектировать дополнительные

мероприятия по минимизации негативного воздействия.

Возможность получения вполне достоверных интегральных оценок с помощью квалитетрических коэффициентов, продемонстрированная в данной работе, может быть использована для решения широкого круга задач.

Изложенный методический подход может быть усовершенствован путем применения космических снимков в условиях широкого распространения ГИС-технологий.

Библиографический список

1. Азгальдова Г.Г. Азгальдов Г.Г. Теория и практика оценки качества товаров (основы квалитетрии). – М.: Экономика, 1982. – 256 с.
2. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Баранский Н.Н. Становление советской экономической географии. Избранные труды. – М.: Мысль, 1980. – С. 204–254.
3. Гладкевич Г.И., Мазуров Ю.Л., Шувалов В.Е. и др. Экономико-географическая оценка видов и уровней антропогенного воздействия на природную среду Европейской части России // Проблемы оценки экологической напряженности Европейской территории России: факторы, районирование, последствия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 7–23.
4. Гладкевич Г.И. Методология оценки территории через призму взаимодействия географической среды и производства в работах Ю.Г. Саушкина // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Отв. ред. А.П. Катровский. – Смоленск: Универсум, 2011. – С. 21–26.
5. Гладкевич Г.И., Терский П.Н., Фролова Н.П. Оценка опасности наводнений на территории Российской Федерации // Водное хозяйство России. – 2012. – № 2. – С. 29–45.
6. Гладкевич Г.И. Территориальные конфликты в природопользовании // Рациональное природопользование: традиции и инновации. Матер. Межд. научн.-практ. конф. / Под общ. ред. М.В. Слипенчука. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. – С. 44–46.
7. Гладкевич Г.И. Емкость территории // Социально-экономическая география. Понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – С. 96.
8. Гладкевич Г.И., Чуканова О.А. Конфликтное природопользование // Справочник эколога. – 2014. – № 1. – С. 92–96.
9. Глазовская М.А. Геохимические основы типологии и методики исследования природных ландшафтов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 230 с.
10. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
11. Минц А.А., Преображенский В.С. Функция места и ее изменения // Известия АН СССР. Сер. географич. – 1970. – № 6. – С. 118–131.
12. Мухина Л.И., Рунова Т.Г. Система показателей для изучения и оценки воздействия человека на природу // Изучение и оценка воздействия человека на природу. – М.: ЦНИИ информации и технико-экономических исследований ЛП, 1980. – С. 7–16.
13. Реймерс Н.Ф. Природопользование. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
14. Реймерс Н.Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. – М.: Россия молодая, 1994. – 365 с.
15. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – 336 с.
16. Саушкин Ю.Г. Введение в экономическую географию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 339 с.
17. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // Статистический временник Российской империи. Т. 1. – СПб, 1871.
18. Социально-экономическая география. Понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
19. Топчиев А.Г. Геоэкология: географические основы природопользования. – Одесса: Астропринт, 1996. – 392 с.
20. Шарыгин М.Д. Современные проблемы экономической и социальной географии. – Пермь: Пермский ун-т, 2008. – 427 с.
21. Шарыгин М.Д. Экономическая география и регионалистика. – Пермь: НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права», 2010. – 340 с.

Попов А.А. (Москва)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ МОСКВЫ

Popov A.A.

SPATIOTEMPORAL ANALYSIS OF KEY FACTORS FOR RESIDENTIAL REAL ESTATE ESTIMATES IN MOSCOW

Аннотация. В статье рассмотрены основные методические подходы к анализу пространственных закономерностей развития рынка жилья. Приведено описание методики автоматизированной системы массовой оценки объектов жилой недвижимости (на примере Москвы). С помощью методов регрессионного анализа выделены и рассмотрены ключевые факторы, влияющие на процессы ценообразования, определены переоцененные и недооцененные районы города, приведен прогноз изменения территориальной дифференциации цен на жилую недвижимость в Москве.

Abstract. Key factors of spatial features of residential real estate market development are highlighted. Methods of developing an automated valuation model system of residential real estate appraisal (a case study of Moscow) are described. Using regression analysis key factors influencing the pricing process are highlighted; overvalued and undervalued districts in Moscow are defined.

Ключевые слова: Москва, оценка жилой недвижимости, анализ факторов ценообразования.

Keywords: Moscow, automated valuation models, pricing factors analysis.

Введение. Недвижимость – один из ключевых секторов постиндустриальной экономики крупных городов. Доля статьи «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям» в ВРП Москвы к середине 2010-х гг. превысила 20%, что вывело столицу РФ на один уровень с крупнейшими мировыми городами (к примеру, аналогичный показатель в Нью-Йорке составляет 26%, в Париже – 25%). Развитие рынка недвижимости важно не только в контексте региональной проекции макроэкономических трендов, но и как важный параметр, оказывающий влияние на развитие внутригородских процессов.

Различия в стоимости жилой недвижимости используются многими отечественными исследователями в качестве ключевого индикатора глубины социальной стратификации. Хотя это и является вынужденной мерой в условиях бедности российской внутригородской статистики, данные по дифференциации показателя «жилищного капитала», можно считать определенной заменой информации по уровню реальных доходов жителей, которые легко доступны в Западной Европе и США [4].

Специфические особенности рынка недвижимости в РФ (низкие показатели обеспеченности и доступности, технологические ограничения со стороны строительной

индустрии, отсутствие цивилизованного рынка аренды, слабое фискальное регулирование для частных инвесторов) оказывает свое существенное воздействие на миграционную подвижность населения как в масштабах страны, так и внутри крупных городов. Жилищные условия также рассматриваются при комплексных исследованиях, связанных с оценкой уровня жизни населения, расчетах интегральных показателей привлекательности городов, оценке различий в качестве городской среды [2]. Наиболее глубокие и детальные научные исследования по тематике развития рынка жилья в последние годы были проведены в области прогнозирования ценообразования с помощью экономических моделей [8].

Рынки недвижимости невозможно полноценно изучать в отрыве от территории без учета характеристик местоположения объектов и качества среды. Высокая степень детализации может быть достигнута лишь при применении специфических географических подходов к исследованиям (в частности, полимасштабного анализа).

Источники информации о рынке недвижимости. Несмотря на высокую востребованность работ, связанных с развитием рынка недвижимости (со стороны государства и бизнеса), методологические

подходы к его анализу в России проработаны намного слабее, чем для других секторов экономики. Это связано с относительной молодостью этого рынка (в отличие, например, от изучения промышленности данное направление географических исследований не могло наследовать методики, формировавшиеся на протяжении советского периода), специфическим сценарием его развития и с отсутствием единого источника данных. Качество, полнота и оперативность статистики, систематизируемой Федеральной службой государственной статистики, не отвечает запросам экспертного сообщества. В отличие от стран с развитыми рынками недвижимости в РФ отсутствует достоверный источник информации об уровне цен и их трендах в масштабе городов и регионов (аналог индекса Кейса–Шиллера в США, который публикуется рейтинговым агентством Standard & Poor's и является одним из важнейших общестрановых макроэкономических индикаторов) [9]. Попытки внедрения единой методики сбора и систематизации информации со стороны профессиональных участников рынка (Российской гильдии риелторов) к 2014 г. увенчались успехом лишь в нескольких региональных центрах (Екатеринбург, Краснодар, Нижний Новгород). В них были созданы общегородские классификации жилых комплексов, разработано районирование территорий, адаптированное к особенностям рынка жилья, и, главное, запущены в эксплуатацию информационные мультиистинговые системы (где хранятся достоверные данные по всем объявлениям и большинству сделок).

Рынок жилья Московского столичного региона, являющийся одним из крупнейших в Европе по капитализации, до настоящего времени существует в условиях частичной информационной закрытости, отсутствия единой маркетинговой классификации объектов. Следствием этого является большой разброс значений по ключевым показателям (средней цене квадратного метра, ее дифференциации между районами и динамики). Это затрудняет как проведение анализа сегментов рынка, так и интерпретацию итоговых результатов. Большую часть работы экспертов сейчас занимает сбор и исправление исходных данных, а не их анализ. Особенно затруднены работы с динамическими рядами, так как способы систематизации инфор-

мации подвержены изменениям. Значительную часть информационного пространства занимают публикации аналитических подразделений агентств недвижимости и застройщиков, то есть акторов, заинтересованных в создании выгодного им новостного фона. Более высокая прозрачность рынка в некоторых региональных центрах объясняется кратной разницей в уровне цен со столицей: огромный объем рынка в Москве не позволяет участникам рынка договориться о понятных «правилах игры» и информационной открытости.

Т.о., созрела необходимость создания методики объективного расчета ключевых показателей (прежде всего, связанных с определением текущего уровня цен, их динамики). В этом заинтересованы как потребители (конечные покупатели и арендаторы), так и экспертное сообщество (так как использование сторонних данных может приводить к некорректным выводам, затрудняет сравнительный анализ и построение динамических рядов).

Адаптация методики массовой оценки жилья для географических исследований. Для получения данных о территориальной дифференциации цен на жилую недвижимость всегда используется один из двух типов источников:

1. Информация о *ценах предложений* (из объявлений, публикуемых агентствами, застройщиками и частными лицами).

2. Информация о *ценах сделок* (из систем государственной регистрации).

Данные по *ценам предложений* априори обладают меньшей степенью достоверности. Даже в условиях лицензируемой деятельности участников рынка с жесткой ответственностью за публикацию неполной и недостоверной информации (чего в РФ не существует), при их обработке нельзя быть уверенным, что сделка была совершена по заявленной цене и может быть использована для дальнейших расчетов. Введение поправки на торг лишь частично исправляет этот недостаток, но все равно снижает точность выборки.

Данные по *ценам сделок* (при условии их доступности в формате, допускающем создание полноценной базы данных) используются при создании аналогичных систем, реализованных в ряде зарубежных систем массовой оценки. Примерами, представленными в открытом доступе, являются

Интернет-проекты Zillow и Trulia в США, RightMove и Zoopla в Великобритании, Szybko в Польше. Создание системы открытых данных на Интернет-портале Росреестра [11] в 2011 г. теоретически должно было решить все проблемы с корректностью данных, описанные выше. В реальности их использование оказалось не менее проблематичным по сравнению с анализом рекламных баз объявлений. Без внесения существенных корректировок расчеты по данным Росреестра приводят к серьезным неточностям. Это связано с тем, что в информации о сделках в ней более 40% квартир зафиксированы по нерыночным ценам (для ухода от налогообложения), для 80–85% записей невозможно определить точный адрес объекта, затруднено выделение сделок с первичного и вторичного рынков. Тем не менее, у информации, полученной после соответствующих проверок, есть неоспоримое преимущество, связанное с официальным статусом данного источника, единой методикой ее сбора и систематизацией в масштабах страны.

Таким образом, при создании корректной методики обработки данных для анализа ценовой ситуации нельзя ограничиться каким-либо одним источником и невозможно обойтись без фильтрации каждого из массивов от ложной информации. Предлагаемая авторская методика идеологически наиболее близка к технологиям создания систем массовой оценки жилой недвижимости [10]. Ее основным отличием от систем, реализованных специализированными оценочными компаниями, является выстраивание логики наполнения «от частного к общему» (от конкретного сочетания «дом + тип комнатности» до масштаба города) [5]. У оценщиков, как правило, отсутствует задача оценки каждого дома (которая нужна географам), есть лишь цель получить наиболее точные поправочные коэффициенты для применения к объектам-аналогам.

В рамках настоящей методики расчеты сначала выполняются для минимально возможной территориальной ячейки (дома) для каждого из вариантов числа комнат в квартире и лишь затем последовательно агрегируются для объектов более высокого уровня (муниципалитеты, административные округа). Значимую роль в методике играет уточнение административно-территориального деления города. Каждый из 125 муниципальных районов Москвы (в границах до

2012 г.) дополнительно делится на несколько «субрайонов» с относительно однородной застройкой и минимальными различиями в качестве городской среды. Это позволяет решить одну из важнейших проблем, стоящих перед оценщиками, – автоматизацию системы подбора аналогов. Фильтрация баз данных от некорректных записей реализована с помощью последовательного применения следующих методических приемов:

- обработка нескольких источников за длительный временной период (до 5 лет), то есть, использование подходов и инструментов анализа больших данных (big data analysis),
- удаление объявлений с некорректными значениями цен, площадей и их соотношений (этому критерию не отвечает около 15% объявлений),
- удаление объявлений с некорректными адресными ориентирами (этому критерию не отвечает около 10% объявлений),
- сверка данных из объявления с данными по характеристикам жилого фонда из регионального подразделения БТИ (этому критерию не отвечает около 20% объявлений),

При подобной многоступенчатой фильтрации удастся получить большой массив информации с высоким уровнем достоверности. Около 45% объявлений удаляются, как не соответствующие критериям достоверности. Дополнительно осуществляется корректировка выборки (так как базы объявлений всегда смещены в сторону увеличения доли менее ликвидных объектов, а в базах сделок, напротив, преобладают более ликвидные), чтобы она соответствовала той структуре жилого фонда, которая существует в каждой из частей города.

При расчете стоимости квадратного метра в конкретном жилом доме последовательно используются несколько массивов данных:

- актуальные объявления из этого дома,
- архивные объявления из конкретного дома, с ценой, приведенной к текущему моменту через коэффициент дисконтирования,
- актуальные и архивные объявления из домов-аналогов (идентичных по своим качественным характеристикам (материалу стен, серии, этажности) и расположенных в том же «субрайоне»).

Это позволяет рассчитывать оценочную стоимость каждого объекта жилой недвижимости, опираясь не на 10–15 объектов-аналогов из актуальных объявлений, а на сотни записей, имеющих высокую степень достоверности. Модель является динамически обновляемой, добавление новых актуальных данных позволяет в автоматическом режиме осуществить перерасчет для всех ее элементов, одновременно повышая ее точность. Она позволяет получать данные по уровню цен по любому территориальному и временному срезу (как на настоящее время, так и в ретроспективе). Представляется, что результаты выше описанной методики могут иметь значимое практическое применение в следующих сферах:

- для принятия управленческих решений в сфере девелопмента (как для локальных задач по анализу достижимого уровня цен для конкретных зданий и участков, так и по более высокоуровневым целям, связанным с моделированием эффективности крупных градостроительных решений);
- для увеличения точности фискального регулирования (в контексте планируемого перевода расчета налога на недвижимость исходя из рыночной стоимости квартир);
- для использования в IT-сфере (в части интеграции в Интернет-сайты и приложения).

Текущий вариант расчетной модели включает в себя следующие ограничения:

- выполнен расчет оценочной стоимости для 29 тыс. многоквартирных жилых домов Москвы (т.е. для 97% от всего перечня);
- рассматривались только дома, сданные в эксплуатацию до 2011 г. (для исключения сложной специфики ценообразования, сложившейся на рынке новостроек);
- не учитывалась территория Новой Москвы, Зеленоград, а также ряд муниципальных районов столицы с низкокплотной застройкой (Внуково, Молжаниновский, Восточный).

Результаты расчетов по описанной модели приведены на рис. 1.

Одним из отличий московского рынка жилой недвижимости является существенная разница между медианным значением цены квадратного метра (на май 2014 г. оно составляет

174,2 тыс. руб.) со средним (189,3 тыс. руб.) и средневзвешенным (184,5 тыс. руб.) значениями. Данные расчеты приведены для множества «дома», но и при анализе данных по территориальным ячейкам эта закономерность сохраняется, что является одним из признаков отсутствия единого ценового пространства на московском рынке недвижимости. График распределения стоимости квадратного метра (см. рис. 2) существенно отличается от рисунка, характерного для других городов и близкого к нормальному распределению. В ценовом диапазоне 260–290 тыс. руб./м² отмечается локальный минимум (именно на этом ценовом уровне находится предел для типовой советской застройки), а в 340–380 тыс. руб./м² – локальный максимум (он соответствует основному диапазону для домов бизнес-класса). Этот же график является иллюстрацией различных вариантов определения уровня ценовых различий между районами, используемых разными исследователями. С одной стороны, самый дорогой (Арбат) и самый дешевый (Капотня) муниципалитеты Москвы отличаются по цене квадратного метра более чем в 5 раз (аналогичное отношение для цены квартиры приведет к констатации 8-кратных различий). Одновременно, разброс цен для основного массива квартир отличается по ценам квадратного метра всего в 2,38 раза, что нельзя считать критически высоким значением для такого крупного города как Москва.

Территориальные закономерности распределения цен на всем протяжении существования свободного рынка жилья Москвы менялись достаточно слабо. Ярко выраженный максимум в центре города продолжается по сложившимся еще в советское время осям престижности (вдоль Ленинского, Ленинградского и Кутузовского проспектов). Высокая плотность освоения территории в пределах МКАД усложнила появление новых престижных локаций. К немногочисленным примерам последних можно отнести кварталы в районе парков «Покровское-Стрешнево», «Москворецкий», «Долина Сетунь», застройку неосвоенных земель вдоль Мичуринского проспекта и улицы Удальцова, а также рост цен вокруг штаб-квартиры «Газпрома» на юго-западе столицы (который был сформирован не только за счет новостроек, но и из-за увеличения привлекательности квартир на вторичном рынке). На ценообразование на московском рынке слабо влия-

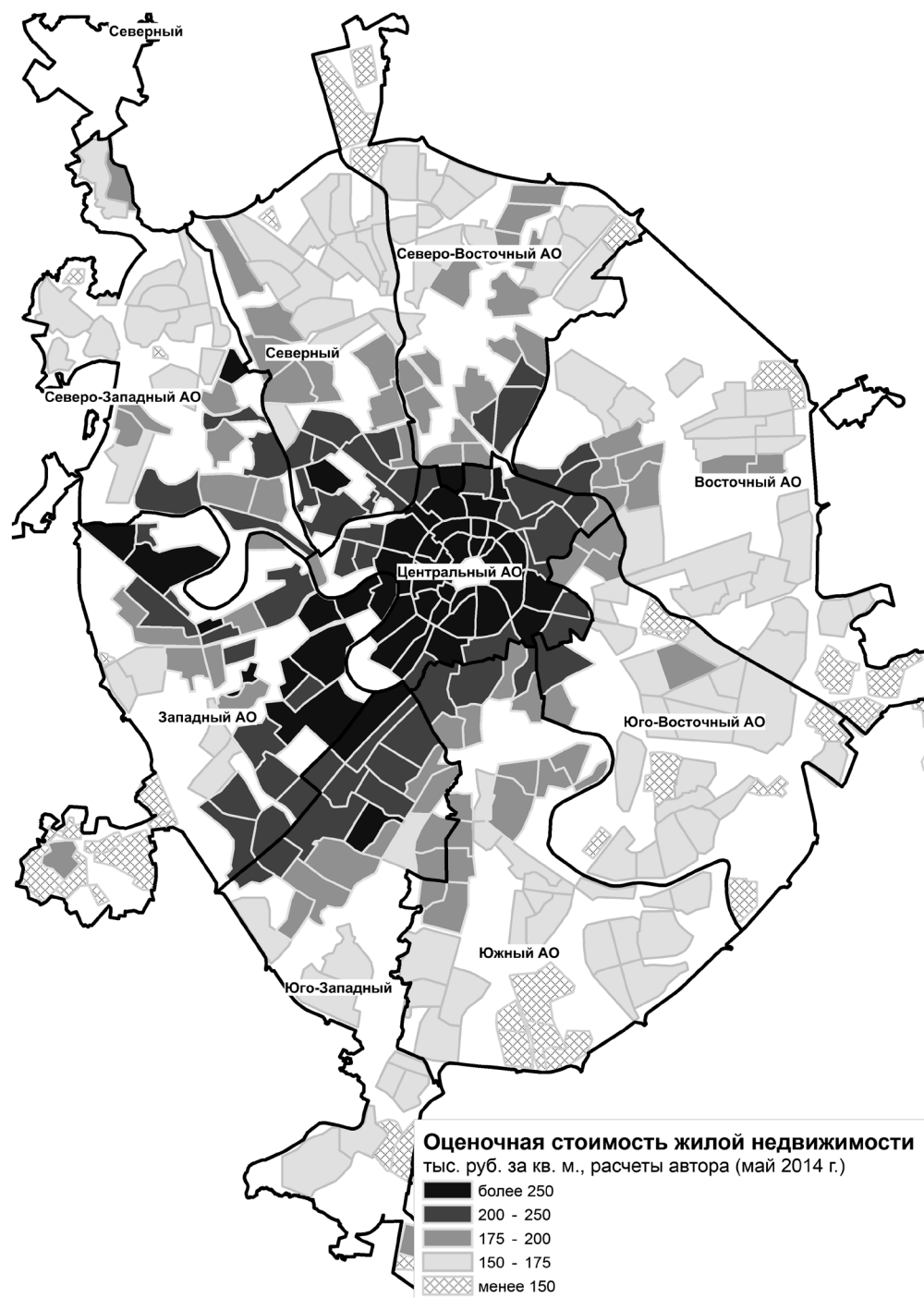

Рис. 1. Дифференциация стоимости квадратного метра по субрайонам Москвы, 2014 г.

ют локальные факторы (близость к паркам, скверам или, напротив, крупным магистралям, железным дорогам, рынкам), основные ценовые переходы отмечаются на уровне групп районов и секторов.

В последние годы внутригородская неоднородность цен в Москве имеет устойчивый тренд к снижению. Значение коэффициента вариации по множеству «дома» для оценочной стоимости квадратного метра с 2010

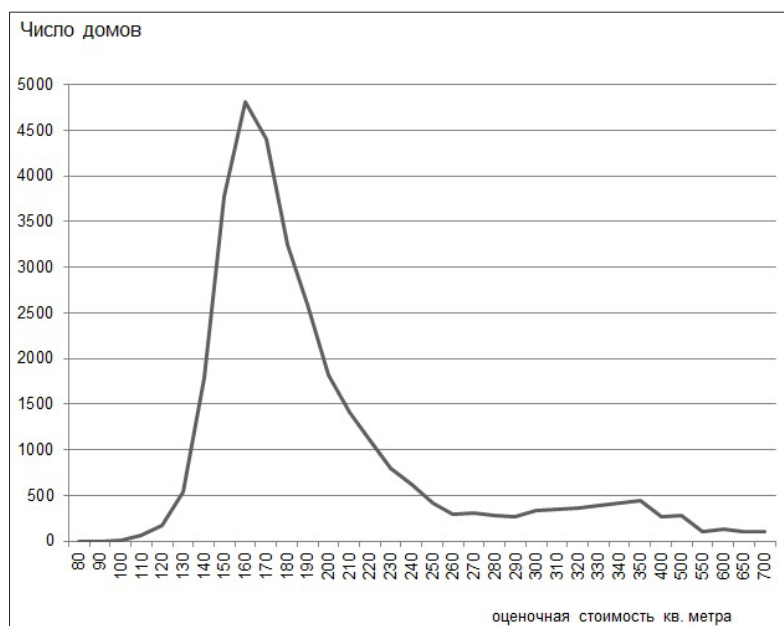

Рис. 2. Распределение жилых домов Москвы по оценочной стоимости квадратного метра
Данные на 2014 г. Расчеты автора.

по 2014 г. снизилось с 37,8 до 35,4%, а для средней цены квартиры с 44,0 до 41,2%. До этого подобная тенденция отмечалась в 2004–2006 гг. и была связана с началом массового сноса «хрущевок» [3]. Сейчас же ценовое выравнивание стало следствием реализации проектов по развитию транспортной инфраструктуры на окраинах города (были построены станции метро в Митино, Строгино, Жулебино, Новокосино, Братеево), а также некоторым снижением привлекательности центра Москвы у покупателей.

Применение модели массовой оценки для анализа факторов ценообразования. Определение роли каждого из ценообразующих факторов является одной из ключевых задач, стоящих перед исследователями рынка недвижимости. Это направление хорошо проработано в отечественной практике в части, связанной с особенностями самого объекта недвижимости (метраж, этажность, юридические обременения) или с более высокоуровневыми задачами, связанными с оценкой вклада общеэкономических факторов (доходы населения, ввод жилья) на уровень цен в регионе [7]. При этом факторам ценообразования, связанным с учетом особенностей местоположения объектов, уделяется меньшее внимание. Как правило, используется лишь

2–3 индикатора, которые можно легко получить непосредственно из баз данных (расстояние до станции метро, до центра города или его внешней границы) [1]. Использование подробных данных по формализованной оценке качества городской среды для каждого жилого квартала Москвы в значительной степени решает эту проблему.

Для проведения регрессионного анализа было сформировано 3 массива данных.

В качестве зависимой переменной Y в модели рассмотрена оценочная стоимость для всех многоэтажных жилых домов Москвы (по описанной выше методике).

Информация о качественных характеристиках домов использована в модели как независимая переменная X_1 . Для ее получения были систематизированы данные базы БТИ. Учитывались как характеристики самих строений (этажность, высота потолков, процент износа, особенности придомовой территории), так и интегральные данные по качеству планировочных решений в квартирах (соотношение общей и жилой площади, число санузлов, наличие балконов).

Данные по оценке качества городской среды использованы в модели как независимые переменные X_2 – X_6 . Комплексный показатель (рис. 3) рассчитывался по 5 группам факторов (положение в транспортной

системе, количественно-качественный анализ объектов торговой и социальной инфраструктуры, анализ экологической ситуации, положение относительно объектов негативного и позитивного соседства) [6].

Для увеличения точности интерпретации результатов модели, отражающей влияние различных факторов на ценообразование, необходимо обосновать выбор территориальной сетки ячеек и анализируемого параметра (зависимой переменной Y). В качестве последнего может выступать либо средняя цена квадратного метра, либо средняя цена типовой квартиры.

В российской практике подавляющее большинство исследований использует относительный показатель (в отличие от США и Западной Европы, где индикатором среднего уровня цены, как правило, является оценочная стоимость «типичного дома/квартиры с 2 спальнями»). Использование цены квадратного метра несколько снижает возможности интерпретации результатов исследований (так как в реальности покупаются и продаются не квадратные метры, а квартиры), но лучше соответствует специфике жилого фонда постсоветских городов.

В качестве ячейки в большинстве экономико-географических исследований, посвященных рынку недвижимости Москвы, используют официальную сетку АТД (административные округа и, несколько чаще, муниципальные районы), реже рассматривается деление города на зоны обслуживания станций метрополитена. Данные варианты предусматривают проведение анализа по ячейкам с большой площадью и средней численностью населения около 100 тыс. жителей, что приводит к тому, что выявляются территориальные закономерности по массиву данных, каждый из которых сам, в свою очередь, обладает значимой внутренней неоднородностью. Это подтверждается расчетами коэффициента вариации для цены квартиры и цены квадратного метра для различных вариантов ячеек. Для муниципальных районов он составляет 18,5%, то есть средний уровень внутренней дифференциации цен в муниципалитетах Москвы слишком велик для выбора данной сетки как подходящей для детального исследования факторов ценообразования.

Таким образом, в качестве оптимального сочетания анализируемого параметра (зави-

симой переменной для регрессионной модели) и ячейки для исследования выбрано построение модели для сетки субрайонов (муниципальных районов Москвы, разделенных на 2–5 частей) для оценочной стоимости квадратного метра. Переход на уровень «групп домов», хотя и даст чуть более корректные результаты, но объективно сложнее в их интерпретации и картографировании.

Применение регрессионного анализа демонстрирует различный вклад параметров качества городской среды и конструктива дома для различных территориальных срезов. Роль субъективных (не описываемых математически) факторов остается достаточно высокой (по всему массиву домов – около 25%). К ним можно отнести группу факторов, связанных с такими характеристиками районов как образ территорий и её престижность, особенности социального состава. С удалением от центра города роль объективных факторов в ценообразовании также снижается, правда, в качестве неформализуемого параметра для территорий за МКАД начинает выступать сама внешняя граница города и определяемый ей статус жителя Москвы.

Сопоставление отношения стоимости квадратного метра к медианному значению по городу к аналогичному показателю, рассчитанному для качества городской среды, позволяет получить распределение переоцененных и недооцененных городских территорий (рис. 4). Оно наглядно демонстрирует ряд трендов, сложившихся в градостроительном развитии столицы за последние 5–7 лет.

К переоцененным районам относятся не только центр и территории с высокой концентрацией новостроек бизнес-класса (на западе, юго-западе и северо-западе города), но и районы позднесоветского освоения вдоль внешней стороны МКАД, а также все территории за ее пределами. Они не выделяются по качеству городской среды, их социальный состав зачастую наследует историю их развития как места расселения работников предприятий, привлекавшихся в столицу по лимиту. Их переоцененность наглядно иллюстрирует барьерную роль границы двух субъектов Федерации. В пограничных с московскими районами Московской области, обладающих сходными характеристиками городской среды, цены значительно ниже (в среднем, на 20–25%), то есть «приходят»

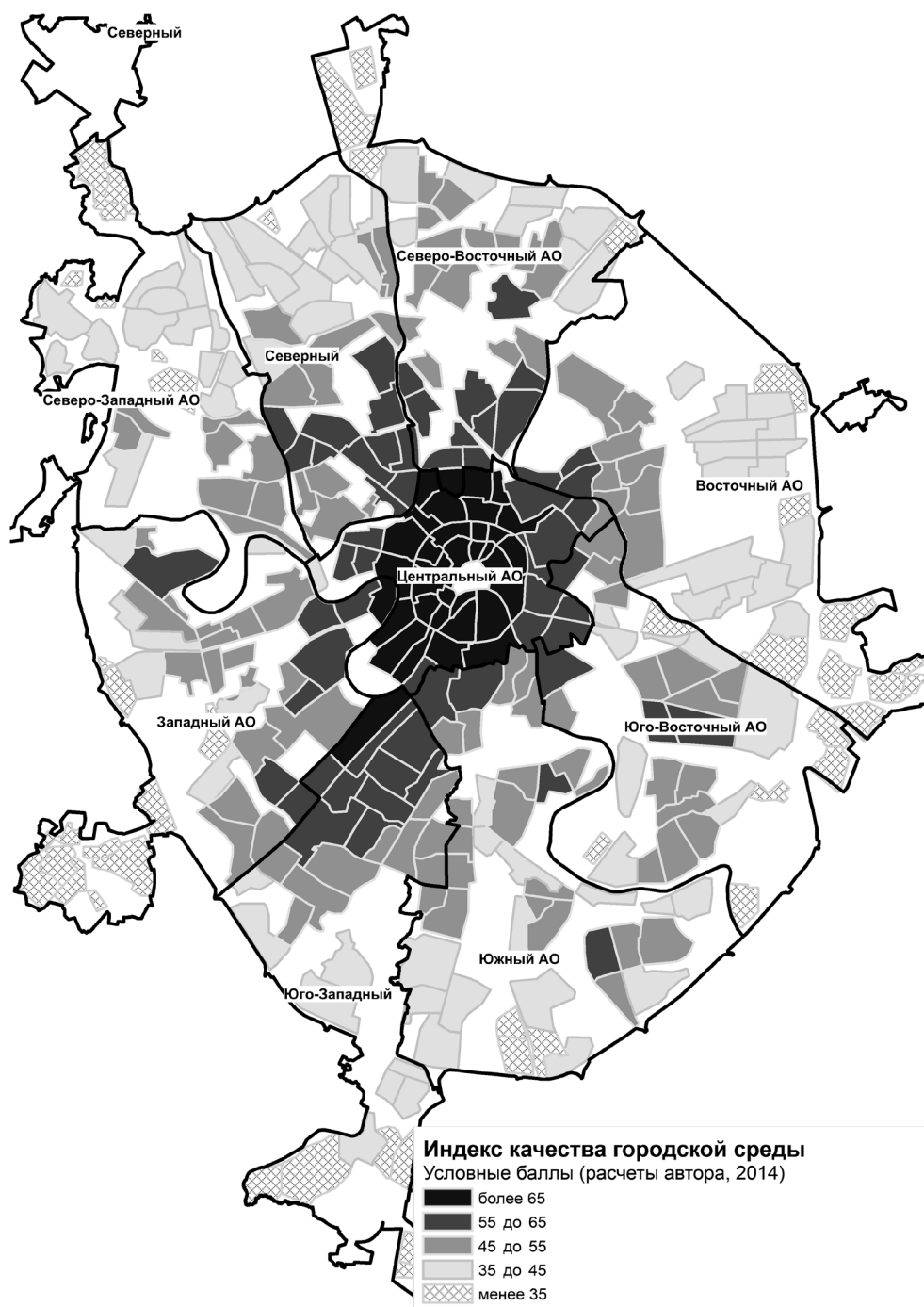

Рис. 3. Значения индекса качества городской среды по субрайонам Москвы, 2014 г.

в соответствие с объективными характеристиками местоположения. Принадлежность же района к Москве, связанная для покупателей с привилегиями московской регистрации и столичного статуса, автоматически завышает уровень цен. Описываемый ценовой

разрыв характерен только для рынка продажи. Стоимость аренды квартир в сопоставимых районах по разные стороны границы отличается намного меньше (на 5–7%).

Недооцененными оказывается большинство районов срединного пояса (кроме за-

Таблица 1

*Неоднородность распределения цен на жилье
для различных территориальных ячеек Москвы*

Территориальная ячейка	Число ячеек	Среднее значение коэффициента вариации для цены м ²	Среднее значение коэффициента вариации для цены квартиры
Административные округа	9	120,3%	62,7%
Муниципальные районы	122	18,5%	41,2%
Субрайоны (части муниципальных районов)	403	8,8%	20,1%
Зоны обслуживания станций метро	129	16,6%	44,2%
Группы домов (дворы)	7312	4,0%	4,2%

Составлено по расчетам автора.

Таблица 2

*Значимость выделенных групп факторов в ценообразовании на рынке жилой недвижимости
Москвы (коэффициенты детерминации r^2 в регрессионной модели)*

	Все дома Москвы	Дома вне исторического центра	Дома внутри исторического центра	Все дома, кроме элитных жилых комплексов	Все дома в районах, расположенных за МКАД
Качество жилого фонда	0,57	0,64	0,72	0,57	0,13
Качество городской среды	0,60	0,68	0,74	0,66	0,44
Компоненты качества городской среды					
Транспорт	0,57	0,62	0,35	0,53	0,61
Торговая и социальная инфраструктура	0,39	0,41	0,53	0,49	0,35
Экологическая ситуация	0,03	0,04	0,02	0,03	0,02
Объекты негативного соседства	0,16	0,20	0,04	0,22	0,02
Объекты положительного соседства	0,31	0,21	0,52	0,37	0,16
Качество жилого фонда + качество городской среды	0,75	0,73	0,82	0,73	0,62

Составлено по расчетам автора.

падной части), которые окаймляют исторический центр города с севера, востока и юга, образуя почти правильное кольцо. В настоящее время они представляют наибольший интерес для застройщиков. Здесь находятся крупные промышленные и коммунальные зоны, кварталы ветхого жилья 1920–1930-х гг. постройки, то есть территории, которые могут быть подвергнуты активному реновационному развитию и где в ближайшие 5–7 лет будет сосредоточена основная строительная активность. Новая управленческая команда решила отойти от практики 2000-х гг., когда основные объемы коммерческого жилищного строительства были сосредоточены в традиционных престижных направлениях столицы (в западных секторах), где активно шла точечная застройка и строительство по границам особо охраняемых природных

территорий. Реализация масштабных проектов по застройке территорий заводов ЗИЛ, «Серп и молот», старой территории АЗЛК, Карачаровского механического завода, части промзоны «Калошино» может привести к выравниванию секторальных различий, усилившихся за первые 2 десятилетия функционирования свободного рынка жилья. Также эти проекты могут «уравновесить» юго-западный вектор развития города, связанный с присоединением и активным освоением земель Новой Москвы.

Выводы. Недостаток качественных информационных ресурсов, баз данных надлежащей детальности и достоверности является существенным ограничением, стоящим перед специалистами, занимающимися проблематикой неоднородности городского пространства. Классические сценарии изучения

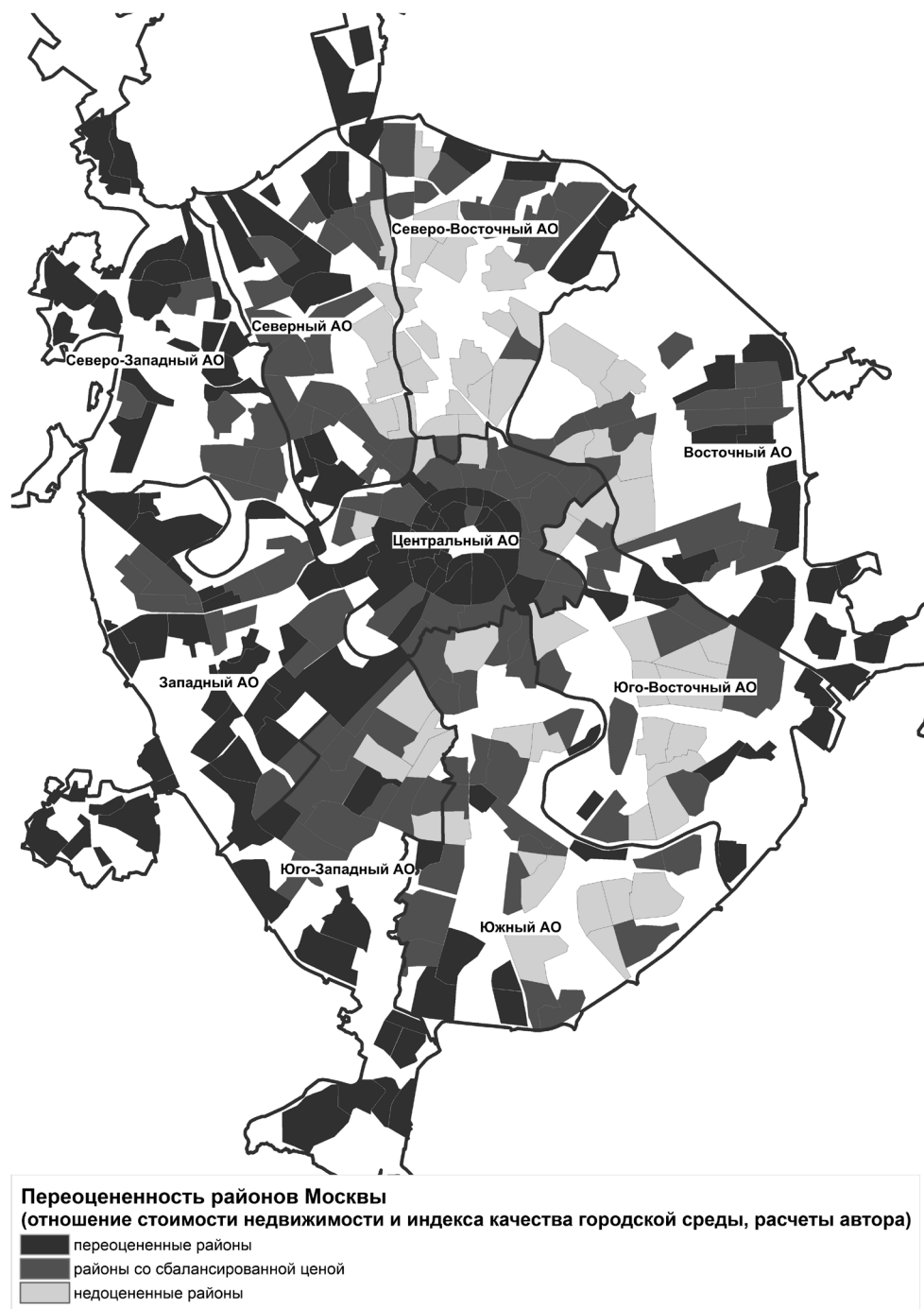

Рис. 4. Переоцененные и недооценённые территории (анализ по субрайонам Москвы), 2014 г.

рынков недвижимости (анализ временных рядов, корреляционно-регрессионное моделирование) могут быть существенно обогащены применением специфических географических методов исследования (полимасштабного анализа, использования раз-

личных вариантов районирования). Увеличение открытости информации, реализация приемов по ее систематизации и обработке является важной задачей, стоящей перед микрогеографическими исследованиями на современном этапе.

Расчет стоимости квадратного метра жилой недвижимости с использованием технологии массовой оценки позволяет получить данные для дальнейшего анализа с наиболее высоким уровнем достоверности и детализации (вплоть до дома). В представленном исследовании классическая модель массовой оценки была адаптирована к российской практике через введение корректировок на данные БТИ по структуре жилого фонда и уточненное районирование города.

Особенности Московского столичного региона в масштабах страны («рентная экономика», высокая ментальная ценность статуса столичного жителя, привлекательность для внешних миграций) приводят к искажению классических моделей функционирования рынка жилья. В частности, в столице отсутствует единое ценовое пространство. Отмечаются заметные искажения от нормального распределения в стоимости квадратного метра между отдельными сегментами (эконом-классом и бизнес-классом) и между частями агломерации (к примеру, переход границы «Москва — Московская область» приводит к скачкообразному изменению стоимости квадратного метра на 20–25%).

Регрессионный анализ учета факторов ценообразования на рынке жилой недвижимости Москвы иллюстрирует высокий

уровень зависимости от набора объективных составляющих (качественных характеристик местоположения и жилого фонда); их «вклад» составляет 75% (в среднем по городу). Территориальная дифференциация стоимости квадратного метра на протяжении 20 лет функционирования открытого рынка жилья менялась достаточно слабо. Внутригородское распределение цен, во многом, наследует представления о престижности и качестве городской среды районов, оставшиеся с советских времён. Роль локальных факторов в ценообразовании (положение относительно объектов негативного и позитивного соседства, видовые характеристики) остается слабой.

Сопоставление нормированных значений оценочной стоимости квадратного метра и индекса качества городской среды позволяет определить переоцененные и недооцененные районы города. Изменение вектора градостроительной политики, произошедшее в 2010–2014 гг. (переход от точечной застройки и строительства по границам зеленых зон в традиционно престижных районах к редевелопменту крупных промзон восточных секторов столицы), в среднесрочной перспективе может привести к выравниванию существующих различий в уровне цен между секторами.

Библиографический список

1. Евстафьев А.И., Максимов Д.В. Анализ организации жилищной застройки и рынка жилья города на основе пространственно-параметрического моделирования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. — 2010. — № 5. — С. 112–118.
2. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Рынок жилищного строительства в России: современное состояние и перспективы развития // Вопросы экономики. — 2013. — № 3. — С. 62–70.
3. Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. — 2006. — № 3 (9). — С. 28–42.
4. Махрова А.Г. Рынок жилья и расселение в Московском регионе // Демоскоп Weekly. 2006. № 247–248. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0247/tema01.php>.
5. Пилипчак Ю.В. Особенности проведения массовой оценки недвижимости в Москве: теория и практика // Социально-экономические явления и процессы. — 2012. — №12. — С. 256–259.
6. Попов А.А. Территориальная дифференциация качества городской среды в Москве // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. — 2007. — № 4. — С. 29–36.
7. Родионова Н.В. Специфика ценообразования на рынке жилья и факторы, влияющие на цену недвижимости // Аудит и финансовый анализ. — 2009. — № 2. — С. 32–38.
8. Стерник С.Г. Развитие оценки недвижимости сравнительным подходом на основе методологии дискретного пространственно-параметрического анализа и моделирования рынка // Аудит и финансовый анализ. — 2009. — № 5. — С. 42–47.
9. Case K., Shiller R. Prices of Single-Family Homes: New Indexes for Four Cities // New England Economic Review. — 1987. — № 8–9. — P. 46–56.
10. Mitropoulos A. Criteria for Automated Valuation Models in the UK // United Kingdom Criteria Report. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rightmove.co.uk/ps/pdf/ds/Fitch.pdf>.
11. Портал услуг Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Росреестр. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://portal.rosreestr.ru/wps/portal/!ut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gTZwNPL8tgY5MwIwM3A88Alwv4FAPi3cjY_2CbEdFAO5-2_s!/ (Дата обращения 20.05.2014).

ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Алексеев А.И. (Москва)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

Alekseev A.I.

MAN AND NATURE IN THE PROCESS OF NON-CHERNOZEM ZONE RURAL AREAS DEVELOPMENT

Аннотация. Прослежена эволюция взглядов автора на факторы развития сельской местности Нечерноземной зоны России в контексте общих тенденций развития общественной географии в СССР. Рассмотрены такие объяснения «отставания» этой территории как специфика природных условий, обеспеченность трудовыми ресурсами и особенности расселения, качество населения. Сделан вывод о решающем значении качества населения.

Annotation. This paper traces the evolution of the author's views on the factors of rural development of Russian Non-chernozem zone in the context of general trends of human geography in USSR. Considered such explanations of «lagging» of this territory as natural conditions, the availability of human resources and characteristics of settlement, quality of population. In conclusion was pointed out the crucial importance of quality of population.

Ключевые слова: сельская местность, природные условия, население, Нечерноземная зона.

Keywords: rural areas, natural conditions, population, Non-chernozem zone.

Введение. Большинство научных статей пишется в соответствии с тем пониманием существа явлений, которое у автора имеется в момент ее написания, даже в том случае, если это понимание менялось по мере проведения исследования. В то же время история науки говорит нам о том, что *ошибки* в трактовке явлений важны как сами по себе, так и как демонстрация прихотливости научного поиска, отсутствия ровных и прямых путей в науке. Поэтому мне показалось интересным вспомнить *мой собственный путь к пониманию* процессов развития сельской местности Нечерноземья: как менялась постановка задачи, представление о факторах развития, о главных проблемах, и вообще понимание того, что происходит на этой территории. (При этом, конечно, у меня нет никакой уверенности в том, что сейчас я пришел наконец к правильному и полному пониманию этой проблемы, и имею полное и не-

противоречивое представление о ней – наверно, такое даже вряд ли возможно).

История вопроса. Когда я был аспирантом и изучал сельское расселение Центральной России, я очень мало обращал внимание на сельское хозяйство этой территории (а тогда, в 1970-х гг., аграрные функции были еще главными в сельской местности). Сейчас мне даже трудно объяснить, как это могло быть. Мне казалось, что есть масса собственно «расселенческих» вопросов для изучения: людность поселений, «рисунки расселения» (и методы его изучения вроде потенциала поля расселения), функции поселений, связи между ними, системы расселения и т.д. А сельское хозяйство просто «предоставляет рабочие места» для жителей сельских поселений.

Интересно, что в это же время развивались, помимо «классической» географии сельского хозяйства, и такие новые для со-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №13–06–00895.

ветской географии направления как рекреационная география, демогеография (изучение демографической ситуации – и само это понятие появляется только тогда), география сферы обслуживания сельского населения, – и все это практически без всяких связей с «научными соседями» (за исключением географии обслуживания, которую невозможно было развивать без географии расселения). Представление о том, что все эти направления должны тесно взаимодействовать между собой, имея общий объект, стало появляться лишь в самом конце 1970-х гг. И я был очень горд собой, когда в тезисах совещания по географии населения в Тбилиси (1979 г.) написал: «Давно уже осуществляемое выделение производственных типов сельскохозяйственных предприятий, типов расселения, демографической обстановки и природных районов требует следующего шага – разработки типологии сельской местности» [1]. Мне казалось, что я сказал «новое слово».

Но это оказалось не так!

После одного из заседаний в Московском филиале Географического общества (в конце 1970-х гг.), где очередной раз присутствующие призывали друг друга объединяться в изучении сельской местности, Андрей Николаевич Ракитников сказал: «Но ведь это далеко не ново, все это уже было!». Я тогда попросил его назвать такие работы, и спустя некоторое время получил список из десятка работ 1910–1920-х гг. Помню, что там была книга Н.И. Вавилова «Земледельческий Афганистан» [4], книга В.П. Христиановича «Горная Ингушетия» [16], работы о печорском скотоводстве и др. Посмотрев часть из них, я взволнованный пришел к Ракитникову с вопросом: почему же 50–70 лет назад и писали, и понимали проблемы села гораздо лучше, чем мы сейчас, «во всеоружии передовой науки»? Плохо зная тогда отечественную историю, я предположил, что может быть, дело в том, что мы стали более узко специализированными, менее «комплексными» исследователями? Ракитников посмотрел на меня с сожалением и сказал: «**Так ведь была уничтожена наука!**» Тогда для меня, наверно, впервые приоткрылась та катастрофа, что постигла отечественную науку в первые десятилетия советской власти.

«**Антропоцид**». Несколько позже мне довелось составлять проект «хрестоматии

по географии населения» (увы, не сделанной до сих пор), и я пролистал все номера журнала «География в школе». И снова было удивление: многие казавшиеся актуальными в 1970-х гг. вопросы уже обсуждались тридцать лет назад!

Известно, что возрождение отечественной географии населения (после уничтожения в конце 1920-х гг. антропогеографии как «буржуазной лженауки») началось во второй половине 1940-х гг. – и вначале с относительно простых вещей, с тематики, наиболее обеспеченной статистикой (размещение населения и расселение). Но в работах Р.М. Кабо [8] и Ю.Г. Саушкина звучали призывы к гораздо более широким подходам, включая образ жизни населения, его нравы и обычаи. Более того, были созданы и некоторые образцы таких работ – например? «Географические очерки» Ю.Г. Саушкина [14], его прекрасные «экономико-географические этюды» в журнале «География в школе» в конце 1940-х гг. [13 и др.].

Дух этого журнала в то время (когда его возглавлял Ю.Г. Саушкин) хорошо иллюстрирует статья А.Е. Ферсмана (1946), где звучит настоящий гимн географии: «такая наука не может преподаваться сухо! Она должна быть связана с восприятием многоликой природы. Она должна дать почувствовать богатства природы и человеческого духа, должна показать, как влияет эта природа на быт, характер и жизнь человека. И мне кажется, что поэтому хорошими географами могут быть только те, кто горячо переживает впечатления окружающей жизни, кто, подобно поэту и писателю, воспринимает глубоко окружающий мир, воспринимает его не только в отдельных конкретных фактах, но обобщает его, проникая в самые глубины, давая образ и картину, а не точную и неверную однотонную фотографию» [15].

Почему же все призывы оказались тщетны? Как минимум можно выделить три причины. Первая: мягко говоря, неразвитость, а вернее – практически полное отсутствие гуманитарных наук в нашей стране. Социологии практически не было в СССР до конца 1960-х гг., и «интегрироваться» географии было не с чем. Вторая причина – общая атмосфера в стране, совершенно не поощряющая изучение **различий** в жизни населения. И наконец, мне кажется, практически **некому было откликаться на призывы:**

старшее поколение (те, кто не уехал или не был репрессирован, или не ушел из науки) уходило, а на смену приходили совершенно другие люди, для которых, наверно, само выражение «богатства человеческого духа» было уже непонятно... В своих воспоминаниях «Моя жизнь в экономической географии», изданных только в 2001 г., Н.Н. Баранский очень резко сказал об этом (применительно к концу 1940-х – началу 1950-х гг.): «Географический факультет шел вниз: люди типа Берга, Борзова, Витвера уходили к праотцам, а на их место приходили очень узкие специалисты низкого уровня» [3].

Здесь к месту вспомнить мнение О.И. Генисаретского. Интервьюер задал ему вопрос, как он относится к мнению Мераба Мамардашвили о том, что «в России произошла самая страшная из катастроф – антропологическая». Ответ был такой: «за три поколения было стерто очень много. ... Сужение диапазона видимых человеческих возможностей, «невывыживание», игра на понижение – это все и привело в конце концов к краху великой страны. О системе ведь можно судить по тому, какой человек в ней воспроизводится. Так что, может быть, Мераб Константинович и прав. Во всяком случае, произошел своего рода антропоцид – человекоубиение. ... Кроме того, мы слишком долго жили светом потухших звезд, проживали еще дореволюционный культурный ресурс. Были научные школы, люди, которые учились еще у тех, кто учился у тех. Но такой потенциал растрачивается очень быстро» (Российская газета. 2004. 5 февраля).

Еще более резкую оценку советского периода недавно дал историк Андрей Зубов [6]. Он считает, что дореволюционная Российская империя была вполне европейским государством, но пришедшие к власти большевики уничтожили европейскую культурную элиту и противопоставили СССР всему остальному миру, результатом чего был «приобретенный культурный примитивизм».

Применительно к нашей теме это было выражено прежде всего в «уничтожении кулачества как класса», и в целом – удалением из сельской местности самых умелых и активных хозяев.

Главное – мелиорация! В 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейше-

му развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Там говорилось, что «*мелиорация земель является основным звеном* долговременной программы ускоренного развития сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне РСФСР». Обоснование было такое: главные причины «недостаточно эффективного развития» сельского хозяйства здесь – это характер природных условий, определяющих низкое плодородие почв, их мелкоконтурность, заболоченность и т.д., а также мелкоселенный характер расселения, не позволяющий обеспечить все населенные пункты необходимыми услугами. Поэтому одной из задач считалось «преобразование сел и деревень в благоустроенные поселки совхозов и колхозов, осуществление строительства сельскохозяйственных производственных объектов в комплексе с современными жилыми домами и объектами культурно-бытового назначения, завершение к 1990 г. сселения жителей из мелких населенных пунктов в крупные поселки» [9].

В справке Минсельхоза (написанной при подготовке постановления) говорилось и о том, что «хотя животноводство в этой зоне является ведущей отраслью, поголовье общественного скота во многих колхозах и совхозах разбросано по мелким фермам и слабо механизировано. На одну ферму в среднем приходится только 110 коров, 554 свиньи и 456 овец. На начало 1973 г. в совхозах этой зоны около половины крупного рогатого скота, свиней и две трети овец содержались в приспособленных помещениях» [17].

Я помню, как для выяснения перспектив сельских поселений Боровского района Калужской области (который был моим «ключом» в кандидатской диссертации), в 1973–1974 гг. я опрашивал местное начальство, какие именно фермы находятся в каждом поселении: « типовые » (с полной механизацией) или старые « нетиповые ». Тогда считалось очевидным, что мелкие молочные фермы (на 50–100 голов) – абсолютно неперспективны, т.к. не могут быть механизированы: ведь промышленность не производит оборудование для таких малых ферм! Да и «возиться» с ними очень неудобно: далеко не ко всем таким фермам есть хорошие дороги, и молоко приходится возить тракторами; в мелких поселениях уже трудно найти доярок и скотников, и т.д. Такой знаток села как

писатель-публицист Иван Васильев в 1973 г пропагандировал опыт Великолукского района (Псковской области), где «еще 6–7 лет назад поняли, что коровники надо строить не меньше, чем на 200 голов, и обязательно в крупных перспективных селах» [5]².

Тогда все это мне казалось естественным: действительно, природные условия подкачали – значит надо их улучшать, преобразовывать: повышать плодородие почв, ликвидировать мелкоконтурность, строить новые механизированные фермы и др.

Эту уверенность в том, что природные условия Нечерноземья «неблагоприятны», во мне поддерживало и стихотворение русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Находясь в августе 1855 г. в городе Рославле Смоленской губернии (по дороге из Петербурга в свое имение Овстуг, ныне в Брянской области) он написал:

*Эти бедные селенья
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.*

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.*

*Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.*

Итак, казалось понятным, что «во всем виновата природа». Но каким должно быть будущее сельского расселения? По поводу «сселения неперспективных деревень» у географов, конечно, были большие сомнения в том, что это необходимо и возможно сделать, тем более за короткий период.

Это подтвердила работа в Вологодской области, которую мы делали по заказу ЦНИЛТР (Центральной научно-исследовательской лаборатории трудовых ресурсов) Госкомтруда РСФСР в 1976–1978 гг. Одной из ее задач было изучение «внутрихозяйственных пере-

селений» – «из малых деревень в крупные поселки» (в то время такой показатель – число переселенных семей – был даже введен в годовые отчеты колхозов!).

Результаты обследования [2] были такими: из примерно 400 совхозов и колхозов области реальное «сселение» проводилось лишь в нескольких. Полностью были сселены малые деревни лишь в одном пригородном колхозе, где центральная усадьба была застроена городскими пятиэтажками. А в других, где на центральных усадьбах строилось жилье для молодежи из мелких деревень, в последних оставались их родители, к которым на лето отправляли детей, т.к. в центре хозяйства, как считали сами жители, уже было слишком шумно и грязно, «как в городе». Таким образом, реального сокращения сети мелких деревень не происходило даже в самых «подвинутых» хозяйствах. А само их население (в значительной части пенсионного возраста) вовсе не хотело переселяться.

Таким образом, очевидно, что сселение – вовсе не метод улучшения ситуации в сельской местности. Довольно скоро от практики «сселения неперспективных деревень» отказались уже и на государственном уровне.

Но в том, что касается «главного звена – мелиорации», государственная политика оставалась прежней. Идея о том, что в принципе можно не столько изменять природу Нечерноземья, сколько приспособиться к ней, была чужда основной части и ученых и чиновников.

Для моего понимания ситуации в Нечерноземье большое значение имели беседы с А.Н. Ракитниковым, с которым посчастливилось встречаться во время экспедиций в Вологодскую область в 1978 г. Стало понятным, что традиционный тип расселения и сельского хозяйства, сложившийся в Присухонье был построен на том, что малые деревни были в своем размещении привязаны к разбросанным вдоль рек сельхозугодьям, в основном пастбищам и сенокосам³. Распространение «сенного типа зимнего кормления» (и вследствие этого – высокого качества молока) было возможным именно благодаря такой дисперсности расселения и землепользования (жители

² Еще более радикальные взгляды были у тогдашних руководителей строительных ведомств: один из них утверждал, что совершенно неоправданно строить коровники по 200–400 голов, а надо – по 1200 или 2400! [10]. Понятно, что для строителей гораздо проще построить одну ферму на 1200 голов, чем 12 ферм по 100 голов. Это был распространенный, особенно в советское время т.н. «ведомственный подход», когда каждое министерство само решало, что ему выгоднее. Очевидно, что если бы деньги выделялись самим крестьянам, то их расходование было бы совсем другим.

³ Для нас сейчас не имеет значения, природного ли происхождения эти угодья или антропогенного.

ли малых деревень успевали за лето заготовить корма на близких к ним сенокосах). Эта взаимосвязь была нарушена в результате двух процессов: резкого роста поголовья скота и одновременно — оттока населения из малых деревень и сокращения их числа. Поэтому пришлось переводить молочные фермы на привозные корма [11, 12]. Интересные выводы о характере «кормящих ландшафтов русского этноса» и о пределах территориальной концентрации животноводства были сделаны учеником и последователем Л.Н. Гумилева К.П. Ивановым [7 и др.].

Главное — люди! К середине 1980-х гг. для меня уже было ясным, что главным в решении проблем Нечерноземья должна быть не мелиорация угодий, а улучшение условий жизни сельского населения, и прежде всего — строительство дорог: без них никакое улучшение обслуживания населения, да и обеспечение выбора мест работы, были невозможны. Без всего этого, в свою очередь, невозможно было сделать сельскую местность привлекательной для проживания молодежи. А главная причина отставания сельского хозяйства Нечерноземья — не природные условия, а нехватка трудовых ресурсов.

Тогда же, в середине 1980-х гг., мое внимание обратили на один из самых ярких «социально-географических образов» в русской литературе — на начало рассказа «Хорь и Калиныч» в «Записках охотника» Ивана Тургенева (1847 г.):

«Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих ракушек, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится

к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большей частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую прохожую свинью...».

Возникает естественный для географа (всегда хотя бы немного «географического детерминиста»!) вопрос: почему жизнь в лесной зоне, на дерново-подзолистых почвах лучше, чем на орловских черноземах (или серых лесных почвах), гораздо более плодородных? Тургенев сам подсказывает ответ: калужский мужик — оброчный, «торгует маслом и дегтем», орловский — ходит на барщину, торговлей не занимается. Говоря современным языком, занятия калужского мужика — не сельскохозяйственные, и это ему приносит больший доход. Значит, не в природных условиях дело?

Собственно, для тех, кто хоть немного знает историю сельской России, очевидно, что Центрально-Черноземный район в XIX — начале XX вв., пожалуй, самый бедный и неразвитый. Если из Нечерноземного Центра крестьяне уходили в «неземледельческий отход» в города, или занимались разного рода промыслами, то из ЦЧР отход был в основном «земледельческий» — на уборку урожая в южные районы Российской империи.

Шесть десятилетий спустя после Тургенева Иван Бунин в повести «Деревня» (1910 г.) вложил в уста своего героя такие слова (сказанные на ярмарке — видимо, в г. Ельце): «Господи боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, — ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе».

Сильное впечатление на меня произвело стихотворение А.К. Толстого — почти земляка Тютчева, написавшего в его адрес полемический ответ:

*Эти бедные деревни,
Эта скудная природа...*

Ф. Тютчев

*Одарив весьма обильно
Нашу землю, царь небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.*

*Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали –
Нам на то благословенья
Царь небесный дал едва ли!*

*Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы
Этим нечего гордиться!*

Для географов интересно, в частности, что два поэта были не согласны друг с другом не только в своем отношении к качествам русского народа, но и в оценке, как мы бы сейчас сказали, *природно-ресурсного потенциала* территории: по Тютчеву природа «бедная», а по Толстому – земля одарена «весьма обильно».

Для меня это было открытием: похоже, что оценка территории в большей степени зависит не от ее «объективных» свойств, а от свойств населения, в том числе от его психологического настроя – либо на «долготерпенье», либо на то, чтобы земля стала «богатою и сильной».

Главное – какие люди. В 1988 г. практика студентов 2 курса нашей кафедры проходила в одном из «глубинных» районов Горьковской области. В том колхозе, что изучали студенты, числилось около 300 работников, его специализацией было молочное скотоводство, а себестоимость молока – около одного рубля за литр (в магазинах этот литр стоил около 30 копеек, разница покрывалась из тогдашнего госбюджета). Так что экономически этот колхоз производил одни убытки. А 80% прибыли колхозу давала лесопильная мастерская, где вахтовым способом работало восемь человек – русских из Адыгей. Эти работники были в шоке от ситуации в колхозе. По их словам, «все пьют постоянно, работать никто не хочет. Одного из молодых трактористов мы попросили: не начинай пить сразу после обеда, помоги нам привезти заготовки из леса. Тот пару дней поработал и отказался – говорит, меня все осудили: что же ты, вместо того, чтобы посидеть как человек с друзьями, погнался за длинным рублем!?»

Возникает вопрос: это что – два разных русских народа? Но кто такие русские из

Адыгей? – это потомки тех же нижегородских (и других) крестьян, что переселились туда за последние полтора века. А русские Горьковской области – потомки тех, кто не переселился. ... Потом уже, когда я рассказывал эту историю сторонникам Л.Н. Гумилева в Ленинграде, для них это было естественно: ведь пассионарность концентрируется на окраинах этнического ареала (а в центре, увы, наоборот...).

В 1990-х гг. мне пришлось еще раз столкнуться с различными подходами к оценке нечерноземной деревни. Обследовав адаптацию приезжих в сельской местности Тверской области, нельзя было не обратить внимание на совершенно разное восприятие этой территории местными жителями и новоселами. Местное население, казалось, было убеждено, что на этой земле успешно хозяйствовать невозможно, и что жизнь в селе лучше не будет, пока государство снова не начнет вкладывать большие деньги. А приезжие (в основном из городов Средней Азии и Казахстана), в свою очередь удивлялись: «Какая богатая страна! Сколько лесов, лугов – хозяйствуй в свое удовольствие! Но никто же не хочет работать, все только пьют...».

Но кто такие эти новоселы – русские из Средней Азии и Казахстана? Это ведь потомки тех же тверских (и смоленских, рязанских и т.д.) крестьян, которые несколько десятилетий назад поехали «поднимать национальные окраины», осваивать целину и т.д. А старожилы – это потомки тех, кто остался, и, как видно, это были далеко не самые активные представители тверских жителей. Надо также учесть и последствия коллективизации, во время которой наиболее активная часть сельского населения либо была репрессирована, либо сама уехала из села в город.

Колхозная система была основана на жестком контроле властей за производственной деятельностью: что и в каком количестве сеять, в какие сроки, и даже на какую глубину – все диктовалось «сверху». И в самом колхозе никакой «самодеятельности» не допускалось. Это было еще одним фактором оттока из сельской местности активного населения. Оставшееся население было приучено работать «по команде»⁴. И когда кол-

⁴ Руководитель самого первого в Московской области сельскохозяйственного кооператива (созданного в конце 1980-х гг.) не принимал на работу тех, кто раньше работал в колхозах, т.к. «они привыкли работать только по приказу, и не умеют принимать самостоятельных решений».

хозы развалились, команды стало отдавать некому, то оказалось, что самим управлять своей жизнью очень трудно, непривычно, и мало кто из селян сумел сам себе найти место в жизни.

Общий вывод: для развития сельской местности главное – не природные условия,

не «обеспеченность трудовыми ресурсами» (количество работников), и даже не обустроенность территории. Главное – качество населения, его жизненный настрой, его активность, умение находить себе место в жизни, уверенность в своих силах. Как это выявить – пока неясно, но именно это – одна из важнейших задач социальной географии.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Сельское расселение и сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР: проблемы изучения взаимосвязей // Территориальное планирование населения: 4-е межведомственное совещание по географии населения, Тбилиси, ноябрь 1979 г. – Ленинград–Тбилиси, 1979. – С. 125–126.
2. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Регент Т.М. Опыт изучения эффективности сселения жителей сельских населенных пунктов в Нечерноземной зоне РСФСР // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1980. – № 1. – С. 97–100.
3. Баранский Н.Н. Моя жизнь в экономической географии. – М., 2001. – 196 с.
4. Вавилов Н.И. Избранные труды в пяти томах. Т. 1. Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 429 с.
5. Васильев И. Конфликт технологии // Сельская новь. – 1973. – № 4. – С. 8–11.
6. Зубов А. Выход из противостояния // Ведомости. – 2014. – 10 июня.
7. Иванов К.П. Эколого-географический подход к изучению сельского населения и сельских хозяйств // Вестн. Ленингр. ун-та. – 1985. – № 7. – С. 73–81.
8. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. – М.: Географгиз, 1947. – С. 5–32.
9. О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. – М.: Политиздат, 1974.
10. Переустройство сельских населенных мест. – М.: Стройиздат, 1969.
11. Ракитников А.Н. География сельского хозяйства. – М.: Мысль, 1970.
12. Ракитников А.Н. Современный этап развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР // Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. – Уфа: Башкирский ун-т, 1985.
13. Саушкин Ю.Г. Край гжельской глины // География в школе. – 1946. – №6. – С. 11–15.
14. Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.: Географгиз, 1947. – 423 с.
15. Ферсман А.Е. Лермонтов и географическая наука // География в школе. – 1946. – № 6. – С. 1–4.
16. Христианович В.П. Горная Ингушетия. – Ростов-на-Дону, 1928.
17. Шевельков А.И. Аграрная политика государства в Нечерноземной зоне РСФСР в документах // Вестник архивиста. – 2011. – № 1. – С. 60–73.

Горячко М.Д. (Москва)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КРУПНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Goryachko M.D.

POTENTIAL OF LARGE-SCALE INVESTMENT PROJECTS IN RUSSIA FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Аннотация. В статье обсуждаются результаты влияния реализации крупных инвестиционных проектов на социально-экономическое развитие регионов и отдельных городов. Отражены результаты исследования оценки влияния подготовки и проведения Олимпийских и Паралимпийских игр на город и регион, в том числе стремительный рост населения в результате появления большого количества рабочих мест и связанных с этим проблемами. Оценено влияние Игр на динамику ВРП региона, на развитие курортно-рекреационного комплекса как важнейшей отрасли экономики города и региона. Сделаны выводы о положительных и отрицательных направлениях влияния Игр. Рассматриваются методические вопросы оценки влияния проектов на региональную социально-экономическую систему.

Abstract. The article discusses the results of the impact of implementation of large-scale investment projects on socio-economic development of regions and selected cities. The article reflects the results of studies assessing the impact of the preparation and the Olympic and Paralympic Games in the city and the region, including rapid population growth as a result of a large number of jobs and related problems. Influence of the Games on the dynamics GRP is estimated, on the development of resort and recreational complex as the most important sector of the economy of the city and the region. Conclusions about the positive and negative directions the impact of the Games are made. Methodological aspects of the evaluation of the impact of projects on the regional socio-economic system are considered.

Ключевые слова: инвестиции, региональное развитие, инвестиционные проекты, инвестиции в инфраструктуру

Key words: investment, regional development, investment projects, investment in infrastructure

Постановка исследовательской задачи.

За последние годы в России был реализован ряд крупных инвестиционных проектов, целесообразность которых широко обсуждается в научной, политической и общественной сферах. Среди них проведение саммита АТЭС-2012 во Владивостоке, фактически изменившее в значительной мере внутригородскую среду и задавшее вектор формирования крупнейшего в регионе учебно-научного комплекса на острове Русский; проект организации Олимпийских и Паралимпийских Игр в Сочи в 2014 г., также изменивший облик города и создавший предпосылки для превращения Сочи во всесезонный курорт. В настоящее время реализуется проект по подготовке и проведению Чемпионата мира по футболу в 2018 г., который также ориентирован на задание новых векторов развития для большой группы городов Европейской части и отдельных регионов Урала. Кроме этого, оцениваются и обсуждаются социально-экономические эффекты от реализации ряда проектов по развитию транспортной инфраструктуры, в том числе строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей.

Объем инвестиционных вложений в такие масштабные проекты постоянно увеличивается. Стоимость проведения Игр в Сочи оценивается в 40 млрд долл., проведение Чемпионата мира по футболу – около 20 млрд долл., строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань – 25–27 млрд долл. По оценкам компании McKinsey (рис. 1), предположительный объем капитальных инвестиций в модернизацию и новое строительство в большинстве отраслей в течение 2011–2020 гг. достигнет 2 трлн долл. [1].

Стоимость значительной части инвестиционных проектов увеличивается на 30–50% в процессе реализации, а их эффективность зачастую вызывает много дискуссий. Тем не менее, потенциал крупных инвестиционных проектов как инструмента формирования полюсов роста и «ускорителей» модернизации российской экономики не теряет свою актуальность. Масштабные инвестиционные проекты рассматриваются как инновации, оказывающие существенное прямое и косвенное воздействие на все составляющие региональных социально-экономиче-

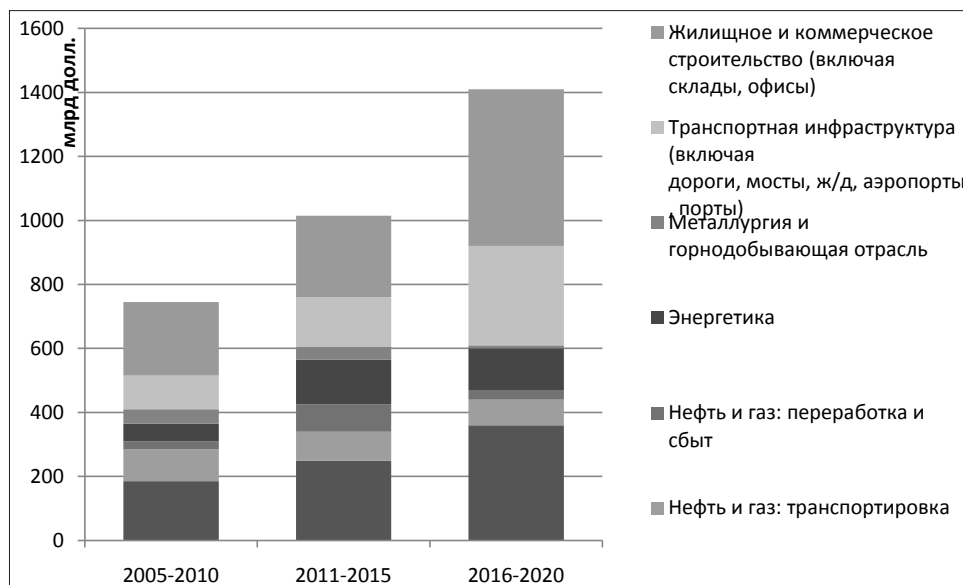

Рис. 1. Капитальные инвестиции по отраслям по крупным проектам, 2005–2020 гг.

Источник: материалы McKinsey, 2013.

ских систем. Однако не всегда реализация крупных проектов оказывает существенное и положительное долгосрочное влияние на социально-экономические показатели, в том числе доходы населения, уровень занятости, экономическую активность и ряд других. Это приводит к необходимости анализа причин, предопределяющих неэффективность проектов, а исследования и обоснование выбора совокупности инвестиционных проектов для реализации в регионе и механизмов эффективного управления ими делают весьма актуальными.

Степень изученности вопроса, обзор исследований по теме. Вопросами влияния инвестиций на социально-экономическое развитие занимаются многие зарубежные и отечественные экономисты. Большая часть исследований посвящена вопросам регулирования инвестиционной деятельности и инвестиционной политике, инвестиционным аспектам воспроизводственных процессов, оценке эффективности и расчета совокупности показателей в целом по проектам и территориям его реализации, анализу инвестиционной активности в регионах России и т.д. К числу таких работ относятся исследования Н.В. Зубаревич, О.В. Кузнецовой, Л.И. Абалкина, А.И. Гладышевского, Д.С. Львова, В.Н. Черковца, Т.С. Хачатурова,

И. В. Гришиной, С. Дробышевского, С. Днепровской, Б.С. Жихаревича, И.И. Ройзмана, Л.П. Совершаевой, А.Г. Шахназарова и др. Исследования, посвященные непосредственно реализации крупных инвестиционных проектов (Р.М. Нуреев, Е. Маркин, А.Н. Швецов, В.Н. Лившиц и др.) также в большинстве своем рассматривают экономические вопросы, в том числе историю и теорию экономических деловых циклов, связанных с реализацией проектов, причины систематической недооценки рисков и переоценки выгод проектов, методические подходы к оценке экономической эффективности их реализации и т.д. В таких исследованиях мало внимания уделяется особенностям территорий и их внутренней неоднородности, потенциалу регионов и городов для успешной реализации проектов и в целом целесообразности инвестиционных вложений в те или иные отрасли хозяйства. Эффективная реализация крупных инвестиционных проектов – это сложная комплексная задача.

Результаты. Масштабная реализация крупных инвестиционных проектов меняет региональную экономику и вносит существенный вклад не только в ускоренный рост темпов социально-экономического развития территории реализации, но и всего региона в целом. Влияние проектов, оказываемое прак-

тически на все сферы жизни городов, районов и в целом регионов, а также по отдельным направлениям для страны носит как прямой, так и косвенный характер. В обобщенном виде реализацию крупных проектов можно представить как процесс развития главной системы, единицами которой являются огромные по масштабам ресурсы, энергия, инвестиции, связанные со всеми сферами социально-экономической системы. Эти три ключевые характеристики являются базисными элементами, которым свойственно как внутрисистемное, так и межсистемное (с окружающей средой или другими системами) взаимодействие.

Реализация большинства крупных инвестиционных проектов рассматривается не только как огромный инвестиционный проект, но и как инновационный, стимулирующий модернизацию во всех сферах общественной жизни и в конечном итоге кардинально улучшающий качество жизни населения. Влияние, оказываемое инновационным проектом, подразделяется на прямое и косвенное. Кроме того, на разных этапах развития системы, то есть на разных этапах реализации проектов, влияние трансформируется во времени и может иметь как

разрушающий, так и созидающий характер. Масштабы и сферы влияния также варьируются во времени в зависимости от этапа реализации проекта. Строго говоря, и пространственно это влияние сильнее всего дифференцировано внутри самого муниципального образования или муниципальных образований, в пределах которых идет реализация проектов.

В общем виде можно выделить отрасли, испытывающие на себе прямое и косвенное воздействие (рис. 2). Конечно, говорить о строго прямом или строго косвенном воздействии некорректно, поэтому отрасли разделяются по преимущественному типу влияния. Так, наиболее сильно вовлеченными являются те, которые связаны с инфраструктурными объектами для проектов. Осуществление проектов воздействует напрямую на все эти отрасли, однако, частичное воздействие происходит и косвенно, в основном по линии промышленности строительных материалов, которая является проводником влияния, с одной стороны, и сферой косвенного влияния проекта, с другой.

В процессе трансформации сопряженных отраслей изменяется не только общая хозяйственная структура территории, но и внутри-территориальное распространение и кон-

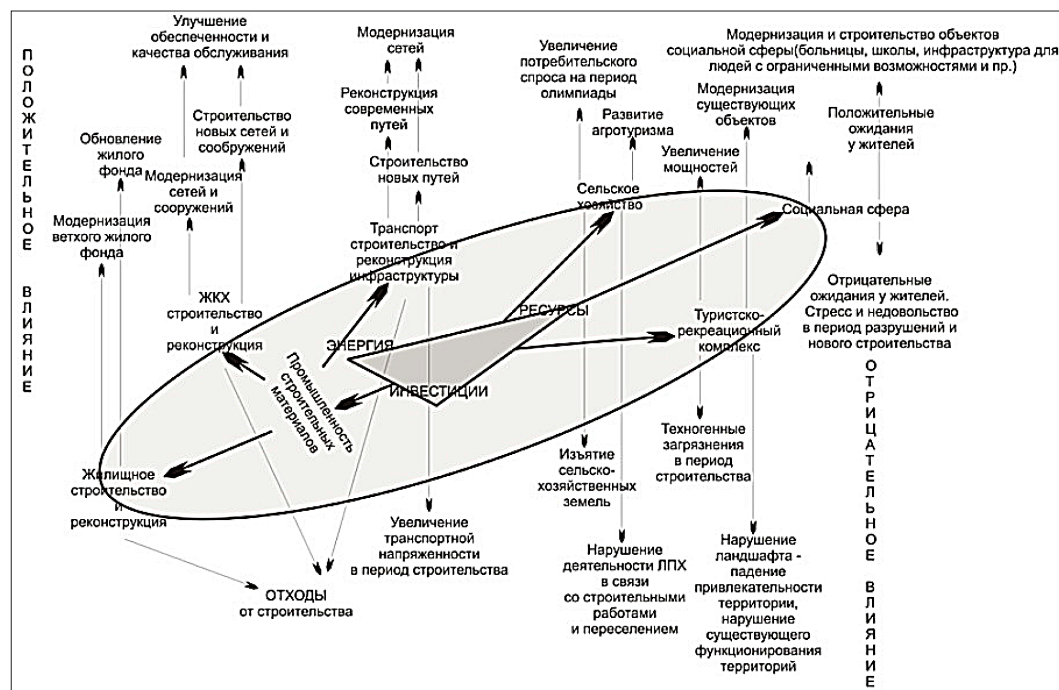

Рис. 2. Схема влияния инвестиционного проекта на различные сферы жизни города (на примере проекта «Сочи-2014»)
Составлено автором.

центрация объектов и явлений. Изменяется функциональная структура территории. Распространение влияния проекта на территорию происходит по принципу диффузии нововведений от центров (полосов роста) к периферии.

Анализ источников и типов воздействия проектов на социально-экономические условия позволяет выделить следующие основные компоненты:

- Общее изменение социально-экономического климата, связанное с реализацией проектов, оживление общественной жизни (появление столь важного для концентрации креативных функций и людей событийного ряда) и как результат улучшение большинства параметров, характеризующих региональную экономику. В рамках эффекта мультипликатора, согласно основным положениям общей теории Кейнса, решающая роль принадлежит инвестициям. Рост инвестиций и связанные с ними инновации будут стимулировать вовлечение в экономическую деятельность дополнительных работников, что ведет к увеличению занятости, валового внутреннего продукта и потребления. Первоначальное увеличение занятости, вызванное новыми инвестициями, обуславливает дополнительный рост занятости, вызванный необходимостью удовлетворения спроса дополнительных работников. Этот коэффициент дополнительного роста занятости Кейнс назвал мультипликатором, который показывает соотношение между ростом инвестиций с одной стороны, и ростом занятости и дохода – с другой.
- Прямое воздействие непосредственно в зоне реализации проекта; косвенное первого порядка, в пределах муниципального образования; косвенное второго порядка в пределах субъекта федерации; косвенное третьего порядка, в пределах Российской Федерации.
- Неоднозначные процессы на рынке труда, связанные с одной стороны с появлением новых рабочих мест, а с другой – с оттоком квалифицированных специалистов из смежных секторов экономики в структуры, связанные с реализацией проекта.
- Развитие и обновление инфраструктурного комплекса, и одновременно разрушение и трансформация природных комплексов и исторически сложившихся территориальных общностей населения.

- Изменение специализации территории реализации проекта, диверсификация функции места и как следствие снижение сезонности и социально-экономических рисков развития.
- Рост доходов населения и одновременно усиление социальной и территориальной дифференциации.
- Возможное обострение различных социальных проблем, по мере того, как наращиваются объемы строительства, и появляется огромное количество временных занятых, а также в связи с ростом социального неравенства в результате повышения доходов у той части населения, которая связана с реализацией проектов.
- Расширение налоговой базы региона реализации проектов и как следствие, появление дополнительных возможностей для финансирования социальных и экономических проектов.
- Появление новых объектов для финансирования из муниципального бюджета и потребность увеличения расходной части бюджета.
- Возможное усиление неравномерности (аритмии) развития в результате прохождения и наложения различных фаз реализации проекта (проектирование, строительство, эксплуатация, ликвидация). Для различных фаз характерны сильно различающиеся потребности в трудовых и материальных ресурсах и, как результат, значительные амплитуды колебаний экономического роста (спада).

Все вышесказанное имеет место быть и при реализации крупных инфраструктурных проектов (рис. 3), где можно выделить прямые и косвенные эффекты. Помимо прямых эффектов, которые получает непосредственно тот или иной вид инфраструктуры, существует целый ряд мультимодальных эффектов, которые реализуются в транспортной системе страны. Значительная часть внешних эффектов от развития транспорта являются мультипликативными по степени воздействия на социально-экономическое развитие страны. Развитие транспортной инфраструктуры дает значительный мультипликативный эффект развития территории: улучшение транспортной доступности – снижение издержек – повышение инвестиционной привлекательности – развитие бизнеса – увеличение налогооблагаемой базы – рост

уровня и качества жизни. На рисунке 3 отражены прямые и косвенные эффекты, возникающие при реализации крупных проектов по развитию железнодорожного транспорта.

Масштабные инвестиции в транспортную инфраструктуру приводят к улучшению сообщения территории и как следствие повышают мобильность людей, а значит, вероятность их трудоустройства согласно их способностям, а для бизнеса – возможность найма рабочей силы. Сокращение времени поездки до 1–1,5 часов позволяет малым и средним городам быть менее зависимыми от местного рынка труда. Это приводит к централизации рынка труда и концентрации трудовых ресурсов, что влечет за собой повышение уровня производительности труда (за счет повышения эффективности рынка труда и уровня экономической активности населения) и приводит к последующему экономическому росту. Повышение конкурентоспособности экономики и ее инвестиционной привлекательности (в части, зависящей от транспорта) связано, прежде всего, с обеспечением транспортной доступности территорий для деловой активности. Для предприятий она обеспечивается развитой инфраструктурой транспортных связей, а также коммерческой скоростью, качеством и надежностью транспортных услуг.

С ростом глобализации экономики многие предприятия достаточно регулярно осуществляют междугородные, транснациональные и международные деловые операции. «Самая яркая особенность современного экономического развития – концентрация экономической активности в городах. Продвижение к экономике без границ увеличило роль городов и в международной экономике, и во внутренних экономических системах. Развитие регионов и городов все больше опирается не на локальные преимущества, связанные с природными условиями (например, климатом) и минеральными ресурсами, а на агломерационный эффект» [5].

Это обеспечивает широкий выбор для бизнеса ресурсов и создание условий для концентрации инфраструктуры и специализированных деловых услуг. К преимуществам относятся также специализация и диверсификация. Специализация более всего наблюдается в сферах деятельности, характеризующихся высокой добавленной стоимостью, благодаря облегченному доступу к информации и знаниям [7].

Важнейшие преимущества для территорий, через которые проходят линии высокоскоростных магистралей в результате реализации соответствующего инвестиционного проекта, связаны с пространственной концентрацией экономической деятельности. Позитивное влияние агломерационного фактора обусловлено экономией на масштабе благодаря территориальной концентрации функций, а также разнообразием экономических агентов и мест приложения труда. «В связи с тем, что наличие ВСМ повышает физический доступ финансовых аналитиков, инженеров-консультантов, юристов и других специалистов к их разбросанным в пространстве бизнес-клиентам, то районы, прилегающие к станциям ВСМ, могут предопределять создание новых интеллектуальных и сервисных компаний, привлечение инвестиций. Преимущества, созданные агломерационным эффектом, провоцируют усиление спроса на выбор таких мест для расположения новых фирм» [6].

Высокая плотность и разнообразие усиливают конкуренцию, ускоряют инновации. Крупные города, агломерации концентрируют отрасли научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, и выделяются относительно более высокими показателями инновационной активности в силу повышенного уровня квалификации персонала.

Согласно исследованиям, проведенным по высокоскоростным магистралям мира, например, в городах и районах, обслуживаемых линиями Синкасен в Японии, наблюдается повышение занятости и более высокие темпы роста населения, чем в остальных. Особенно высокие темпы роста были зафиксированы в таких отраслях, как бизнес-услуги, банковские услуги, недвижимость, а также в высшем образовании. Такой же рост был зафиксирован вдоль второстепенных внутристолечных транзитных коридоров, которые были соединены с Синкасен. Ценность пристанционной земли есть функция от времени проезда до Токио и других крупных городов. Однако со временем экономические выгоды от Синкасен могут уменьшаться, поскольку скорость на линии снизится за счет увеличения количества промежуточных остановок.

Проведенные исследования относительно роли ВСМ в экономике Франции доказывают их ведущую роль для расширения потенциальных рынков глобальных и местных фирм в

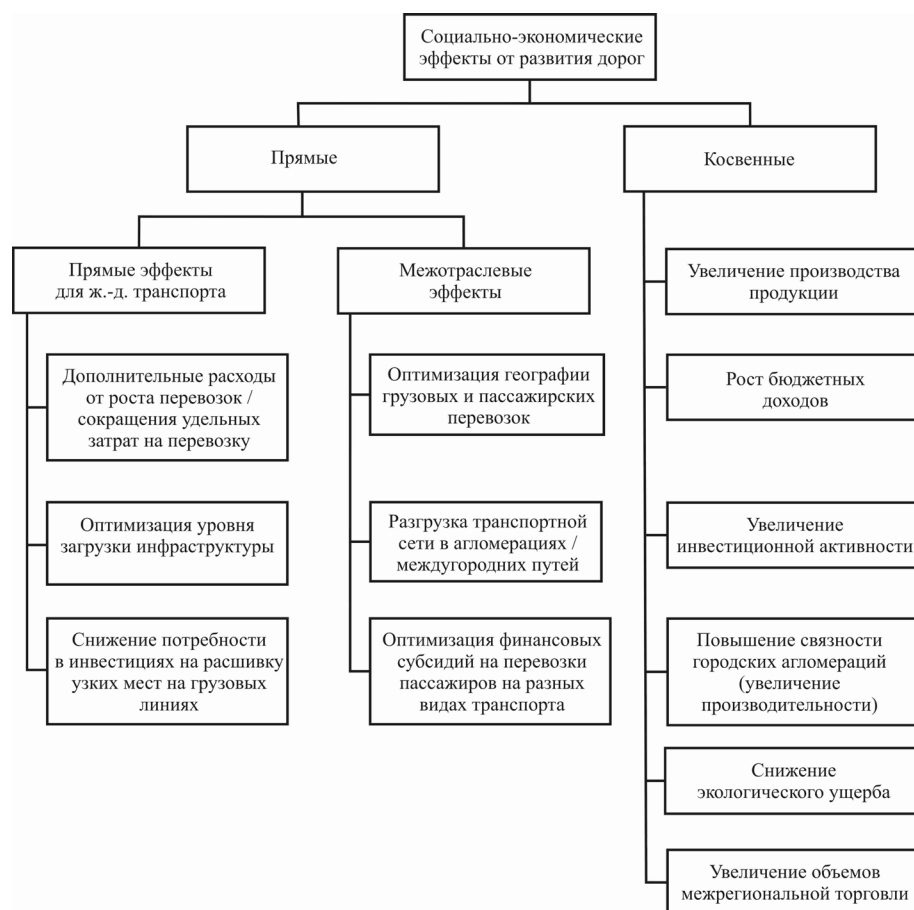

Рис. 3. Схема влияния крупного инвестиционного проекта в области железнодорожного транспорта на социально-экономическую среду (на примере строительства высокоскоростных магистралей)

Составлено автором (с использованием материалов Центра стратегических разработок).

Европе. Зарубежный опыт исследования влияния ВСМ на территорию позволяет утверждать, что благоприятные для бизнеса условия близости магистрали могут быть вкладом в реальный экономический рост, но их никогда не бывает достаточно самих по себе.

Наиболее общей из рассматриваемых категорий источников и воздействий является *антропогенная нагрузка*, которая, как понятие, является интегральной характеристикой всей совокупности предшествующей и настоящей хозяйственной деятельности на территории. Во всей зоне реализации проекта она существенно увеличивается, на всех трех этапах его реализации: проектирование, строительство, эксплуатация. Максимальной нагрузка является на этапе строительства, минимальной – на эксплуатационном этапе.

При переходе к инновационному типу развития экономики важнейшим условием является экологически безопасная среда жизнедеятельности. На нее и на состояние эколого-экономической системы в целом влияет инвестиционная деятельность, которая играет значительную роль в достижении стратегических целей. Как правило, экологические аспекты относятся к внешним эффектам, и в методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов для экологического анализа отсутствуют соответствующие требования учета. Можно выделить следующие причины недостаточного учета экологических факторов при оценке эффективности инвестиционных проектов:

- сложность выявления многих факторов воздействия на окружающую среду в силу их разнообразия;

- отсутствие методик, позволяющих дать комплексную оценку эффективности инвестиционных проектов;
- слабое институциональное оформление взаимоотношений в сфере компенсации ущерба, причиняемого окружающей среде.

Перечисленные обстоятельства определяют необходимость разработки методики эколого-экономической оценки инвестиционных проектов. Подобная оценка позволит определить показатели эффективности проекта посредством исчисления в денежном выражении последствий воздействия на экологическую среду и сделать выводы о целесообразности и возможности его реализации. В конечном итоге основным результатом любого проекта является создаваемое новое качество жизни населения.

Обсуждение результатов. В настоящее время особое значение имеют исследования влияния крупных спортивных мероприятий, прежде всего Олимпийских и Паралимпийских игр на социально-экономическое развитие территории. Подобное исследование на кафедре экономической и социальной географии России Географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проводится с 2007 г. и связано с оценкой влияния проекта «Сочи-2014» на город, регион, страну. В современном мире Олимпийские игры – это не просто спортивное мероприятие, а многослойный комплекс взаимосвязанных действий огромного числа акторов, направленных на формирование нового, более качественного образа жизни человека. В этом смысле современное Олимпийское движение и, особенно, в Сочи, представляет комплекс инноваций, направленных на изменение облика города, региона, страны и мира к лучшему через спорт, культуру и образование, осуществляемое в духе согласия. Проведение Олимпийских игр в Сочи для Российской Федерации рассматривается, прежде всего, как обновленческий проект, стимулирующий модернизацию во всех сферах общественной жизни. Но понять и оценить его результаты можно только на основе достаточно длительного мониторинга как воздействия процесса подготовки и проведения игр, так и его последствий.

Влияние на территориальную структуру. Города, проводящие у себя масштабные

спортивные мероприятия, принимают на себя значительные обязательства по созданию и подготовке соответствующей инфраструктуры, которая оказывает влияние на всю социально-экономическую среду. Как всякая крупная инновация, ориентированная на изменения не только характера функционирования, но и самой структуры территориальных систем, олимпийский проект имеет многофункциональное и многослойное воздействие, которое проявляется в рамках модели «диффузии нововведений». Для Сочи, традиционно развивавшегося как город-курорт, проект был уникален также и по своему функциональному назначению. Распространение (диффузия) инноваций имело как отраслевую (секторальную) так и пространственную составляющую. Трансформация структуры города произошла в результате возникновения двух новых ядер в Адлерском районе Сочи. Повышение центральности этих точек роста является результатом преимущественного развития новых функций, таких как спортивная, деловая, курортно-рекреационная.

Процесс диффузии накладывается на уже существующую пространственную структуру Сочи (моноцентричную) с устоявшимися связями, постепенно трансформируя ее в полицентричную, с двумя центрами: уже сложившимся, «старым» в Центральном районе и перспективным, «новым» в Имеретинской низменности. Одновременно идет формирование и третьего центра в ареале Горного кластера. Именно здесь произошла наиболее кардинальная трансформация территориальной природно-хозяйственной системы с неоднозначными реакциями природной и социо-культурной среды.

Помимо изменения функций, изменились связи – через развитие транспорта они стали более интенсивными, «временная» территория города сжалась. Особенно это заметно в рамках «треугольника» Сочи–Адлер (Нижеимеретинская низменность) – Красная Поляна. В данном случае на отрезке Адлер–Красная Поляна («Альпика-Сервис») – это совмещенная автомобильная и железная дорога; на отрезке Адлер–Сочи – это дублер Курортного проспекта, совмещенный с частью объездной дороги вокруг Сочи.

Таким образом, мы видим изменение конфигурации большого города с переходом к форме своеобразного треугольника, каждая из вершин которого является ядром, при ли-

дерстве Центрального района и опережающем развитии остальных двух точек, выполняющим свои функции и способствующим их разграничению в рамках обширной территории городского округа. В результате преодолеваются и горизонтальная, и вертикальная периферийность развития Большого Сочи.

По совокупности экономических показателей Сочи входит в тройку лидеров муниципальных образований Краснодарского края. На Сочи приходится более 20% оборота розничной торговли региона, город является вторым по численности населения. На протяжении 2008–2012 гг. город концентрировал порядка 40% всех инвестиций в основной капитал Краснодарского края, около 1/5 объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство».

Влияние на население. Главный адресат многочисленных инноваций в городскую среду под влиянием Олимпийских и Паралимпийских игр является население. Оно же и главный индикатор влияния инновационного проекта, поэтому его динамика – важнейший индикатор социально-экономических процессов города. Перелом в динамике населения г. Сочи является одним из самых существенных результатов подготовки Олимпийских игр. Стагнирующая кривая динамики населения, достигшая минимума в 2006 г., изменила свой тренд на восходящий (рис. 4). В результате численность постоянного населения г. Сочи с момента объ-

явления Олимпийских игр возросла с 395 до 429,6 тыс. чел. на 01.01.2013 г. (более 8,0%) и более чем на 40 тыс. чел. (до 473,2 на 01.01.2014 г.). Подобное резкое ускорение роста численности населения, безусловно, прямое следствие наложения друг на друга стадии строительного цикла и подготовки непосредственно к проведению Игр. Можно прогнозировать, что после завершения Игр динамика численности населения замедлится и выйдет на стандартный тренд.

Анализ динамики населения показывает, что именно в 2006–2007 гг. произошел перелом в ее тренде, и после наблюдавшегося в 2003–2006 гг. снижения численности населения начался его быстрый рост, темпами, существенно превышающими период 1994–2003 гг. (рис. 4). Более того, дальнейший анализ показывает, что в 2007 г. прирост населения г. Сочи обеспечил не только весь положительный прирост населения в Краснодарском крае, но и компенсировал его сокращение в остальных муниципальных образованиях. В последующие годы на Сочи приходилось 21–23% общего прироста населения по краю (в 2011 г. его доля снизилась до 9%, что отражает распространение диффузионной волны роста численности населения на другие муниципальные образования края), в то время как до 2007 г. на него приходилось 25–40% сокращения населения в крае. Таким образом, проведенный дополнительный анализ позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что именно

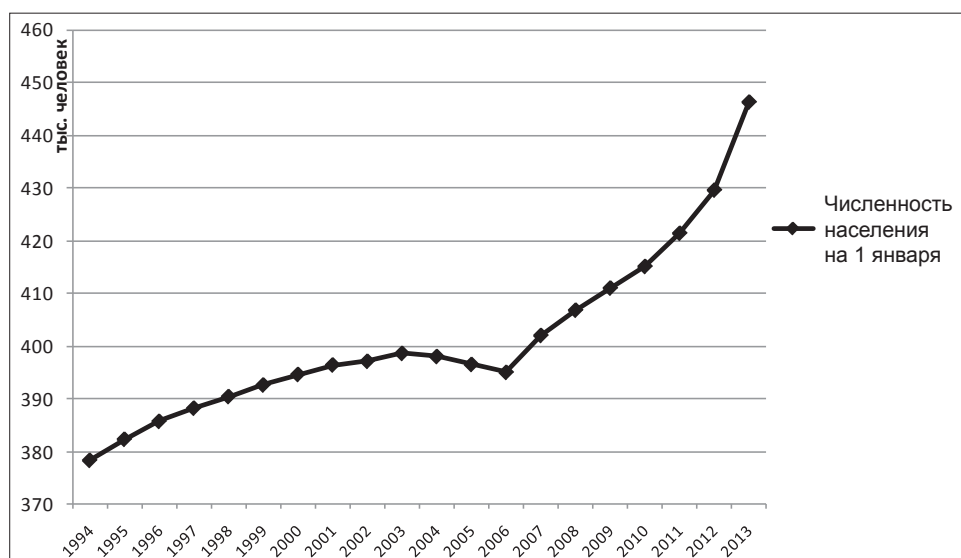

Рис. 4. Динамика численности населения города Сочи, 1994–2013 гг.

Составлено автором по материалам Администрации Сочи.

реализация Олимпийского проекта способствовала перелому тенденции сокращения населения в г. Сочи, и в значительной мере способствовала аналогичным изменениям в динамике населения на краевом уровне.

Масштаб и направленность миграционных процессов является обобщающим интегральным показателем привлекательности того или иного места. В его основе лежит рост рынка труда в г. Сочи и Краснодарском крае в целом, что обусловило увеличение миграционных потоков в регион: за период с 2005 по 2012 г. коэффициент миграции вырос более, чем в 10 раз. Из общего притока мигрантов в РФ в 2012 г. (295 тыс. чел.), 1/6 (46 тыс. чел.) пришлось на Краснодарский край. Еще одной отличительной особенностью г. Сочи за рассматриваемый период является формирование относительно высокого уровня заработной платы по сравнению с Краснодарским краем. При этом темпы роста реальной заработной платы, особенно в строительстве, в г. Сочи также были опережающими по сравнению с Краснодарским краем и Россией в целом. Важно подчеркнуть, что Сочи и Краснодарский край характеризуются средним уровнем дифференциации доходов. Таким образом, результатом повышения средней заработной платы в регионе стало уменьшение доли населения с низким доходом (с 26,1 до 15,6% за период 2005–2010 гг.) и уменьшение на этой основе эффекта социального исключения. Дополнительным положительным моментом является то, что с ростом заработной платы можно прогнозировать увеличение налоговых поступлений в бюджеты разных уровней. Это потенциально означает большие возможности для социального обеспечения незащищенных категорий граждан (в том числе и людей с инвалидностью).

Наряду с положительным влиянием следует указать и на негативные последствия, связанные с временностью рабочих мест, созданных для реализации Олимпийского проекта (более 100 тысяч рабочих мест непосредственно в пределах Большого Сочи), и соответственно масштабами высвобождения и перемещения десятков тысяч людей, часть из которых останется в городе после Игр. Очевидно, что следует ожидать и падения соответствующих статей доходов работников. Стремительный рост численности населения вызывает рост нагрузки на коммунальную инфраструктуру, увеличение антропогенной

нагрузки на окружающую среду, что требует дополнительных вложений для устойчивого функционирования и развития объектов в соответствии с потребностями объемов строительства, а также повышения качества производимых товаров и услуг.

Потенциал для развития экономики.

Важнейшей сферой экономики города Сочи и в целом Краснодарского края является курортно-рекреационный комплекс. В нем размещено значительное число рабочих мест, комплекс является основным источником дохода для значительной части населения г. Сочи и других курортов Черноморского побережья. От его динамики и уровня заполняемости зависят и уровень предоставляемых услуг отдыхающим, и качество жизни населения города, и формирование бюджетов всех уровней, имидж города и Краснодарского края в целом.

Анализ динамики туристов показывает, что после периода существенно более быстрого роста их числа (по сравнению со Стратегией социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 г.) в г. Сочи после 2007 г. темп существенно снизился, а в 2010 г. численность отдыхающих практически стабилизировалась. Более того, в 2011 г. произошло сокращение числа отдыхающих в Сочи до 3,9 млн чел (уровень 2006 г.), а в 2012–2013 гг. их количество (4,0) практически не изменилось. В результате численность туристов оказалась ниже уровня, принятого в Стратегии.

За период 2005–2013 гг. общее количество туристов, посетивших Сочи, увеличилось на 126%. Но при сравнении с наиболее успешным 2009 г., численность отдыхающих в городе снизилась примерно на 1,0 млн человек. По прогнозным расчетам, рост количества туристов за период 2014 г. составит не менее 20%, что позволит достигнуть уровень 2009 г. в ближайший курортный сезон.

Распределение прибывающих туристов по месяцам в Сочи отражает сезонность свойственную всем курортам России, однако выраженность межсезонных колебаний существенно меньше. Минимальная численность отдыхающих в феврале (175 тыс. чел.) более, чем в 3 раза уступает максимальной в августе (560 тыс. чел.). В тоже время достаточно выражен новогодний декабрьско-январский пик (около 500 тыс. чел за два

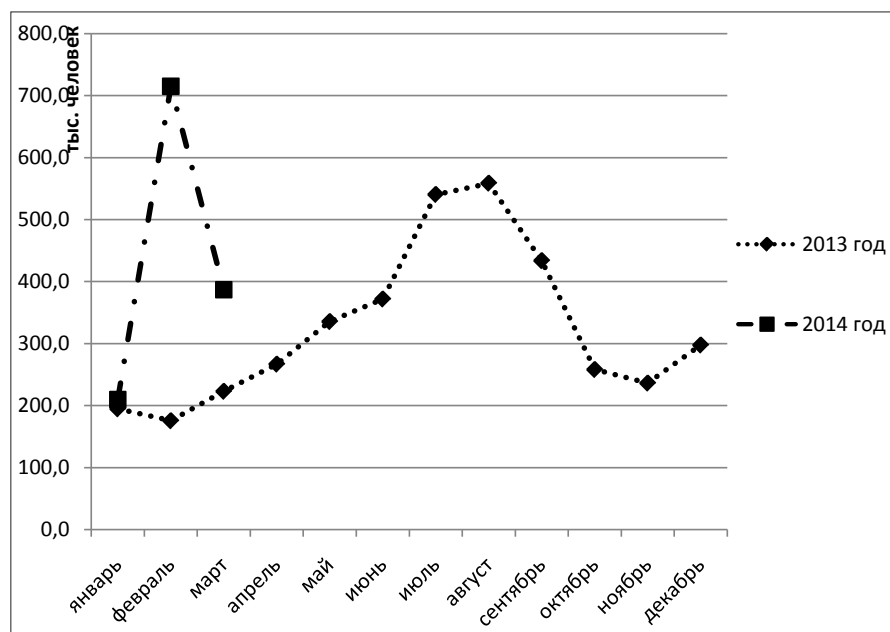

Рис. 5. Динамика численности туристов в Сочи по месяцам
 Составлено автором по материалам Администрации Сочи.

месяца, что лишь в два раза уступает двум месяцам (июль-август) высокого сезона (около 1 млн чел.). Это свидетельствует о нарастающих возможностях зимнего отдыха, прежде всего в Красной Поляне, а также в верхних категориях гостиниц Прибрежного кластера (рис. 5).

Кардинальные изменения произошли и в структуре мест размещения, особенно в 2013 г., когда завершилась непосредственная подготовка к Олимпийским и Паралимпийским играм. Наиболее крупными средствами размещения в Сочи являются гостиницы одна, две и три звезды. Общее число категорийных гостиниц возросло более, чем в два раза, достигнув 545 (против 248 в 2012 г.). При этом в категории одна звезда наблюдался трехкратный рост, две и три звезды – почти двухкратный, удвоилось число и некатегорийных гостиниц. Такой рост был обеспечен как за счет нового строительства, так и сертификации действующих гостиниц в преддверие Игр. Динамика номерного фонда показывает несколько иную картину. Максимальный рост номерного фонда наблюдался в четырехзвездочных гостиницах – в 4 раза! Номерной фонд остался практически без изменений в категории две звезды и резко вырос в категориях три и пять звезд (в три раза).

Изменилась и внутригородская география санаторно-курортного комплекса. Подавляющее число новых мест размещения построено в пределах горного и прибрежного кластеров, фактически на новых территориях в границах Адлерского района.

Важнейшую роль для развития города и повышения его комфортности сыграла *инфраструктура*, в первую очередь транспортно-коммуникационная, влияющая на состояние окружающей природной среды, качество жизни населения и последующее привлечение инвестиций. Общие капитальные расходы на сопутствующие мероприятия в период 2008–2013 гг. составили в общей сложности почти 1,2 трлн руб. (около 40 млрд долл. США), превысив инвестиционные затраты на олимпийские объекты и их непосредственную инфраструктуру более, чем в 3 раза. На начальном этапе в структуре капитальных расходов доминировали затраты на реконструкцию существующих и строительство новых объектов транспортной инфраструктуры (более 80% в 2008 г.), в дальнейшем около 50% затрат приходилось на вложения в развитие туристической инфраструктуры.

Город Сочи был и становится все более важным транспортным узлом на Юге Рос-

сии. Его территория насыщена большим количеством автомобильных дорог (более 1500 км) общего пользования (более 4% от общей протяжённости автодорог Краснодарского края). Из общей протяжённости 12% приходится на дороги федерального значения, более 20% – местного значения. Важнейшей магистралью, транспортно-коммуникационной осью города, является федеральная трасса М27 (п.г.т. Джубга–Туапсе–Сочи–Адлер–государственная граница). Одновременно – это главная планировочная ось города и большинство внутригородских населённых пунктов располагается вдоль нее. Транспортная инфраструктура, благодаря проекту «Сочи-2014», модернизировалась в направлении строительства дублеров и транспортных развязок для снижения вероятности, протяженности и длительности пробок. Еще в конце 2009 г. сдана в эксплуатацию объездная дорога общей протяженностью 17 км, а в 2012 г. в г. Сочи были введены в эксплуатацию 4 важнейших транспортных развязки («Адлерское кольцо», «Стадион», двухуровневая развязка на пересечении ул. Гагарина и Донской, автодорожный мост через р. Сочи с устройством транспортной развязки в районе Краснодарского кольца). Одним из важнейших проектов являлось открытие движения на участке «Адлер–Веселое», который играет стратегическую роль во всей транспортно-логистической системе. Магистраль связывает прибрежный кластер с совмещенной автодорогой «Адлер–Альпика–Сервис», федеральной трассой А-149 «Адлер–Красная Поляна» и гостевой зоной Адлерского района. Кроме того, она обеспечит сквозной проезд транзитного автомобильного транспорта в режиме непрерывного движения через всю территорию Адлерского района в направлении границы с Республикой Абхазия.

Несмотря на сложный горный рельеф, плотность автодорожной сети в Сочи превышает среднероссийскую (39 км/1000 км²) и находится примерно на уровне краевых значений (447 против 468 км/1000 км² в Краснодарском крае). Однако если учесть, что большинство автодорог и других элементов инфраструктуры сконцентрировано в приморской зоне и по долинам основных рек (Мзымта, Сочи и др.), то реальная плотность в селитебной зоне окажется в несколько раз

выше. Кроме того, при проведении сравнений, следует учитывать высокие показатели протяженности внутригородской улично-дорожной сети города Сочи (871,3 км), что больше суммарной протяженности автомобильных дорог местного значения. Таким образом, общая протяжённость автодорожной сети на территории муниципального образования Сочи с учётом улично-дорожной сети составляет около 2,5 тыс. км, из которых 46 км – пешеходные дорожки (примерно 1 км на 10 тыс. чел. населения, это достаточно высокий показатель). В связи с подготовкой к Играм развивалась автодорожная сеть Краснодарского края, протяженность которой возросла на 1281 км.

Через город Сочи проходит железнодорожный участок Туапсе–Адлер–граница с Абхазией. За последние годы она прошла существенную модернизацию: на значительном его протяжении построены вторые пути, новые тоннели и подъездные железнодорожные пути, а также ответвления, ведущие к аэропорту и Прибрежному кластеру олимпийских объектов. Протяженность железнодорожных путей составляет 178,3 км.

В целом можно констатировать, что за последние пять лет транспортная сеть в границах города кардинально улучшила свои технические характеристики, существенно увеличила пропускную способность.

Помимо транспортной инфраструктуры, были модернизированы объекты социальной инфраструктуры. Например, еще в 2011 г. были введены в эксплуатацию объекты здравоохранения, образования и культуры: инфекционная больница в пос. Дагомыс на 300 коек; поликлиника на 100 посещений в смену в с. Веселое Адлерского района г. Сочи (50 посещений в смену взрослой поликлиники и 50 посещений в смену детской поликлиники); МБУЗ г. Сочи «Городская больница № 4»; детский сад с комплексной спортивной площадкой в культурно-историческом центре «Село Некрасовское» в Имеретинской низменности; общеобразовательная школа на 1000 учащихся в с. Веселое Адлерского района г. Сочи, с перспективой расширения на 1500 мест и другие.

Одним из главных объектов, существенно улучшающим экологическую ситуацию стал газопровод Джубга–Лазаревское–Сочи, общей протяженностью 171,6 км. Ввод этого объекта позволил не только га-

зифицировать территорию Большого Сочи, но и улучшить стабильность Сочинского энергорайона, так как одним из основных потребителей стала Адлерская ТЭС. Много мероприятий было реализовано в рамках модернизации систем теплоснабжения и электроснабжения. Вырос уровень энергетической безопасности города после пуска второго агрегата на Сочинской ТЭЦ, которая вместе с Краснополянской ГЭС покрывает до половины требуемой нагрузки.

Одним из основных факторов, влияющих на развитие регионального пространства, является сложившийся бренд места. Положительные инвестиционные и кредитные рейтинги, информация о благоприятной социальной, экономической, политической и экологической обстановке города или региона привлекает в данное место инвесторов, квалифицированные кадры, спортсменов, деятелей искусства, туристов, «творческих профессионалов», а вместе с ними инновации и средства на их реализацию. Это позволяет говорить о формировании новой отрасли экономики города – делового туризма.

Событийные мероприятия, рассчитанные на различные целевые аудитории, способны произвести значительный информационный и рекламный эффект для социально-экономического развития региона в целом. Можно утверждать, что в крае формируется одно из направлений современного туризма – событийный туризм. Основная цель поездки в данном случае приурочена к какому-либо событию. Уникальные туры, сочетающие в себе традиционный отдых и участие в самых зрелищных мероприятиях планеты, постепенно завоевывают все большую популярность. Главная особенность событийного туризма – множество ярких неповторимых моментов.

Выводы. В целом анализ потенциала проекта по организации и проведению Олимпийских и Паралимпийских игр выявил надежную связь между основными факторами экономического роста, позволяющую оценить влияние инвестиционной активности как по различным территориальным уровням, так и по основным сферам социально-экономического комплекса. Динамика макроэкономических показателей Краснодарского края до начала реализации олимпийского проекта

характеризовалась чрезвычайно большой неустойчивостью. В первой половине 2000-х гг. наблюдалось снижение объемов инвестиций, снижение с последующей стабилизацией численности занятых при низких темпах роста ВРП, что резко контрастировало с динамичным посткризисным ростом российской экономики.

Динамика ВРП с 2006 г. характеризовалась ускорением роста, при некотором снижении в пик кризиса и вновь возвращением на линию восходящего прогнозного тренда в 2010 г. В отличие от среднероссийской ситуации для Краснодарского края характерно существенное лаговое запаздывание ввода олимпийских и связанных с ними объектов. В результате рост ВРП фактически обеспечивается только за счет увеличения объемов производства и занятости в строительном и транспортном секторах региональной экономики, доля которых резко снизилась после проведения Игр. За счет этих же отраслей происходила трансформация отраслевой и как следствие территориальной структуры экономики города, существенно увеличивался удельный вес спортивной функции. Такие изменения крайне уязвимы в связи с большой цикличностью развития этих отраслей. Несколько снизилась сезонность, как в результате ведения круглогодичных строительных работ, так и появления дополнительных зимних курортных функций. Улучшился имидж города, менее острой стала транспортная проблема.

Хотя олимпийское строительство осуществлялось с учетом экологических норм и правил, сам характер деятельности по изменению ландшафта и привычного образа жизни людей временно ухудшал экологическую ситуацию и создавал дискомфорт для населения. Во всей зоне реализации проекта существенно увеличилась антропогенная нагрузка на всех трех этапах его реализации: проектирование, строительство, эксплуатация. Максимальной нагрузка являлась на этапе строительства, минимальной – на постолимпийском этапе.

В целом важно подчеркнуть, что основная часть негативных эффектов является производной от строительного этапа и исчезнет после его завершения, а созданная инженерно-коммуникативная инфраструктура создает предпосылки для улучшения качества среды обитания населения города. В конечном итоге основным результатом является созда-

ваемое новое качество жизни населения как в г. Сочи и Краснодарском крае, так и для населения всей страны. Однако для получения максимально возможного положительного

эффекта от масштабных инвестиций необходима четкая и продуманная государственная политика социально-экономического развития города на ближайшие 5–10 лет.

Библиографический список

1. Дружина В., Кивиже Г. Крупные проекты: ключевые факторы успеха // Вестник McKinsey. – 2013. – № 28. – С. 28–42.
2. Лившиц В., Швецов А. Каких ошибок следует избегать при оценке инвестиционных проектов с участием государства // Вопросы экономики – 2011. – № 9. – С. 35–39.
3. Нуреев Р.М., Маркин Е.В. Олимпийский деловой цикл // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Том 6. – № 3. – С. 50–64.
4. Нуреев Р.М., Маркин Е.В. Издержки и выгоды Олимпийских игр // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1 – С. 46–64.
5. Фуджита М., Камо К., Зубаревич Н. Экономическая география и регионы России // Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ. Под ред. Тарр Д.Г. – М.: Весь Мир, 2006. – С. 545–557.
6. Murakami J., Cervero R. High-Speed Rail and Economic Development: Business Agglomerations and Policy Implications. University of California Transportation Center. UCTC – FR – 2012–10.
7. OECD Territorial Reviews. Competitive Cities in the Global Economy. Summary in Russian. Территориальные обзоры ОЭСР. Конкурентоспособность городов в условиях глобальной экономики. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oecd.org/gov/37840122.pdf>
8. Материалы исследования OGI. Сочи-2014, 2008–2014 гг.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (Москва)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ДРУГИХ КРУПНЫХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Zubarevich N.V., Safronov S.G.

SPATIAL INEQUALITY OF INCOME IN RUSSIA AND LARGE POST-SOVIET COUNTRIES

Аннотация. В статье рассматриваются межрегиональное и внутрирегиональное неравенство душевых доходов населения, динамика неравенства в 2000-е гг. Сопоставляется уровень неравенства в регионах России и других крупных постсоветских странах с помощью коэффициента Джини. Выявлены тенденции снижения неравенства заработной платы в городах и регионах России. Показано влияние политики перераспределения нефтяной ренты на смягчение неравенства доходов населения регионов и городов России.

Abstract. Article is devoted to comparative analysis of money incomes regional inequality in Russia and the other big post-Soviet countries as well as in Russian cities' salary inequality in 2000-th. Leveling trends are shown and explained by Russia's federal budget redistributive policy analysis.

Ключевые слова: Россия, постсоветское пространство, социальное развитие регионов, неравенство доходов.

Keywords: Russia, Post-Soviet countries, social development of regions.

Введение. Для современной России, как и для других постсоветских стран, типично не только огромное расслоение населения по доходам, но и сильные территориальные различия. Неравенство доходов населения регионов и муниципалитетов – следствие экономического неравенства, возросшего в постсоветский период. Переход к рыночной экономике выявил конкурентные преимущества и барьеры развития регионов, что при-

вело к росту территориальной дифференциации уровня жизни населения.

Международные исследования показывают, что в странах догоняющего развития, к которым относится Россия и другие постсоветские страны, территориальное экономическое неравенство не только велико, но и растет, поскольку быстрее развиваются регионы с конкурентными преимуществами, что ускоряет развитие всей страны. В развитых странах

рост экономического неравенства регионов замедляется и даже прекращается по объективным причинам: везде высок человеческий капитал и качество институтов, развита инфраструктура [14]. Возможно даже некоторое смягчение территориальных экономических различий благодаря возникновению новых центров роста, политике поддержки и стимулирования развития более слабых регионов. Однако успешность масштабной выравнивающей региональной политики, проводимой в странах ЕС, относительно, что доказано рядом исследований [13].

Социальное неравенство регионов, измеряемое различиями в доходах и заработной плате населения, зависит не только от различий в экономическом развитии, но и от перераспределительной политики. В развитых странах с сильной социальной политикой, нацеленной на поддержку бедных групп населения, доля которых всегда выше в менее развитых территориях, межрегиональное неравенство доходов населения сокращалось. Примером может служить Франция [13], Швеция и другие страны континентальной Европы. Однако в развитых странах англосаксонского мира (США, Великобритания) смягчения межрегиональных различий по доходам населения не происходило, поскольку приоритет социального выравнивания в этих странах менее значим, а масштабы перераспределения и социального выравнивания не столь велики. Ставка делается на самостоятельную мобильность населения – люди перемещаются из депрессивных территорий туда, где есть работа и больше возможностей зарабатывать.

Количественных исследований межрегионального неравенства в России пока немного, в основном это измерения экономического неравенства [2, 7, 8] или обзор методик таких измерений [1]. Результаты неоднозначны, так как тренды межрегионального экономического неравенства в последние два десятилетия менялись: после кризиса 1998 г. и до бума нефтяных цен оно росло, быстрее развивались регионы с конкурентными преимуществами. На пике нефтяных цен в середине 2000-х гг. неравенство снижалось: получив огромные дополнительные доходы от нефтяной ренты, федеральные власти увеличили масштабы перераспределительной политики и финансовой помощи менее развитым регионам. Социальные расходы регионов учиты-

ваются в ВРП как производство социальных услуг, поэтому душевой ВРП слаборазвитых регионов рос быстрее, поскольку доля оплачиваемых из бюджета социальных услуг в их ВРП максимальна.

В период кризиса 2009 г. межрегиональное экономическое неравенство также сокращалось, т.к. кризис сильнее ударил по развитым регионам и почти не затронул высокودотационные, что также способствовало смягчению межрегионального неравенства [4]. Однако в целом за весь постсоветский период экономическое неравенство российских регионов по душевому ВРП усилилось [15].

Постановка исследовательской задачи.

Территориальное неравенство доходов населения существует как между регионами, так и внутри них – между группами с высоким и низким доходом. Схожи ли тенденции межрегионального и внутрирегионального неравенства доходов населения России и чем обусловлены сходство или различия? Неравенство существует и на уровне городов, но его измерить труднее из-за статистических ограничений. Тем не менее, даже неполные данные позволяют выявить тенденции роста или снижения неравенства населения городов по уровню заработной платы и сопоставить их с межрегиональными трендами.

Региональное неравенство доходов населения типично не только для России, но и для других постсоветских стран с большой территорией. Схожи ли тенденции межрегионального неравенства доходов населения в России и в двух других крупных странах – Украине и Казахстане? Чем могут быть обусловлены уровень и динамика этих различий – уровнем экономического неравенства регионов или масштабами перераспределительной политики государств с целью смягчения территориальных различий в доходах населения?

В статье ставится задача оценки неравенств регионов и городов России по доходам и заработной плате, сопоставлению межрегионального неравенства в России и в других крупных постсоветских странах, а также изменений территориального неравенства по доходам населения в 2000-е гг. с учетом макроэкономических условий и политики государств. Анализ разных типов территориального неравенства доходов населения позволяет шире рассмотреть пробле-

му и выявить сходство и различия основные трендов.

Проблемы измерения уровня и структуры доходов домохозяйств в регионах и муниципалитетах обусловлены рядом причин:

- при наличии значительного теневого сектора экономики все статистические измерения доходов населения дополняются дооценками и в целом недостаточно точны, прежде всего на региональном уровне;
- обследования бюджетов домохозяйств, проводимые Росстатом, имеют недостаточную региональную выборку, что приводит к искажениям;
- доходы населения на муниципальном уровне (по городским округам и муниципальным районам) не измеряются органами статистики, имеются только данные о заработной плате по крупным и средним предприятиям и организациям, без учета малого предпринимательства;
- плохо измеряются натуральные поступления от личного подсобного хозяйства, немаловажные для горожан и критически важные для сельского населения, особенно в регионах с благоприятными почвенно-климатическими условиями;
- цены на товары и услуги различаются в регионах России более чем в три раза, поэтому доходы населения необходимо корректировать на стоимость жизни¹, при этом разные способы корректировки дают разную региональную дифференциацию цен; особенно велики различия в оценке удорожания жизни в северо-восточных субъектах РФ и в федеральных городах.

Низкое качество региональной статистики доходов населения усугубляется сложностью совокупного учета всех компонентов, влияющих на уровень жизни домохозяйств. Помимо денежных доходов, домохозяйства получают различные социальные трансферты в виде льгот и бесплатных общественных благ, которые также нужно учитывать в оценках совокупного потребления. Кроме того, уровень жизни домохозяйств зависит от наличия сбережений, накопленного недвижимого и движимого имущества – жилья, дач,

автомобилей и других предметов длительного пользования.

Статистические проблемы велики, поэтому к измерениям и оценкам неравенства денежных доходов населения регионов следует относиться с осторожностью. Тем не менее, работать с этими данными необходимо, ведь даже неполная статистическая информация позволяет выявить тренды, если методика измерений не менялась.

Вторая проблема – методическая: как точнее измерить неравенство? Чаще всего используется коэффициент фондов (соотношение доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами), но он измеряет только неравенство «по краям». Коэффициент вариации показывает разброс характеристик всего массива данных «от середины». Индекс Джини (коэффициент Лоренца) оценивает равномерность распределения и он более чувствителен к неравенству и подвижкам в средней части ранжированного ряда.

В данной статье расчеты неравенства проводились разными способами: коэффициент фондов применялся для измерения неравенства доходов населения внутри регионов России, а адаптированный индекс Джини – для измерений межрегионального и межгородского неравенства. Индекс Джини рассчитывался с процедурой «взвешивания» показателей регионов по численности населения, поскольку невзвешенные измерения искажают степень неравенства из-за очень дробного административно-территориального деления и неравноценности субъектов РФ по численности населения. Для сопоставимости таким же образом рассчитывался индекс Джини для межрегионального неравенства доходов населения и заработной платы в крупных постсоветских странах. Аналогичная процедура «взвешивания» применялась и для расчета неравенства заработной платы в российских городах.

Межрегиональное неравенство: масштабы и динамика. Измерение масштабов межрегионального неравенства по доходам населения требует учета ценового фактора. В нижеприведенных расчетах среднедушевые денежные доходы населения соотнесены со стоимостью регионального прожиточного

¹ Для корректировки используются показатели стоимости прожиточного минимума в регионе или стоимости фиксированного набора товаров и услуг для межрегиональных сопоставлений Росстата.

минимума. Лидером была и остается Москва, в 2000-х гг. среднедушевые доходы населения столицы превышали прожиточный минимум в 5–6 раз (в среднем по России – в 3,2 раза в 2012 г.). Однако уровень среднедушевых доходов москвичей завышен: в методике измерения доходов населения Росстат применяет дооценки с учетом объема товарооборота розничной торговли и покупки валюты, хотя в столице страны делают покупки не только ее жители, но и многочисленные приезжие.

В 1990-е и начале 2000-х гг. сопоставимы с Москвой лидерами были богатые нефтегазодобывающие округа Тюменской области – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий, однако в 2012 г. соотношение доходов и прожиточного минимума в них составило только 3,5–4 раз, поскольку доходы населения росли медленнее из-за изъятия нефтяной ренты в федеральный бюджет. Появились новые лидеры: соотношение среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума в С.-Петербурге (4,5 раз) превысило показатели важнейших нефтегазодобывающих регионов, это следствие перевода во вторую столицу штаб-квартир крупных компаний и роста числа высокооплачиваемых рабочих мест в других секторах экономики. Заметно выросло соотношение доходов и прожиточного минимума в Московской и Свердловской областях (3,7 раз).

Примерно в десятке других развитых регионов соотношение душевых доходов и прожиточного минимума выше среднего по стране, в основном это регионы с экспортными отраслями промышленности и относительно невысоким прожиточным минимумом (республики Татарстан, Башкортостан, Белгородская, Кемеровская области и др.).

Почему лидеров так мало? Дело в том, что среднероссийский показатель завышен из-за доходов москвичей: на жителей столицы приходится почти 20% всех денежных доходов россиян. Медианное соотношение для регионов России составляло в 2011 г. 2,7 раз (при среднем показателе по РФ 3,2 раз), т.е. 83% от среднего. В России больше всего регионов – середняков по доходам населения: более чем в половине субъектов РФ соотношение доходов и прожиточного минимума составляет 75–99% от среднероссийского.

Экономический рост 2000-х гг. и перераспределительная политика сделали свое

дело, регионов с низким уровнем доходов населения стало намного меньше (рис. 1). К 2011 г. в России остались только два региона с минимальным соотношением доходов и прожиточного минимума (менее 2 раз), это республики Тыва и Калмыкия. Для сравнения, в 2002 г. такие показатели имели более 75% субъектов РФ, в 2005 г. – более трети. Отчасти изменилась и география аутсайдеров: в их числе по-прежнему депрессивные регионы Европейской России (Ивановская, Владимирская области) и востока страны (Алтайский край, Амурская область, Еврейская автономная область), менее развитые республики Поволжья (Марий Эл, Мордовия и Чувашия) и Сибири (Тыва и Алтай). При этом большинство республик Северного Кавказа покинули группу аутсайдеров (данные о доходах населения Чечни до 2011 г. не публиковались). Отчасти это свидетельство особого внимания федеральных властей к проблемному Северному Кавказу, но не меньший вклад внесли методические ухищрения Росстата: статистические дооценки скрытой оплаты труда в Дагестане и Ингушетии составляют до половины всех доходов населения (в среднем по России – 27%).

В конце 2000-х гг. экономический рост и, особенно, рост цен на нефть затормозились, поэтому межрегиональный выравнивающий эффект все менее заметен: распределение регионов по соотношению среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума за 2008–2011 гг. почти не изменилось (рис. 1).

Важный фактор межрегионального неравенства доходов населения – дифференциация заработной платы. За 2000–2012 гг. межрегиональные различия в заработной плате сократились с 10,2 до 4,6 раз (в регионах с крайними показателями), а для пятерки регионов с максимальными и минимальными показателями – с 6,8 и до 3,8 раз. Смягчению неравенства способствовал опережающий рост оплаты труда в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве, именно в этих отраслях концентрируются занятые в менее развитых регионах.

Сравнение России с другими крупными странами СНГ показывает, что с конца 1990-х гг. общим трендом для России, Украины и Казахстана был рост экономического неравенства (рис. 2). В России этот тренд был менее устойчивым и раньше сменился некоторым

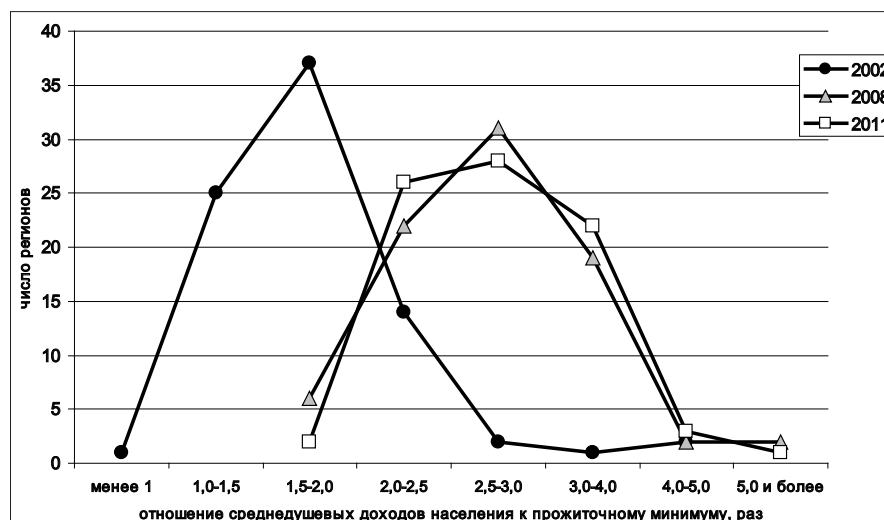

Рис. 1. Распределение регионов РФ по соотношению среднедушевых доходов населения и прожиточного минимума, раз

снижением неравенства под влиянием масштабной перераспределительной политики государства. В двух других крупных странах СНГ тенденции экономической дивергенции регионов были более явными, в том числе в Украине – вплоть до кризиса 2008 г. В Казахстане это следствие доминирования сырьевой экономики, что усиливает региональное неравенство, и меньших масштабов перераспределения в пользу бедных регионов, так как огромный объем средств направлялся на строительство и развитие новой столицы – Астаны. Быстрый рост нефтяных доходов и завершение массового строительства в Астане привели к усилению перераспределительной территориальной политики, в результате с 2007 г. тенденция роста неравенства сменилась на противоположную. Выравнивающий эффект усилился под воздействием кризиса 2008–2009 гг. В Украине рост неравенства обусловлен значительно меньшей централизацией и слабой выравнивающей политикой государства в условиях политической нестабильности. Только кризис прервал тенденцию роста неравенства. Таким образом, Украина полностью вписывается в общий тренд роста экономического неравенства для стран догоняющего развития, а Россия и Казахстан – не совсем. Причина – в территориальном перераспределении нефтяной ренты.

Расчеты межрегионального неравенства по доходам населения, заработной плате и уровню бедности с помощью адаптирован-

ного индекса Джини показывают, что в России оно было максимальным среди крупных стран СНГ (рис. 3). В 2000-х гг. это неравенство устойчиво сокращалось, особенно быстро – на пике нефтяных цен в 2005–2008 гг. Резко возросшие масштабы перераспределительной политики государства обеспечили рост заработной платы бюджетников и увеличение социальных выплат низкодходным группам населения. Доля этих групп выше в слаборазвитых регионах, поэтому перераспределительная политика попутно сокращала и межрегиональное неравенство по доходам. Еще один фактор – опережающий рост пенсий, что подтянуло душевые доходы в средне- и менее развитых регионах Центра и Северо-Запада с наиболее постаревшим населением и максимальной долей пенсионеров.

Неравенство регионов России по заработной плате начало сокращаться с 2002 г., когда было проведено первое значительное повышение заработной платы бюджетникам. И в дальнейшем зарплатки в бюджетной сфере росли быстрее, чем в частном секторе экономики. Это также способствовало снижению межрегионального неравенства, т.к. доля занятых в отраслях бюджетного сектора выше в слаборазвитых регионах по причине дефицита иных рабочих мест.

Межрегиональное неравенство по уровню бедности также сокращалось, но медленно. Это следствие двух факторов: сильной внутрирегиональной дифференциации насе-

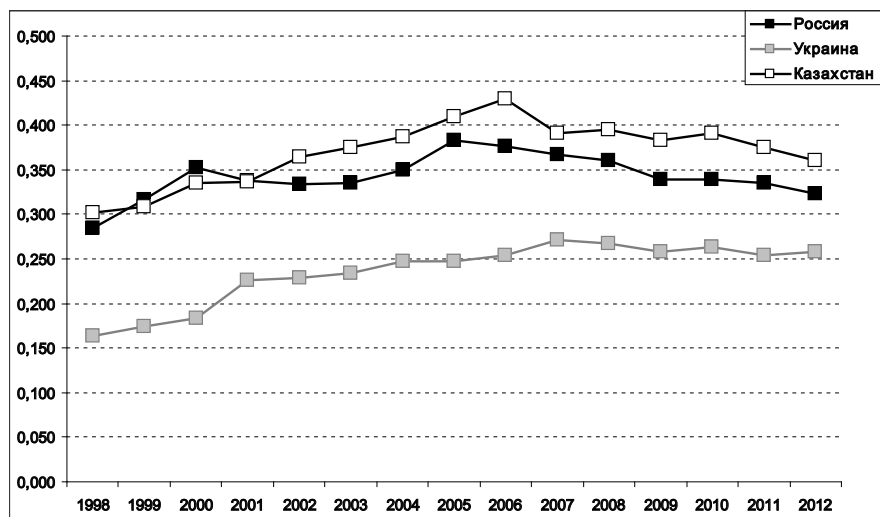

Рис. 2. Коэффициент Джини для межрегионального неравенства по душевому ВРП в крупных постсоветских странах

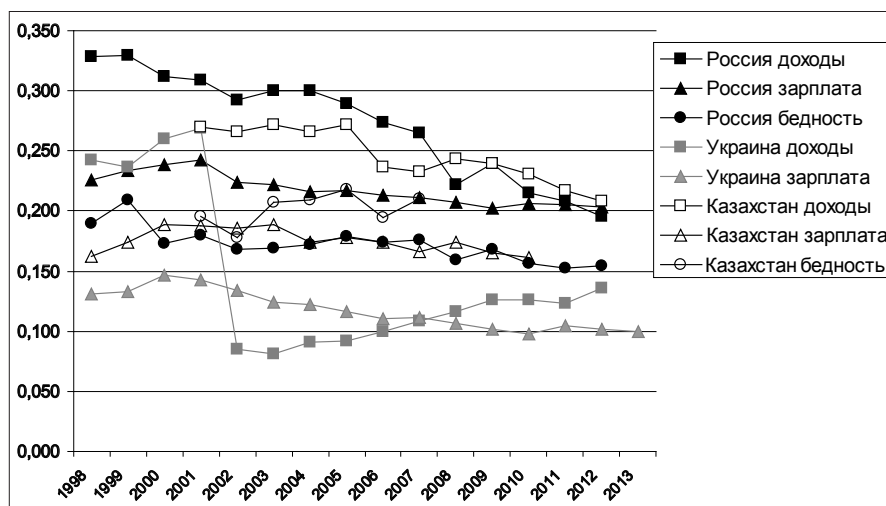

Рис. 3. Коэффициент Джини для межрегионального неравенства по душевому ВРП, среднему душевому доходу населения и средней заработной плате в России, Украине и Казахстане

Источник: расчеты по данным Росстата, статистических органов Украины и Казахстана (резкое сокращение межрегионального неравенства по доходам населения в Украине в 2002 г. обусловлено изменением методики статистического измерения доходов)

ления по доходам и недостаточной нацеленности социальной политики на поддержку бедного населения: на адресные пособия бедным приходится только четверть всех социальных выплат населению.

В целом за 1998–2012 гг. региональные различия в России сократились по всем индикаторам уровня жизни – доходам, заработной плате и уровню бедности. Сокращалось и неравенство в потреблении, измеряемое душевым оборотом розничной торговли. Смягчение региональных различий в до-

ходах и потреблении населения – результат «тучных лет» экономического роста, сверхцентрализации и возросшего перераспределения огромных нефтяных доходов.

Как выглядят российские тенденции на фоне других крупных постсоветских стран? В России региональное неравенство по доходам населения и заработной плате сократилось сильнее всего, это следствие социальной политики государства, перераспределявшего огромную нефтяную ренту. В Казахстане процесс смягчения дифференциации реги-

онов по душевым доходам населения проявился только во второй половине 2000-х гг., затем застопорился в кризис и вновь усилился в последние годы. В заработной плате он проявлялся слабее. Это следствие менее масштабной перераспределительной политики, концентрации высокооплачиваемых рабочих мест в новой столице, а также низкого уровня жизни сельского населения, преобладающего в южных регионах Казахстана.

Украина отличалась устойчивым ростом межрегионального неравенства доходов населения из-за слабой перераспределительной политики государства, однако неравенство по заработной плате, как ни странно, смягчалось. Такие расхождения объясняются низким качеством статистики и объективными трудностями: в Украине высока теневая занятость, массовый характер приобрели трудовые миграции в другие страны, особенно из западных регионов, а статистические измерения заработной платы фактически фиксируют межрегиональное выравнивание оплаты труда занятых в легальном секторе экономики, преимущественно в бюджетных отраслях.

Даже с учетом всех статистических искажений Россия выглядит «чемпионом СНГ» по сокращению межрегиональных диспропорций в доходах населения, хотя по-прежнему остается страной с сильной межрегиональной дифференциацией доходов и уровня жизни.

Внутрирегиональное неравенство доходов населения. Внутрирегиональное неравенство можно измерить с помощью коэффициента фондов – отношения доходов 10% населения с самыми высокими доходами к доходам 10% населения с самыми низкими доходами. Как уже отмечалось, этот показатель оценивает различия только «по краям». Точность измерений невысока, но все же позволяет выявить диспропорции и динамику. Во-первых, внутрирегиональное неравенство населения по доходам максимально в наиболее развитых регионах – Москве, С.-Петербурге, в автономных округах Тюменской области и в Самарской области, где коэффициент фондов достигает 18–27 раз (в среднем по России – 16 раз). Во-вторых, в период экономического роста во всех регионах России, за исключением Москвы, внутрирегиональное неравенство доходов населения росло. Проще говоря, «платой» за развитие

регионов стало усиление внутрирегионального неравенства доходов их населения.

Только в последние годы это неравенство стало сокращаться. Для большинства регионов основным фактором оказался экономический кризис. Но есть и другие факторы: снижение неравенства раньше началось там, где оно было максимальным – в Москве и нефтегазодобывающих автономных округах Тюменской области (рис. 4) с самым высоким уровнем экономического развития и с сильной социальной политикой. Фантастические темпы изменения коэффициента фондов по доходам москвичей (с 51 раз в 2002 г. до 41 раз в 2007 г. и до 27 раз в 2011 г.) вызывают очень большие вопросы. Однако сам тренд снижения внутрирегионального неравенства по доходам населения, который в последние годы демонстрировали наиболее развитые регионы, вполне объясним. Рост доходов бюджетов этих регионов позволил проводить более масштабную выравнивающую социальную политику, наиболее яркий пример – московские надбавки к пенсии, на которые расходовалось почти 10% огромного бюджета столицы в 2011 г. Автономные округа Тюменской области при относительно небольшой численности населения имеют возможность проводить активную перераспределительную политику в виде доплат к заработной плате занятым в бюджетных отраслях, многочисленных пособий и льгот. Только в бюджетах самых богатых регионов – Москвы, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО – есть средства на масштабную выравнивающую политику, их опыт невозможно распространить на всю страну, так как у других регионов таких возможностей нет.

Неравенство российских городов по заработной плате. Неравенство городов можно измерить только по уровню заработной платы, показатель доходов населения на муниципальном уровне не рассчитывается. Статистические данные по большим городам (по градостроительной классификации это города с населением свыше 100 тыс. жителей) ежегодно публикуются в статистическом сборнике «Регионы России». Основой данных по всем городам России служит база данных Мультистат. Неравенство по заработной плате рассчитывалось для всех городов и отдельно – для больших городов, чтобы выявить, как размер города

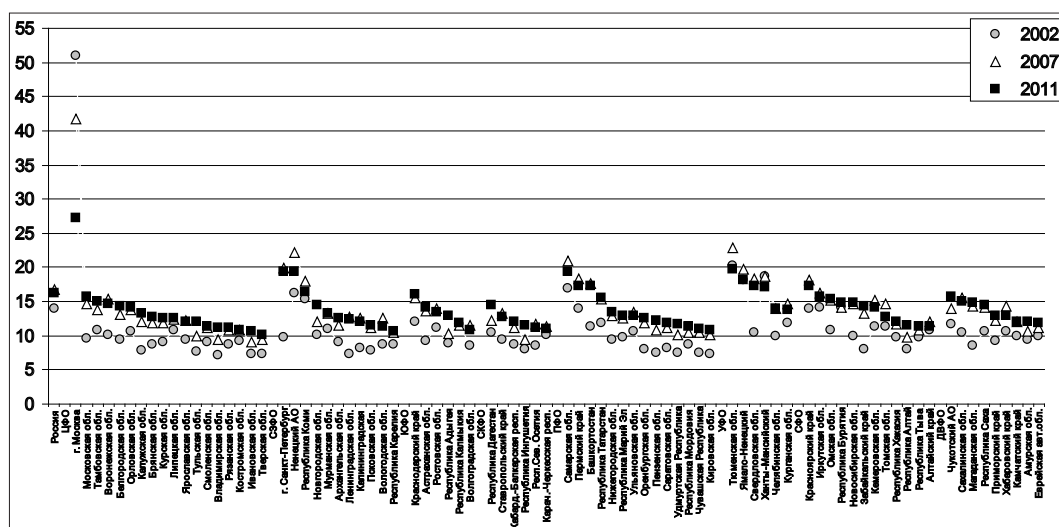

Рис. 4. Коэффициент фондов в регионах РФ
(соотношение доходов 10% населения с самыми высокими доходами
и 10% населения с самыми низкими доходами), раз

влияет на дифференциацию заработков населения. В качестве гипотезы предполагалось, что в больших городах сильнее проявляются преимущества агломерационного эффекта (концентрации населения и экономической активности, а также разнообразия видов деятельности), что способствует снижению неравенства. Очевидно, что в максимальной степени преимущества агломерационного эффекта проявляются в крупнейших городах страны – Москве и С.-Петербурге, в которых живет каждый девятый горожанин России. Чтобы выявить влияние федеральных городов, неравенство по заработной плате измерялось и для всех городов, и с исключением федеральных.

Расчеты показали, что неравенство по заработной плате для всех городов, измеряемое индексом Джини, сопоставимо с межрегиональным неравенством по этому показателю (0,200–0,220). Динамика неравенства городов менялась: оно росло в период выхода из кризиса 1998 г., а в 2002 г., когда прошло первое значительное повышение заработной платы бюджетникам, заметно сократилось (рис. 5). В последующие годы неравенство всех городов стабилизировалось, а в больших городах вновь росло. Почему дифференциация больших городов по заработной плате усилилась, в отличие от всего массива российских городов? Причина – в сильном отрыве заработной платы в федеральных городах, которые обладают максимальными

преимуществами агломерационного эффекта и статуса, что на меньшем массиве крупных городов более заметно. При исключении федеральных городов отмечается устойчивое снижение неравенства как для всех городов, так и для больших. Они становятся более однородными по заработной плате, отставая от Москвы и С.-Петербурга.

Неравенство по заработной плате, измеряемое коэффициентом вариаций, снижалось более устойчиво за весь рассматриваемый период благодаря опережающему росту заработной платы бюджетников, доля которых среди занятых выше в менее крупных городах. Но тенденции смягчения неравенства по заработной плате в городах в целом выражены слабее по сравнению с регионами России. Причина простая – на динамику неравенства городов сильнее влияют две российские столицы.

Каковы последствия этих трендов для мобильности населения? Большие российские города становятся все более однородными по заработной плате, но одновременно растут их отличия от Москвы и С.-Петербурга. В результате федеральные города все более привлекательны для мигрантов. Любые попытки снижения миграционного притока в две российские столицы будут разбиваться о «скалы» сильного неравенства по заработной плате, стимулирующего миграционный приток. До тех пор, пока большие российские города, в первую очередь миллионники,

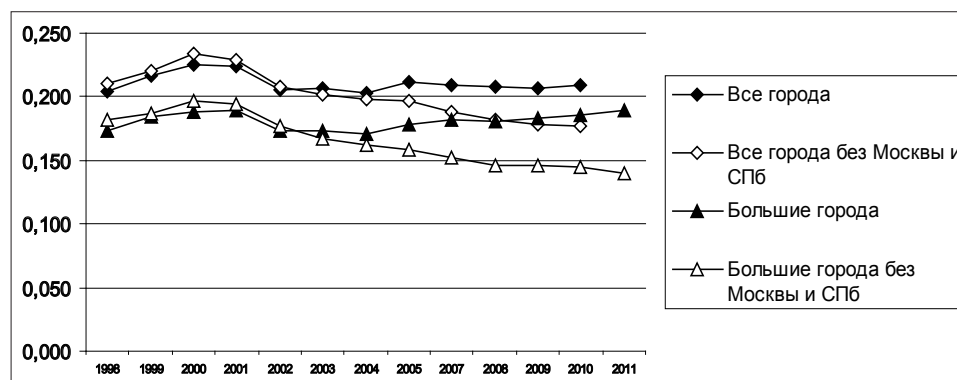

Рис. 5. Индекс Джини для неравенства средней заработной платы по городам России

Источник: расчеты по данным Росстата.

не начнут сокращать отставание в заработной плате от федеральных городов, перераспределение миграционных потоков вряд ли произойдет.

Еще один важный ракурс – динамика неравенства заработной платы в городах внутри каждого региона. Расчеты Г. Куликова для больших городов Уральского и Приволжского федеральных округов [6] показали, что в период экономического роста 2000-х гг. различия в заработной плате в региональных центрах и прочих городах региона менялись в пользу региональных «столиц». Это означает, что преимущество в заработной плате «богатых» городов экспортной промышленности, таких как Магнитогорск, Альметьевск и др., сокращалось, а отставание от региональных центров городов обрабатывающей промышленности и городов, утративших промышленные функции, нарастало. В период нового кризиса 2009 г., сильнее всего ударившего по промышленным городам, эти тенденции только усилились.

Причины опережающего роста заработной платы в региональных центрах – не только политика государства (опережающее повышение заработной платы занятых в бюджетном секторе, особенно в госуправлении, за которым не может угнаться индустриальный бизнес), но и объективные тенденции более быстрого развития сервисных функций в крупных городах-региональных центрах, создания в них новых, более высокооплачиваемых рабочих мест. В результате привлекательность промышленных городов снижается, что стимулирует миграции молодежи в региональные центры. Они все

активнее притягивают мигрантов из менее крупных городов своего региона наряду с мигрантами из депопулирующей сельской местности. Мотором является экономический фактор миграций – усиление внутрирегионального неравенства городов по заработной плате.

Политика смягчения территориального неравенства доходов населения. В современном мире есть два типа государств, способные снижать территориальное неравенство:

- экономически развитые государства с сильной адресной социальной политикой;
- авторитарные и сверхцентрализованные политические режимы, получающие и перераспределяющие огромную сырьевую ренту.

По тенденциям смягчения межрегиональных различий доходов населения Россия похожа на развитые страны континентальной Европы с сильной социальной политикой, но факторы смягчения неравенства иные: вместо усиления адресной социальной поддержки бедных основным инструментом стало опережающее повышение заработной платы в бюджетном секторе, пенсий и социальных выплат населению, основанное на перераспределении нефтегазовой ренты. Но если рента перестает расти, сократятся и возможности смягчать территориальное неравенство.

Еще один фактор смягчения территориального неравенства доходов населения – кризисные спады экономики. В России они сильнее

затрагивают развитые промышленные регионы, поскольку слаборазвитые субъекты РФ получают большие и стабильные трансферты из федерального бюджета. Но «запас прочности» федерального бюджета снижается, а с ним и возможности перераспределения. В 2013 г. экономика вновь забуксовала, нефтяные сверхдоходы не росли, поступления налога на прибыль – одного из основных источников доходов бюджетов развитых регионов – сократились на 13% к 2012 г.

Третий фактор – политика федеральных властей. С 2012 г. в соответствии с указами президента повышается заработная плата работников социальной сферы до средней зарплаты по региону. Основные расходы легли на бюджеты регионов. С одной стороны, реализация этих мер способствует смягчению межрегионального неравенства доходов населения, но цена слишком высока – бюджеты большинства регионов не имеют средств на выполнение указов. Трансферты из федерального бюджета сократились на 6% (2013 г. к 2012 г.), регионам все труднее находить финансовые источники для повышения заработной платы занятым в социальной сфере. Бюджеты регионов перегружены социальными обязательствами, в 2013 г. доля социальных расходов достигла почти двух третей всех расходов. В результате растет дефицит бюджетов (8% от доходов бюджетов в 2013 г.), регионы все сильнее залезают в долги, рушится стабильность бюджетной системы субъектов РФ. Поскольку у бюджетов регионов нет денег, выполнить президентские указы можно только путем существенного сокращения занятости в бюджетном секторе, что негативно повлияет на политическую стабильность и уровень поддержки власти. Сокращение занятости в бюджетном секторе создает спрос на альтернативные рабочие места, особенно в менее развитых регионах, но новых рабочих мест создается мало. В результате прогнозируемый рост безработицы может усилить межрегиональное неравенство по доходам населения.

Можно ожидать, что в ближайшей перспективе тенденция смягчения межрегиональных различий доходов населения и заработной платы прервется. Основная причина – ухудшение экономической ситуации в стране и сокращение финансовых ресурсов для перераспределения. Территориальное

выравнивание, проводимое сверхцентрализованной системой управления, перераспределяющей сырьевую ренту, было вполне успешным на коротком временном отрезке, но постепенно эта модель становится все менее эффективной.

Что же взамен? С одной стороны, Россия уже достигла того уровня экономического развития, при котором прекратился рост межрегионального неравенства доходов населения в большинстве развитых стран. По данным Мирового банка [14], ресурсы для выравнивающей политики появляются при душевом ВВП свыше 10–15 тыс. долл. по паритету покупательной способности (ППС), а в России этот показатель превысил 20 тыс. долл. ППС в 2013 г. С другой стороны, для снижения межрегионального неравенства по доходам нужна эффективная и таргетированная социальная политика, нацеленная на поддержку бедных. Однако российские власти и общество пока не готовы ни к контролю доходов населения, без чего невозможна адресная поддержка бедных, ни к усилению перераспределения в пользу низкодоходных и зачастую маргинальных групп населения, доля которых среди бедных растет по мере снижения уровня бедности.

Неравенство российских городов по заработной плате снижается, но при исключении федеральных городов. Два крупнейших города страны – Москва и С.-Петербург – обладают максимальными конкурентными преимуществами и поэтому усиливают межгородское неравенство. В теории неравенство рассматривается не только как социальный риск, но и как «мотор» территориальной мобильности населения. Но пока особые преимущества федеральных городов подавляют конкуренцию других крупных городов за инвестиционные и человеческие ресурсы, даже если в последних быстрее реформируется институциональная среда, улучшаются условия и качество жизни населения. Исследование показало, что институциональные преимущества федеральных городов тормозят развитие других крупных городов России.

В целом, экономическое неравенство регионов и городов является не только проблемой, но и фактором развития. Использование этого фактора зависит от политики властей и от готовности территориальных и городских сообществ к конкуренции за человеческие

и инвестиционные ресурсы. В российском обществе пока нет понимания, что экономическое территориальное неравенство может стимулировать развитие всей страны. Требуют уточнения и приоритеты социального развития – территориальное выравнивание

доходов населения не самоцель, а инструмент инвестирования в человеческий капитал менее развитых регионов. Такая политика повышает мобильность и адаптивность населения менее развитых территорий и обеспечивает устойчивое развитие России.

Библиографический список

1. Глуценко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам: учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2010.
2. Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е. и др. Факторы экономического роста в регионах РФ. – М.: ИЭПП, 2005.
3. Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 38–53.
4. Зубаревич Н. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: НИСП, 2010.
5. Иванов Д.С. Роль сектора услуг в региональном неравенстве занятости и заработной платы в 2000-е годы // Региональные исследования. – 2011. – № 1. – С. 91–98.
6. Куликов Г.К. Крупные города – точки роста Урало-Поволжья // Региональные исследования. – 2008. – № 6. – С. 42–53.
7. Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. – 2009. – Т. 45. – № 2. – С. 31–36.
8. Михеева Н.Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. – 1999. – № 5. – С. 91–102.
9. Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. «Сильные» и «слабые» города России // Полюсы и центры роста в региональном развитии / Под ред. Ю. Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 1998. – С. 135–143.
10. Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 42–57.
11. Обзор социальной политики в России: начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой / Н.В. Зубаревич. Д.Х. Ибрагимова и др. – М.: НИСП, 2007.
12. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. [О. Луговой и др.] – М.: ИЭПП, 2007.
13. Martin P. The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. – 2005. – № 12. – P. 83–108.
14. World Development Report 2009. Reshaping economic geography. – World Bank, 2009. (Мировой доклад о развитии 2009. Пересматривая экономическую географию. – Мировой банк, 2009).
15. Zubarevich N., Safronov S. Regional inequality in large post-soviet countries // Regional research of Russia (RRR). – 2011. – Vol. 1. – № 1. – P. 15–26.

Казьмин М.А. (Москва)

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ОБОРОТ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Kazmin M.A.

LAND MARKET IN POST-SOVIET RUSSIA: REGIONAL ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассматриваются территориальные особенности и современные тенденции земельного оборота в регионах России на примере сделок купли-продажи, аренды и залога земельных участков.

Abstract. This article discusses the territorial characteristics and current trends of land use and Land Market in regions of Russia as an example of sales transactions and lease of land steads

Ключевые слова: земельный оборот, земельный рынок, земельная собственность, рыночные и вне-рыночные сделки с земельными участками.

Keywords: land use and land market, land ownership, market and non-market transactions with land steads

Введение. Успех современных экономических преобразований в стране во многом зависит от создания и эффективного функци-

онирования земельных отношений, важной составной частью которых является оборот земельных участков. Земельный оборот Рос-

сии имеет свои специфические особенности, и уровень его развития находится в большой зависимости от природных и социально-экономических условий отдельных регионов. Ему присущи сезонные колебания и большая дифференциация цен в зависимости от местоположения участка, развития инженерной инфраструктуры и экологических условий.

Земельный оборот сопровождается относительная сложность оформления сделок, поскольку законодательно оговаривается рядом формальностей, условий и норм. Другой особенностью является наличие собственной обслуживающей инфраструктуры. Как правило, сделки с землей проводятся специализированными структурами – службами земельного кадастра, землеустроительными организациями, органами государственной регистрации. Создание эффективного оборота земли находится в большой зависимости от уровня развития финансовой и юридической инфраструктуры – банковских, страховых, инвестиционных подразделений, а также земельных судов, земельного нотариата и др. институтов.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении территориальных особенностей становления и развития земельного оборота в регионах России с разными природными и социально-экономическими условиями.

Информационная база исследования. В настоящее время общество испытывает явный дефицит информации о земельном обороте и рынке земельных участков, о чем неоднократно заявляли руководители страны. Земельный рынок по-прежнему остается в значительной степени непрозрачным, и многие сделки проходят по спекулятивному сценарию.

Общее представление о современном уровне развития российского земельного оборота дают данные, ежегодно публикуемые Росреестром в государственном (национальном) докладе «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации». В докладе приводится база статистических данных о ежегодном количестве и площади совершенных сделок по стране в целом и субъектам РФ, а также краткий анализ происходящих на рынке процессов. Национальные доклады в стране стали публиковаться регулярно с 1991 г., но раздел «Земельный рынок и налогообложение земель» в структуре доклада впервые появился в 1996 г., где был представлен краткий обзор рыночной

ситуации, сложившейся в России в этом году. В последующие годы объем данного раздела существенно увеличился за счет большей информативности и подробного анализа, но стоимостные показатели в нем представлены ограниченно только на уровне страны и отдельных федеральных округов.

В национальном докладе публикуются статистические данные о различных категориях сделок – аренде государственных и муниципальных земель, продаже прав аренды, купле-продаже частных, государственных и муниципальных земель, наследовании, дарении и залоге земельных участков, которые в процессе проведенного анализа были объединены в группы рыночных и внерыночных операций. Собственно к рыночным операциям относятся сделки продажи прав аренды и купли-продажи частных, государственных и муниципальных земель, а все остальные сделки составляют внерыночный оборот земельных участков. В процессе исследования отдельно рассматривались сделки совершенные с частными землями, землями государства и муниципалитетов, а также операции с землями населенных пунктов и внеселитебных территорий.

Наиболее полные данные о земельном обороте впервые были опубликованы в национальном докладе в 2003 г., который и был взят за начальную точку отсчета проведенных исследований. Помимо представленных статистических материалов о площади и количестве сделок с земельными участками по субъектам РФ, в данной работе были рассчитаны среднегодовые показатели за последние пять лет в целом по стране, по отдельным экономическим районам и субъектам федерации за 2008–2012 гг. Эти расчеты позволили сгладить значительную дифференциацию в ежегодной статистической отчетности и дать более объективный анализ современных тенденций развития земельного оборота. Для отображения специфики оборота земельных участков в работе был произведен расчет системы относительных статистических показателей, отражающих его динамику и специализацию, на основе которых были построены карты.

По данным государственного доклада в последнее время в России ежегодно заключается около 2,8 млн сделок с земельными участками, а вовлеченная в них площадь равна 50 млн га., что составляет 3% земельного фонда страны [6]. Эта незначительная доля

объясняется тем, что большая часть земель исключена из рыночного оборота, так как на них не распространился процесс расгосударствления и приватизации. Это касается земель лесного и водного фонда, природоохранного назначения, промышленности, транспорта, связи, обороны и иного несельскохозяйственного назначения. В земельный оборот и рынок попадают в основном земли населенных пунктов и сельскохозяйственные угодья, которые в совокупности занимают около четверти всей земельной площади страны. Именно эти категории земель и составляют основу формирующегося в стране земельного рынка.

Итоги приватизации земель. Территориальный анализ итогов приватизации земельных участков показал, что в целом по России и во многих субъектах федерации государственные и муниципальные земли по-прежнему составляют большую часть площади всех земель. В отличие от них, частные земли преобладают в регионах, расположенных в наиболее сельскохозяйственно освоенных местностях в пределах степной и лесостепной природных зон (табл. 1, рис. 1). Так, более 60% общей площади субъектов передано в частную собственность в Ставропольском крае, Ростовской, Липецкой, Курской, Тамбовской, Саратовской, Оренбургской и Орловской областях, более 50% – в Волгоградской, Воронежской, Тульской и Самарской областях.

Противоположная картина, когда в частную собственность передана минимальная площадь земель (менее 1% площади субъекта РФ), характерна для большинства регионов Северного Кавказа, Европейского Севера и Дальнего Востока. По данным Росреестра на 1 января 2013 г. минимальная площадь частных земель (до 10,0 тыс. га) зафиксирована в Чеченской республике, Республиках Ингушетия, Северная Осетия и Дагестан, а также в Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах и в Магаданской области.

Сдержанное отношение к реформированию земельных отношений в ряде республик и автономных округов сложилось в силу специфических природных условий, низкой хозяйственной освоенности их территорий, национальных и религиозных традиций. Органы государственной власти этих субъектов федерации не активизировали процессы, связанные с приватизацией земли, поскольку значительная часть мест приложения труда сосредоточена в аграрном секторе экономики, который для большинства населения служит единственным источником средств существования. Национальные традиции и образ жизни местного населения, значительную часть которого составляют крестьяне, так или иначе, связаны с совместным использованием земельных угодий.

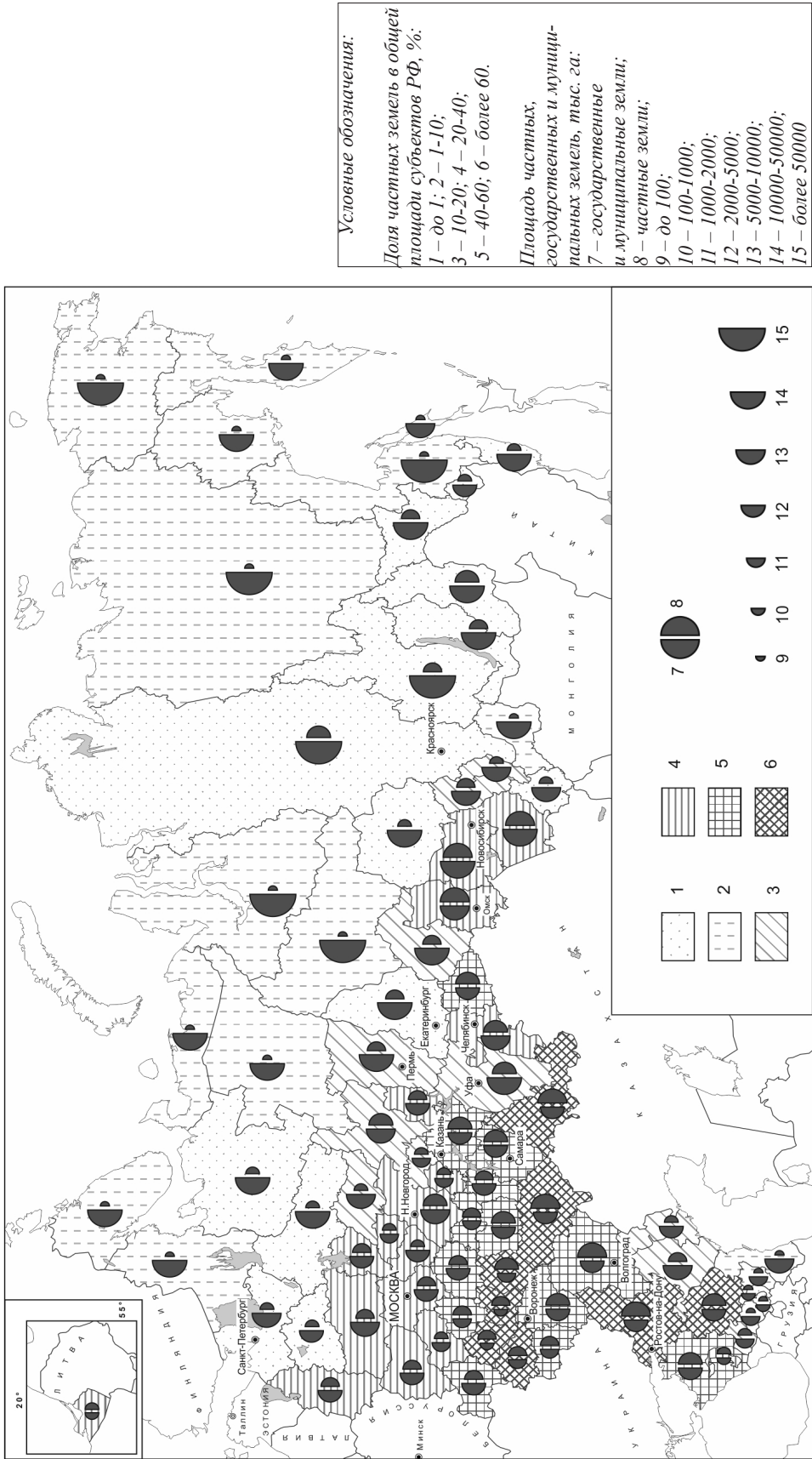
Количество и площадь сделок с земельными участками. Отчетливое представление об участках, находящихся в земельном

Таблица 1

Площадь и структура земель по формам собственности в экономических районах России (на 1 января 2013 г.)

Экономические районы	Общая площадь, млн га	Частные земли		Государственные и муниципальные земли	
		млн га	% от общей площади	млн га	% от общей площади
Северный	147,7	1,6	1,1	146,1	98,9
Северо-Западный	21,0	3,3	15,5	17,8	84,5
Центральный	48,2	14,8	30,6	33,5	69,4
Волго-Вятский	26,5	6,7	25,5	19,7	74,5
Центрально-Черноземный	16,8	9,9	59,0	6,9	41,0
Поволжский	54,0	25,2	46,8	28,7	53,2
Северокавказский	35,5	15,2	42,8	20,3	57,2
Уральский	82,3	20,7	25,2	61,6	74,8
Западно-Сибирский	245,4	22,2	9,0	223,2	91,0
Восточно-Сибирский	415,5	11,0	2,6	404,5	97,4
Дальневосточный	616,9	2,4	0,4	614,5	99,6
ИТОГО	1709,8	133,0	7,8	1576,8	92,2

Источник: [6].

обороте, дают данные о площади и количестве сделок за период с 2008 по 2012 гг., которые были сведены по экономическим районам страны (табл. 2, 3). Основной спрос на землю в эти годы был локализован в центральных и южных частях России, а также в крупных городах и пригородных зонах крупнейших агломераций. Подтверждением тому является тот факт, что на протяжении последних лет пятая часть общего количества операций с земельными участками приходилась на Центральный экономический район, а в совокупности с Уральским, Северокавказским и Поволжским районами эта доля составляла около 60%.

По сравнению с количеством совершенных сделок иная картина наблюдалась в распределении площадей, вовлеченных в земельный оборот, что объясняется включением огромных территорий арендуемых земель в трех восточных районах страны. Так, на долю Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов в последние годы суммарно приходилось 60% площади всех операций с землей. Лидерами среди субъектов феде-

Таблица 2

Среднегодовое количество сделок с земельными участками по экономическим районам России (2008–2012 гг.)

Экономические районы	Все сделки		в том числе:			
			рыночные сделки		внерыночные сделки	
	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место
Северный	72,1	3,3 - 11	25,7	2,2 - 11	46,4	4,6 - 11
Северо-Западный	113,9	5,3 - 9	63,2	5,5 - 7	50,7	5,0 - 9
Центральный	442,0	20,4 - 1	230,6	20,1 - 1	211,4	20,8 - 1
Волго-Вятский	132,9	6,1 - 7	59,8	5,2 - 9	73,1	7,2 - 7
Центрально-Черноземный	163,7	7,6 - 6	86,4	7,5 - 6	77,3	7,6 - 6
Поволжский	235,5	10,9 - 4	126,3	11,0 - 4	109,2	10,7 - 4
Северокавказский	239,9	11,1 - 3	155,0	13,5 - 3	84,9	8,4 - 5
Уральский	320,9	14,8 - 2	186,4	16,2 - 2	134,5	13,2 - 2
Западно-Сибирский	226,1	10,4 - 5	116,9	10,2 - 5	109,2	10,8 - 3
Восточно-Сибирский	132,3	6,1 - 8	60,8	5,3 - 8	71,5	7,0 - 8
Дальневосточный	85,2	3,9 - 10	37,4	3,3 - 10	47,8	4,7 - 10
ИТОГО	2164,5	100,0	1148,5	100,0	1016,0	100,0

Источник: [2, 3, 4, 5, 6].

Таблица 3

Среднегодовая площадь сделок с земельными участками по экономическим районам России (2008–2012 гг.)

Экономические районы	Все сделки		в том числе:			
			рыночные сделки		внерыночные сделки	
	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место
Северный	1770,8	6,5 - 6	114,1	3,6 - 10	1656,7	6,9 - 4
Северо-Западный	314,8	1,2 - 11	123,8	3,9 - 9	191,0	0,8 - 11
Центральный	1601,8	5,9 - 7	637,9	20,3 - 1	963,9	4,0 - 7
Волго-Вятский	570,4	2,1 - 10	219,6	7,0 - 6	350,8	1,5 - 10
Центрально-Черноземный	1220,8	4,5 - 8	358,1	11,4 - 3	862,7	3,6 - 8
Поволжский	2079,8	7,7 - 4	512,0	16,3 - 2	1567,8	6,5 - 6
Северокавказский	770,2	2,8 - 9	339,5	10,8 - 5	430,7	1,8 - 9
Уральский	1917,8	7,1 - 5	347,5	11,1 - 4	1570,3	6,5 - 5
Западно-Сибирский	5093,7	18,8 - 3	218,9	7,0 - 7	4874,8	20,3 - 3
Восточно-Сибирский	6429,3	23,7 - 1	175,1	5,6 - 8	6254,2	26,1 - 1
Дальневосточный	5359,7	19,8 - 2	93,7	3,0 - 11	5266,0	22,0 - 2
ИТОГО	27129,1	100,0	3140,2	100,0	23988,9	100,0

Источник: [2, 3, 4, 5, 6].

рации выступали Красноярский край, Магаданская область, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, в каждом из которых общая среднегодовая площадь всех сделок составляла более 1 млн га (рис. 2).

Рыночные и внерыночные сделки с земельными участками. Анализируя структуру операций с земельными участками в стране за период с 2008 по 2012 г., можно отметить, что среднегодовое соотношение количества рыночных и внерыночных сделок с землей примерно одинаково. По сравнению с 2003 г. число рыночных сделок к 2012 г. выросло в 3,5 раза, в то время как внерыночных – только в 2. В большинстве экономических районов основная часть совершенных операций приходилась на куплю-продажу частных земель и аренду государственных и муниципальных земель, в совокупности составляющих около половины среднегодового числа всех сделок.

В отличие от количества сделок, большая часть площади в период с 2008 по 2012 г. относилась к внерыночным операциям. Среди них примерно 3/4 приходилось на аренду государственных и муниципальных земель, при этом по сравнению с 2003 г. площадь рыночных сделок выросла в 36 раз, в то время как внерыночных – только в 1,4 раза. В экономических районах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока доля площади аренды составляла более 90%. В районах центра и северо-запада Европейской России наибольшая доля в площади операций с землей приходилась на куплю-продажу частных земельных участков.

В структуре рыночных операций, совершенных в России за исследуемый период, на сделки купли-продажи частных, государственных и муниципальных земель приходилась основная часть площади, при этом в их составе сделки с частными землями имели гораздо более высокие темпы роста по сравнению с государственными и муниципальными земельными участками. Так, в период с 2003 по 2012 г. площадь рыночных операций с частными землями выросла в 52 раза, в то время как государственных и муниципальных – только в 15 раз. Особенно явно тенденция роста проявилась после экономического кризиса 2008 г.

Данные государственного (национального) доклада дают возможность в общих чертах

рассмотреть структуру сделок купли-продажи в поселениях и за их пределами. Так, среди покупателей государственных и муниципальных земельных участков преобладали сделки, совершенные крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и сельскохозяйственными организациями для развития агропроизводства. Основными покупателями земельных участков в границах поселений являлись граждане, использующие их для индивидуального жилищного и дачного строительства, расширения личного подсобного хозяйства, садоводства и огородничества, а также юридические лица для развития несельскохозяйственных функций. Иная картина наблюдалась среди покупателей частных земель, основные приоритеты граждан и юридических лиц, согласно опубликованным данным, были связаны с развитием несельскохозяйственных и неселитебных функций.

Купля-продажа земельных участков.

Анализ распределения экономических районов по площади совершенных рыночных сделок показал, что ведущие позиции среди них в период с 2008 по 2012 г. занимали районы Европейской России – Центральный, Поволжский и Центральнo-Черноземный, на которые в совокупности приходилось около 50% площади всех операций купли-продажи земельных участков в стране. Высокая доля данных сделок также характерна для Уральского и Северокавказского районов. Лидерами по площади операций купли-продажи среди российских регионов в этот период являлись Республика Татарстан, Воронежская, Ростовская и Саратовская области, каждая из которых имела среднегодовой показатель площади сделок более 100 тыс. га (табл. 4, рис. 3).

Анализ распределения количества сделок купли-продажи среди субъектов федерации показал тесную взаимосвязь с численностью населения. Так, за исследуемый период среди лидеров по данному показателю были отмечены территории вокруг крупных городов и прежде всего городов-миллионеров. Так, в Московской, Ленинградской, Ростовской, Свердловской, Челябинской, Нижегородской, Тульской областях, Краснодарском крае, Республиках Татарстан и Башкортостан в среднем за год совершалось более 30 тыс. сделок купли-продажи земельных участков в основном для селитебных и сельскохозяйственных целей (рис. 4).

*Среднегодовая площадь сделок купли-продажи земельных участков
по экономическим районам России (2008–2012 гг.)*

Экономические районы	Все сделки		в том числе:			
			сделки с частными землями		сделки с государственными и муниципальными землями	
	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место
Северный	90,6	3,2 - 10	81,4	3,5 - 10	9,2	1,7 - 11
Северо-Западный	115,9	4,1 - 9	102,3	4,4 - 9	13,6	2,6 - 10
Центральный	620,1	21,7 - 1	523,2	22,5 - 1	96,9	18,3 - 2
Волго-Вятский	206,2	7,2 - 6	180,3	7,7 - 6	25,9	4,9 - 8
Центрально-Черноземный	332,1	11,6 - 3	289,0	12,4 - 3	43,1	8,1 - 6
Поволжский	460,2	16,1 - 2	336,9	14,5 - 2	123,3	23,2 - 1
Северокавказский	294,0	10,3 - 5	225,4	9,7 - 5	68,6	12,9 - 3
Уральский	322,4	11,3 - 4	269,7	11,6 - 4	52,7	9,9 - 4
Западно-Сибирский	198,6	6,9 - 7	152,8	6,6 - 7	45,8	8,6 - 5
Восточно-Сибирский	143,1	5,0 - 8	109,5	4,7 - 8	33,6	6,3 - 7
Дальневосточный	77,2	2,7 - 11	59,3	2,5 - 11	17,9	3,4 - 9
ИТОГО	2860,4	100,0	2329,8	100,0	530,6	100,0

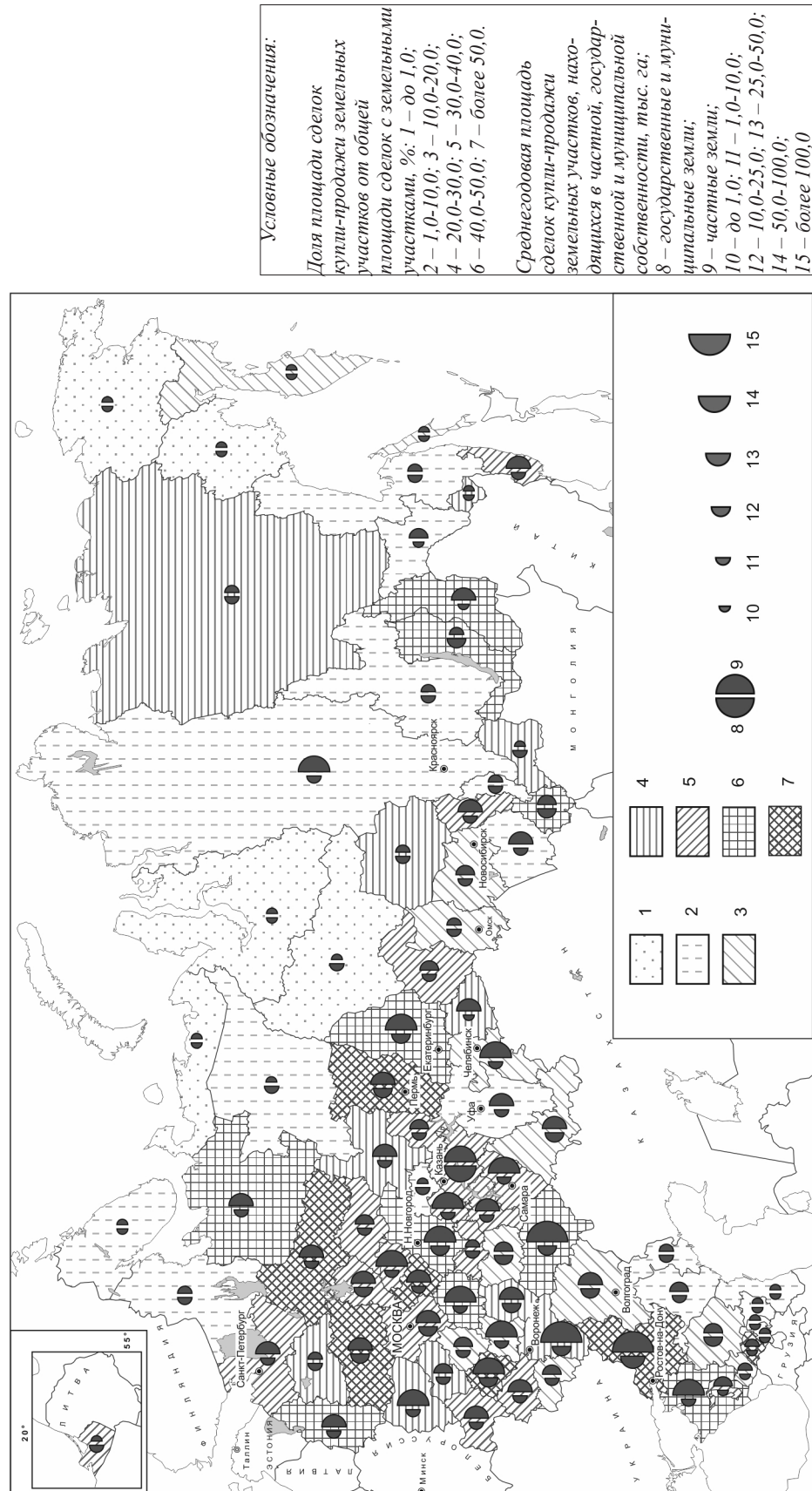
Источник: [2, 3, 4, 5, 6].

Аренда земельных участков. Среди вне-рыночных сделок с земельными участками важное место занимала аренда, на долю которой в период с 2008 по 2012 г. приходилось около 3/4 площади всех сделок. Площадь земель, находящихся в арендном землепользовании в стране, постоянно увеличивается. Это свидетельствует о том, что аренда превращается в важную составляющую земельного оборота. Рост площади аренды происходит в основном за счет земель, расположенных вне населенных пунктов и, прежде всего сельскохозяйственных угодий, которые составляют более 2/3 среднегодовой площади сделок аренды, совершенных в последние годы. Арендаторами являются сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, граждане и их объединения.

Наибольшая площадь арендованных земель в период с 2008 по 2012 г. приходилась на восточные районы страны и Европейский Север, что в первую очередь связано с использованием оленьих пастбищ в условиях северной тайги и лесотундры. Эти же районы выделяются максимальной средней площадью одной сделки (табл. 5). В южных полупустынных и сухостепных регионах страны значительная площадь земель арендуется для выпаса овец и крупного рогатого скота (рис. 5).

Залог земельных участков. В последние годы в стране активно развивается залог земельных участков с целью получения кредита, однако ипотечные операции в России еще не получили должного масштаба, о чем свидетельствуют малое количество залоговых операций, небольшая площадь заложенных земель и ограниченное территориальное распространение этого вида сделок. Специалисты в области финансов, земельного рынка и экономики сельского хозяйства указывают причины неразвитости земельной ипотеки, которые в основном, относятся к экономико-правовой сфере:

- неразвитость в целом рынка земли;
- отсутствие единой методики рыночной оценки земельных участков;
- недостаточное развитие сети банковских учреждений, занимающихся ипотечным кредитованием;
- слабое развитие земельно-рыночной и финансовой инфраструктуры;
- отсутствие достоверной информации о состоянии земель, землевладельцах и землепользователях;
- отсутствие опыта долгосрочного кредитования у большинства российских банков;
- низкая ликвидность заложенных земель и в первую очередь сельскохозяйственных угодий [7, 9, 10].

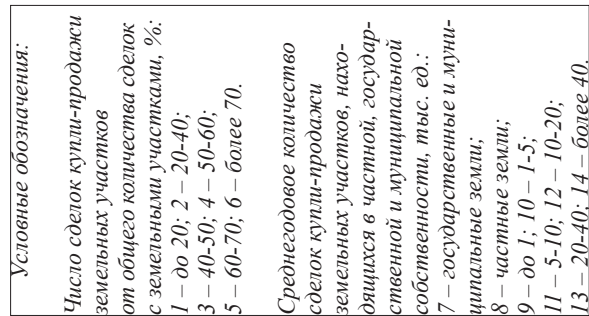

Рис. 4. Среднегодовое количество сделок купли-продажи земельных участков (2008–2012 гг.).

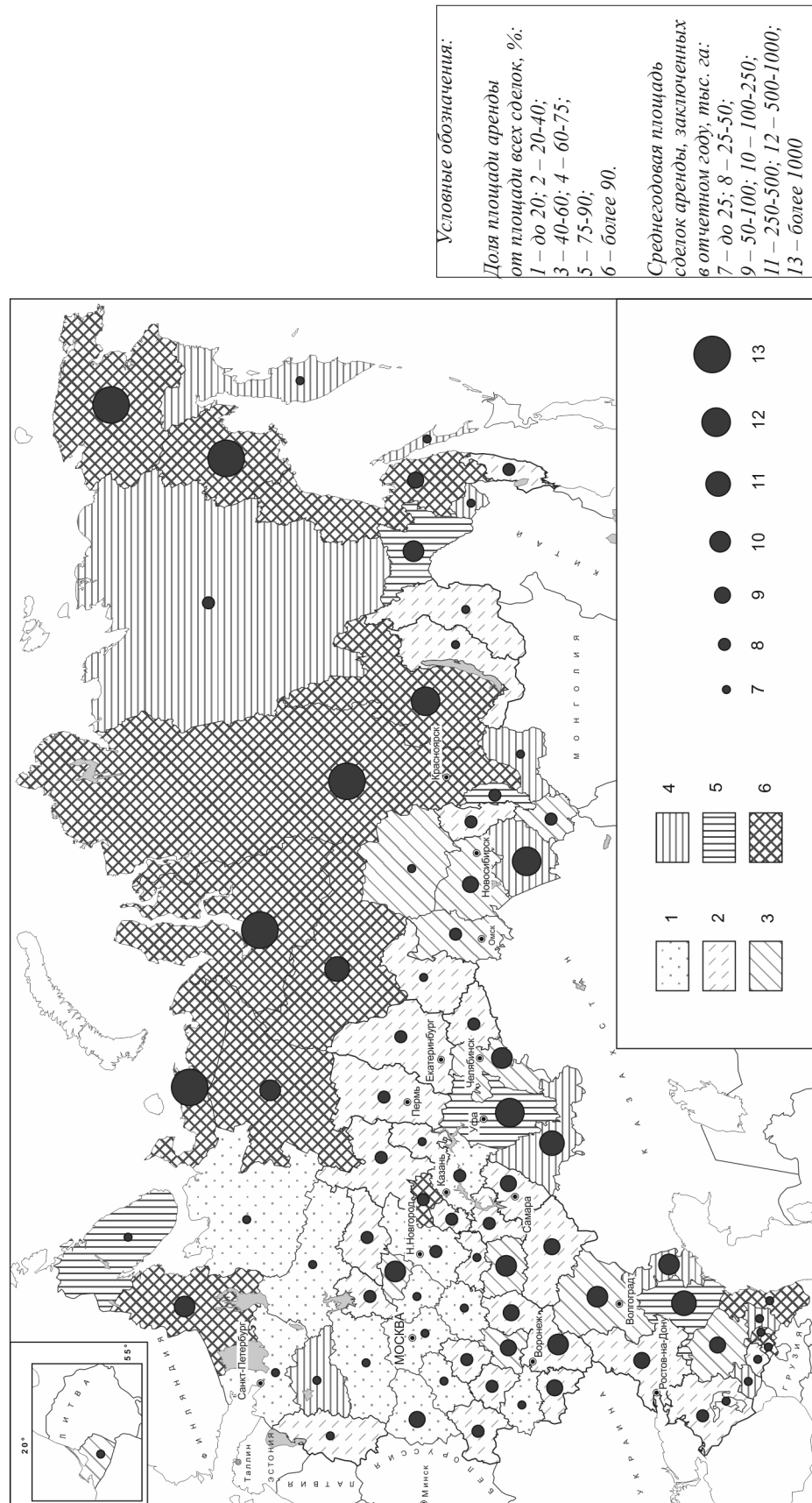

Рис. 5. Среднегодовая площадь аренды земельных участков, заключенных в отчетном году в субъектах РФ за период с 2008 по 2012 г.

Таблица 5

Среднегодовое количество и площадь сделок аренды земельных участков, совершенных в отчетном году по экономическим районам России (2008–2012 гг.)

Экономические районы	Количество сделок		Площадь сделок		Площадь одной сделки, га
	тыс. ед.	% к итогу – занимаемое место	тыс. га	% к итогу – занимаемое место	
Северный	25,6	5,9 - 9	1618,0	7,7 - 4	63,1
Северо-Западный	21,9	5,1 - 10	69,5	0,3 - 11	3,2
Центральный	60,0	13,9 - 2	407,2	1,9 - 8	6,8
Волго-Вятский	21,5	5,0 - 11	148,0	0,7 - 10	6,9
Центрально-Черноземный	29,3	6,8 - 7	439,8	2,1 - 7	15,0
Поволжский	36,2	8,4 - 5	966,5	4,6 - 6	26,7
Северокавказский	26,5	6,1 - 8	268,4	1,3 - 9	10,1
Уральский	58,1	13,5 - 3	1224,5	5,8 - 5	21,1
Западно-Сибирский	67,8	15,7 - 1	4576,9	21,8 - 3	67,5
Восточно-Сибирский	49,5	11,5 - 4	6083,1	29,0 - 1	122,9
Дальневосточный	35,0	8,1 - 6	5199,2	24,8 - 2	148,4
ИТОГО	4314,4	100,0	21001,1	100,0	48,7

Источник: [2, 3, 4, 5, 6].

Материалы современной статистики, свидетельствуют, что ипотека является не самой масштабной сделкой с земельными участками. В последние годы количество и площадь сделок залога составляла около 4% всех операций с земельными участками, совершенными в отчетном году. Анализ новейших сведений об изменении количества сделок и площади земель, заложенных для получения ипотечного кредита, показывает, что начало современной тенденции их роста было положено в 2006 г., когда за год произошло удвоение числа залоговых операций и десятикратное увеличение площади заложенных земель.

Несмотря на существенный рост площади заложенных земель, их современный массив многократно меньше, чем в период начала XX в. В 2012 г. по данным государственного (национального) доклада в стране было совершено около 150 тыс. ипотечных операций, заложено около 2,4 млн га земель в основном сельскохозяйственного назначения, что более, чем в 30 раз меньше того, что находилось в залоге в царской России на 1 января 1914 г. Современный массив заложенных земель занимает лишь 1,8% площади частного землевладения в то время как к началу 1914 г. этот показатель составлял 60%. В тот период в залоге находилось 483,6 тыс. имений с 63,8 млн десятин земли [1].

В последние годы наибольшее число залоговых операций с земельными участками

было зарегистрировано в аграрных регионах и вблизи крупных городов Центральной России, Поволжья и Сибири, что лишний раз доказывает необходимость развития этого банковского сектора для целей финансирования сельского хозяйства и жилищного строительства. Данные за 2012 г. свидетельствуют, что на субъекты РФ, входящие в состав Центрального, Сибирского и Приволжского федеральных округов приходилось более 80% общего количества сделок залога земельных участков. Среди регионов-лидеров по ежегодному количеству сделок в 2012 г. выделялись Белгородская, Липецкая, Нижегородская, Самарская области, Краснодарский, Красноярский и Ставропольский края, в каждом из которых число залоговых операций превышало 5 тыс. единиц.

В большинстве регионов современной России для получения кредита заложены относительно небольшие площади земель. В число субъектов РФ с наибольшей площадью в основном входят сельскохозяйственные регионы, расположенные в пределах степной и лесостепной природных зон, а также высокоурбанизированные территории вокруг крупных городов. Это объясняется достаточно высокой ликвидностью сельскохозяйственных земельных участков с плодородными черноземными почвами и пригородных селитебных территорий, которые в случае невозврата ипотечного кредита могут быть реализованы без больших осложнений. С другой стороны

земельная ипотека получила недостаточное развитие в ряде республик Северного Кавказа и на наиболее удаленных участках севера страны, где практически отсутствует частная собственность на землю (рис. 6).

На общем фоне выделяются регионы Центрального федерального округа, где в 2012 г. было сосредоточено около 42% заложенных в стране земель (табл. 6). Так, среди субъектов округа залог получил наибольшее развитие в аграрных областях черноземной зоны (Липецкая и Воронежская), где в каждой из них в ипотеке находилось более 100 тыс. га. Также в числе регионов-лидеров по площади залога выделялись Приволжский (Пензенская, Саратовская, Самарская, Оренбургская области и Республика Татарстан) и Сибирский федеральные округа (Алтайский и Красноярский края), совокупная доля площади земельной ипотеки которых составляла около 85% общероссийской.

Минимальная площадь заложенных земель характерна для субъектов Северокавказского федерального округа, учитывая тот факт, что при небольшом количестве сделок ипотеки в Республике Ингушетии и Чеченской Республике, выделяется Ставропольский край, где в 2012 г. в ипотечных операциях было заложено более 10 тыс. га.

Важным индикатором, характеризующим уровень развития земельной ипотеки, является доля заложенных земель от общей площади частного землевладения. По этому показателю лидером среди федеральных округов страны является Центральный, где в 2012 г. этот индикатор составил 4,1%. В Дальневосточном федеральном округе в ипотечных кредитах были задействованы минимальные площади земель, находящихся в частной собственности физических и юридических лиц.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в структуре земель, заложенных для получения ипотечного кредита, сельскохозяйственные земли занимали гораздо больший удельный вес по сравнению с селитебными территориями. Этот факт объясняется лучшей юридической проработкой норм и правил залога сельских территорий. Роль сельскохозяйственных земель в операциях ипотеки существенно возрастает в аграрных регионах Приволжского федерального округа, где их доля составляет более 90% общей площади заложенных земель. В регионах Сибирского

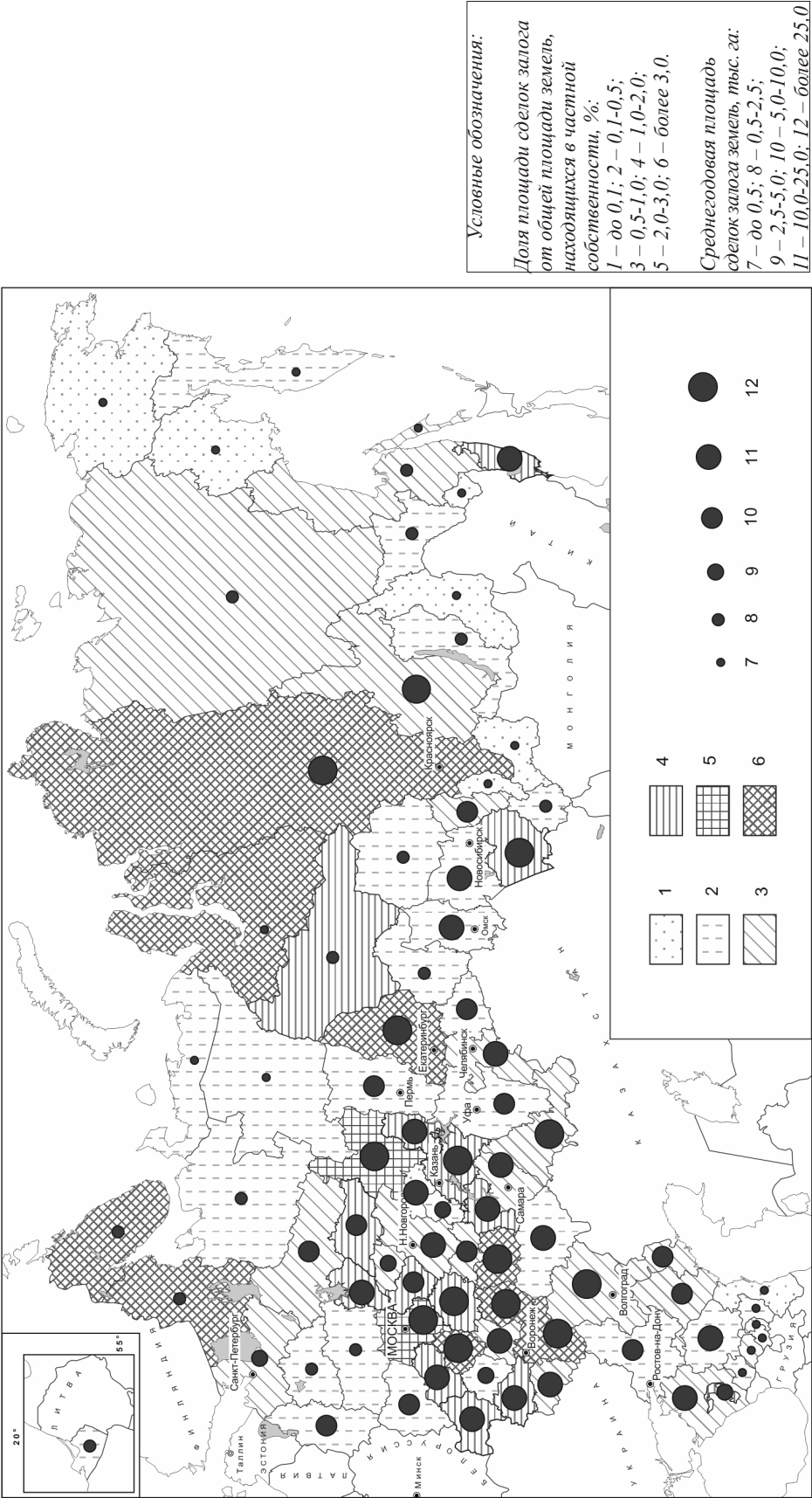
и Уральского федеральных округов для получения ипотечного кредита закладывают как сельскохозяйственные, так и селитебные земли, имеющие примерно равные доли.

Средний размер заложенного в банке земельного участка в 2012 г. в субъектах РФ составлял около 16 га, при этом в половине регионов страны его площадь не превышала 10 га. На общем фоне выделяются сельскохозяйственные регионы Центрального и Приволжского федеральных округов, где средняя площадь заложенного участка составляла более 20 га.

Заключение. Анализируя современную трансформацию земельного рынка и его территориальные особенности, необходимо констатировать, что начало его формирования было положено в середине 1990-х гг., когда в стране была создана необходимая нормативно-законодательная база для трансформации земельных отношений, приватизации и расгосударствления земельных участков. Согласно действующему законодательству в настоящее время регулирование земельных отношений находится в совместном ведении государственных и муниципальных органов власти, что нашло отражение в специфике земельного оборота в регионах России, находящихся в разных природных и социально-экономических условиях.

Оценивая ход земельного оборота в стране, необходимо отметить, что начальный период до 2008 г. характеризовался постепенным ростом числа и площади сделок с земельными участками, который существенно усилился после экономического кризиса 2008 г. В посткризисные годы темпы роста площади сделок существенно превышали изменение их количества. Подтверждением является тот факт, что к 2012 г., по сравнению с 2008 г. ежегодное количество сделок всех операций с земельными участками увеличилось почти в 2 раза, а их площадь – в 3,2 раза.

Наибольший абсолютный прирост площади сделок в этот период наблюдался в Центральном и Центрально-Черноземном районах, которые в совокупности давали более половины всего прироста площади в стране, в отличие от регионов Европейского Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока, где площадь сделок постепенно сокращалась. Данная ситуация объясняется разной структурой собственности участков,

*Площадь земель, заложенных для получения ипотечного кредита
в федеральных округах России (2012 г.)*

Федеральные округа	Сделки залога		Площадь частных земель	Все заложенные земли				Заложенные земли сельскохозяйственного назначения		
	количество, ед.	% к итогу	тыс. га	тыс. га	% к итогу	% от площади частных земель	средняя площадь 1 сделки, га	тыс. га	% к итогу	% от площади заложенных земель
Центральный	38881	26,1	24657,6	1017,5	41,6	4,1	26,2	912,6	45,0	89,7
Северо-Западный	6359	4,3	4874,5	43,4	1,8	0,9	6,8	31,2	1,6	71,9
Южный	30130	20,3	19621,0	241,3	9,9	0,8	8,0	198,0	9,8	82,1
Северокавказский	9809	6,6	4679,2	13,4	0,6	1,2	1,4	8,6	0,4	64,2
Приволжский	31930	21,4	35781,3	693,7	28,3	1,9	21,7	661,9	32,7	95,4
Уральский	7181	4,8	9746,8	84,3	3,4	0,9	11,7	51,1	2,5	60,6
Сибирский	21750	14,6	31237,1	340,3	13,9	1,1	15,6	154,2	7,6	45,3
Дальневосточный	2892	1,9	2404,6	13,3	0,5	0,6	4,6	8,7	0,4	65,4
ИТОГО	148932	100,0	133002,1	2447,2	100,0	1,8	16,4	2026,3	100,0	82,8

Источник: [6].

попавших в земельный оборот. В первом случае преобладали сделки с частными селитебными и сельскохозяйственными землями, а во втором – с государственными и муниципальными землями, сдаваемыми в аренду.

За исследуемый период увеличение площади сделок с земельными участками в стране происходило за счет рыночных операций и главным образом купли-продажи земель гражданами и юридическими лицами. Этот рост имел место во всех экономических районах, при этом 2/3 площади прироста пришлось на четыре района Европейской России – Центральный, Центральнo-Черноземный, Поволжский и Северокавказский. Площадь вне рыночных сделок в стране за этот период сокращалась в основном за счет уменьшения аренды государственных и муниципальных земель.

Говоря о рынке земельных участков, необходимо отметить, что он получил наибольшее развитие в ряде районов Европейской России (Центральный, Северо-Западный и Волго-Вятский), где доля сделок купли-продажи в общей площади всех операций за ис-

следуемый период составляла около 40%. Лишь в небольшом количестве субъектов РФ рыночные сделки по площади преобладали над вне рыночными.

В число субъектов федерации – лидеров по абсолютному приросту площади сделок купли-продажи частных земель попадают как аграрные регионы с высокой сельскохозяйственной освоенностью (Липецкая, Орловская, Тамбовская, Воронежская, Ростовская, Саратовская области и Краснодарский край), так и Московская область, где большая часть сделок этой категории приходилась на куплю-продажу земельных участков для индивидуального жилищного строительства.

Оценивая ход и современные результаты земельных преобразований в стране и ее районах, необходимо отметить, что в настоящее время Россия находится в самом начале формирования открытого цивилизованного земельного рынка, о чем свидетельствуют статистические данные о значительных региональных различиях в сложившейся структуре и динамике процессов, связанных с оборотом земельных участков.

Библиографический список

1. Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февр. 1917 г.). – М., 1962. – 383 с.
2. Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2008 году». – М., 2009.

3. Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2009 году». – М., 2010.
4. Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году». – М., 2011.
5. Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2011 году». – М., 2012.
6. Государственный (национальный) доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2012 году». – М., 2013.
7. Ивасенко А.Г. Анализ зарубежного опыта земельно-ипотечного кредитования // Российское предпринимательство. – 2008. – № 11. – С.103–106.
8. Казьмин М.А. Развитие земельной ипотеки в регионах России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 47–56.
9. Лепке О.Б. Земельный рынок: проблемы формирования и регулирования // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2001. – № 1. – С.10–14.
10. Лепке О.Б. Концептуальные проблемы ипотечного кредитования под залог земель сельскохозяйственного назначения // Земельный вестник России. – 2003. – № 1. – С.12–22.

Кузнецова О.В. (Москва)

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОРА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Kuznetsova O.V.

PROBLEMS OF EVALUATION OF FEDERAL INVESTMENT POLICY AS FACTOR OF REGIONAL DEVELOPMENT

Аннотация. Анализируются возможности оценки масштабов трех направлений федерального инвестирования в регионах: путем прямых федеральных инвестиций (инвестиций в основной капитал), через инвестиционные субсидии региональным бюджетам и через федеральные вложения в государственные корпорации и компании. Выявляются региональные аспекты федеральной политики по созданию благоприятных условий для инвестиционной деятельности в регионах (особые экономические зоны, налоговые льготы в восточных регионах и др.), рассматриваются возможности количественной оценки в региональном разрезе налоговых и таможенных льгот, льготные условия кредитования, административных преференций.

Abstract. Possibilities of evaluation of three directions of federal investment in regions are analyzed: by direct federal investments (investments into fixed capital), through investment subsidies to regional budgets and through federal transfers to the state corporations and companies. Regional aspects of federal policy on creating favorable conditions for investment activity in regions (special economic zones, tax preferences in east regions, etc.) are found out, possibilities of evaluation of tax, customs and administrative preferences, preferential credit conditions in regions are considered.

Ключевые слова: федеральное инвестирование, инвестиции в основной капитал, субсидии, государственные корпорации и компании, налоговые и таможенные льготы, особые экономические зоны.

Key words: federal investment, investments into fixed capital, subsidies, state corporations and companies, tax and customs preferences, special economic zones.

Введение. Переход России к рыночной экономике привел к кардинальным переменам в характере влияния государства на социально-экономическое развитие как страны в целом, так и отдельных ее регионов. В советской плановой экономике все решения по социально-экономическому развитию, в том числе касающиеся размещения производства, строительства разнообразных инфраструктурных объектов, так или иначе принимались государством. Эти решения основывались на учете тех факторов, которые

традиционно изучаются в социально-экономической географии: это наличие природных и трудовых ресурсов, обеспеченность инфраструктурой и возможности ее строительства, потенциальные транспортные издержки для поставок продукции и т.д. и т.п. В рыночной экономике львиная доля решений принимается частными инвесторами, и влияние государства на экономическое развитие из прямого превращается в преимущественно косвенное. Следовательно, у социально-экономической географии Рос-

сии появляется новый предмет для изучения – влияние органов государственной власти на социально-экономическое развитие регионов, оценка роли государства как фактора регионального развития.

В ответ на новые требования времени меняются и тематика научных исследований, и учебные программы подготовки экономико-географов. Так, еще в 1997 г. на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова был реализован проект по оценке предпринимательского климата российских регионов, в рамках которого немалое внимание было уделено именно вопросам государственного регулирования регионального развития [3]. В учебных программах кафедры экономической и социальной географии России читаются курсы, затрагивающие вопросы региональной политики, территориального планирования, инвестиционного комплекса и целый ряд других.

Вместе с тем, несмотря на уже немалый срок, прошедший с начала рыночных преобразований в России, в вопросах изучения государственной политики как фактора социально-экономического развития регионов «белых пятен» еще очень много. Причина этого как в постоянно меняющемся характере влияния государства на региональное развитие, так и в целом ряде нерешенных методических вопросов. Один из них – формализованная оценка проводимой государством политики во всех регионах страны. Во многих исследованиях удается на качественном уровне описать механизмы государственного влияния на развитие той или иной отрасли экономики или социальной сферы в регионах, количественно оценить масштабы такого влияния на примере отдельных кейсов, но далеко не всегда получается предложить реализуемые подходы к количественной оценке роли государства в социально-экономическом развитии всех регионов. Такая оценка, безусловно, дает возможность получения более объективных представлений о роли государства в региональном развитии.

Сказанное в полной мере справедливо и в отношении государственной инвестиционной политики, под которой имеется в виду политика и федеральных, и региональных (т.е. субъектов Российской Федерации) органов власти. Формальных определений понятия «инвестиционная политика» в рос-

сийских нормативно-правовых актах не содержится. По сути же под инвестиционной политикой государства понимают как непосредственно государственное инвестирование, так и создание условий для привлечения частных инвестиций в экономику страны и регионов (с помощью тех же государственных инвестиций в инфраструктуру; разно-образных мер финансовой поддержки инвесторов – налоговых льгот, государственных гарантий, льготных займов; снижения административных барьеров и т.д.).

В данной статье мы обсуждаем возможности и проблемы количественной оценки проводимой в регионах федеральной инвестиционной политики. При этом мы рассматриваем только те составляющие этой политики, которые имеют очевидную дифференциацию по территории страны (что важно именно для экономико-географов и регионалистов).

Оценка разных форм федерального инвестирования в регионах. Первая задача, которую приходится решать при анализе как федеральной, так и региональной инвестиционной политики – это корректное очерчивание всех составляющих этой политики, дабы не выпустить из поля зрения важные направления деятельности федеральных и региональных властей. В рамках федеральной инвестиционной политики значение имеет прежде всего распределение федеральных инвестиций по регионам. Распределение федеральных денег по территории страны очень неравномерно, очевидно формирование новых точек роста на карте страны именно благодаря федеральным вложениям (таких как Владивосток, Сочи, Казань). Меры федеральной политики по созданию условий ведения инвестиционной деятельности, напротив, в значительной мере едины по всей стране, хотя есть и исключения.

Казалось бы, с федеральными инвестициями должно быть все просто – есть статистика Росстата по инвестициям в основной капитал в разрезе субъектов Федерации. Однако на самом деле ситуация гораздо сложнее. Можно выделить три канала федерального инвестирования в регионах. Первый – это федеральные инвестиции, которые назовем прямыми, – те средства, которые идут непосредственно из федерального бюджета

в находящиеся в регионах объекты¹. Именно эти средства отражаются в статистике Росстата как инвестиции в основной капитал, источником которых является федеральный бюджет. Правда, непосредственно объемы федеральных инвестиций по регионам Росстат не публикует, а публикует общие объемы инвестиций в основной капитал и структуру инвестиций в основной капитал по источникам финансирования. Такие данные приводятся в разных изданиях Росстата – и ежегодных сборниках «Регионы России. Социально-экономические показатели», и ежемесячных докладах «Социально-экономическое положение России» с оперативными данными, и целом ряде других. Однако данные по структуре инвестиций приводятся без субъектов малого предпринимательства и без объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. Причем если об отсутствии учета первых (инвестиций субъектов малого предпринимательства) во всех статсборниках указывается, то об отсутствии учета вторых – далеко не всегда. Так, например, в «Регионах России» и статсборнике «Инвестиции в России» приводятся одни и те же данные, но об отсутствии учета не наблюдаемых прямыми статистическими методами инвестиций говорится только в «Инвестициях в России». Учесть в расчетах инвестиции субъектов малого предпринимательства можно – соответствующие данные Росстат публикует, но гораздо больше инвестиций «теряется» за счет не наблюдаемых прямыми статметодами инвестиций (табл. 1). Как видим, в последние годы в статистике источников финансирования инвестиций в

основной капитал не учитывалась почти четверть объема инвестиций, при этом 20% или пятая часть всех инвестиций не наблюдаются прямыми статметодами.

Таким образом, по данным Росстата можно рассчитать объемы федеральных инвестиций в регионах, только исходя из предположения, что доля не наблюдаемых прямыми статметодами инвестиций во всех инвестициях одинакова по разным источникам финансирования и всем субъектам Федерации. Почему Росстат не публикует данные по объемам инвестиций в основной капитал за счет средств федерального бюджета в разрезе субъектов Федерации, ограничиваясь данными по структуре инвестиций, – вопрос открытый. По всей видимости, это отражение общей ситуации с непрозрачностью распределения федеральных денег по территории страны.

Получить представление об общих объемах инвестиций из федерального бюджета можно на основе бюджетной отчетности, публикуемой в открытом доступе Федеральным казначейством. В этой отчетности приводятся данные не только по широко распространенной функциональной классификации расходов, но и по классификации операций сектора государственного управления (КОСГУ), где расходы группируются в зависимости от их экономического содержания (табл. 2).

Прямые федеральные инвестиции (инвестиции в основной капитал у Росстата или увеличение стоимости основных средств у Федерального казначейства) – это, как мы уже сказали, один из каналов федерального инвестирования в регионах. Второй канал – это большая часть субсидий бюджет-

Таблица 1
Инвестиции в основной капитал по разному кругу учитываемых предприятий

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
(1) Инвестиции в основной капитал всего, млрд руб.	9152,1	11035,7	12568,8	13255,5
(2) То же без субъектов малого предпринимательства и не наблюдаемых прямыми статистическими методами инвестиций, млрд руб.	6625,0	8445,2	9567,9	9493,4
(2) к (1), %	72,4	76,5	76,1	71,6
Доля федерального бюджета в (2), %	10,0	10,1	9,6	9,8
(3) Инвестиции в основной капитал малых предприятий, млрд руб.	н/д	431,6	521,5	н/д
(3) к (1), %	н/д	3,9	4,1	н/д
(4) Инвестиции в основной капитал малых предприятий без микропредприятий, млрд руб.	258,4	282,0	364,5	388,5
(4) к (1), %	2,8	2,6	2,9	2,9

Источник: составлено автором по данным Росстата.

¹ По аналогии с термином «прямые расходы» федерального бюджета, который был предложен в [5].

Таблица 2

Расходы федерального бюджета на инвестиционные цели

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Объемы расходов, млрд руб.				
Всего	10117,5	10925,6	12895,0	13342,9
Увеличение стоимости основных средств	1091,7	1248,8	1244,4	1338,9
Увеличение стоимости акций и иных форм участия в капитале	330,4	409,8	505,1	314,9
Безвозмездные перечисления организациям, за исключением государственных и муниципальных	363,4	484,3	526,1	524,7
Субсидии (доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ)*	415,0	514,2	573,8	517,6
Структура расходов, %				
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Увеличение стоимости основных средств	10,8	11,4	9,7	10,0
Увеличение стоимости акций и иных форм участия в капитале	3,3	3,8	3,9	2,4
Безвозмездные перечисления организациям, за исключением государственных и муниципальных	3,6	4,4	4,1	3,9
Субсидии (доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ)*	4,1	4,7	4,4	3,9

* субсидии не отражаются отдельной строкой в КОСГУ, но эти данные присутствуют в отчетности по доходам консолидированных региональных бюджетов.

Источник: составлено автором по данным Федерального казначейства.

там субъектов Федерации. Дело в том, что согласно Бюджетному кодексу РФ (статья 79.1), бюджетные инвестиции из федерального бюджета могут осуществляться только в те объекты, которые находятся (или будут находиться после их создания) в федеральной собственности. Прямые федеральные инвестиции в объекты региональной или муниципальной собственности запрещены, хотя в рамках федеральной поддержки социально-экономического развития регионов, безусловно, возникает потребность вложить федеральные средства в строительство (или ремонт) региональных или муниципальных объектов (школ, больниц и др.). Разрешить это противоречие позволяют субсидии – целевые трансферты нижестоящим бюджетам на инвестиционные цели². Формально такие субсидии не являются федеральными инвестициями и не отражаются как таковые в отчетности, но по сути ими являются и должны учитываться при анализе федеральной инвестиционной поддержки регионов. Субсидии региональным бюджетам составляют порядка 2/5 от объема расходов на увеличение стоимости основных средств, и это значимая величина (табл. 2).

Данные об объемах субсидий из федерального бюджета в разрезе всех регионов

присутствуют в отчетности по исполнению консолидированных бюджетов субъектов РФ, которые публикуются в открытом доступе на официальном сайте Федерального казначейства. Строго говоря, не все субсидии идут на инвестиционные цели (но меньшая их часть), и статистика позволяет подойти к анализу более тщательно и проводить его по разным видам субсидий. Другое дело, что не всегда можно определить, пойдут ли средства субсидий на текущие или капитальные расходы (пример тому – субсидии на поддержку малого и среднего предпринимательства). Но в целом субсидии региональным бюджетам – это самая открытая часть федерального инвестирования в регионах.

Третий канал федерального инвестирования в регионах – это перечисления из федерального бюджета организациям. Логика возникновения этого канала – такая же, как и у субсидий региональным бюджетам, примерно такие же и масштабы распределяемых по территории страны денег (табл. 2). Средства по этому направлению федерального инвестирования отражаются, во-первых, по статье «увеличение стоимости акций и иных форм участия в капитале». В нее включаются в том числе субсидии на капитальные вложения государственным унитарным пред-

² О месте субсидий в межбюджетных отношениях, их достоинствах и недостатках как одного из видов межбюджетных трансфертов см. [1, 4].

приятиям, государственным бюджетным и автономным учреждениям. Во-вторых, по статье «безвозмездные перечисления организациям, за исключением государственных и муниципальных». Но эта статья включает в себя субсидии и на текущие цели, и государственным корпорациям (компаниям), в том числе в виде имущественного вноса.

Проще говоря, речь идет о федеральных инвестициях, которые не отражаются в отчетности как инвестиции, а осуществляются через различные государственные корпорации и компании. К числу таковых относятся часто обсуждаемые в рамках региональной проблематики ОАО «Особые экономические зоны», Госкорпорация «Олимпстрой», ОАО «Российские железные дороги» и целый ряд других. Конечно, никакой сводной отчетности по этому направлению федерального инвестирования в регионах не существует, можно лишь кропотливо отслеживать принимаемые решения по федеральному бюджету (если они имеют региональную привязку) и данные самих государственных корпораций и компаний. Важно также иметь в виду, что инвестиции госкорпораций и особенно госкомпаний (или выделяемые на кредиты бизнесу средства, как в случае «Внешэкономбанка») складываются не только из перечислений из федерального бюджета, но и самостоятельно заработанных средств. А инвестиционные программы госкомпаний являются результатом решений и федеральных властей, и руководства компаний. Например, по данным ОАО «РЖД», из общего объема капитальных вложений компании только 20–30% средств направляется на проекты, связанные с выполнением поручений Правительства РФ, а остальное – это «собственные» проекты компании, хотя ОАО «РЖД» – на 100% федеральная собственность (табл. 3). Поэтому инвестиционную политику госкорпораций и госкомпаний в целом вряд ли можно однозначно рассматривать как федеральную инвестиционную политику. Но федеральные

перечисления таким структурам на конкретные проекты точно должны учитываться.

Региональные аспекты федеральной политики по созданию благоприятных условий для инвестиционной деятельности. Деятельность федеральных властей по формированию инвестиционного климата в стране очень разнообразна, однако если исключить те меры федеральной политики, которые связаны с федеральным инвестированием и оценку которых мы уже рассмотрели, то мер с явно выраженной региональной привязкой окажется очень немного. Львиная доля федеральных решений, так или иначе влияющих на условия инвестирования, принимается для всей страны, хотя в разных регионах последствия этих решений могут быть разными. Можно проводить оценку так называемых «региональных последствий нерегистрационных решений», о которой уже много лет назад писал Л.В. Смирнягин [2], однако это очень сложная задача.

Создание федеральными властями дополнительных условий привлечения инвесторов в регионы может осуществляться, помимо федерального инвестирования в инфраструктуру, путем предоставления таможенных и налоговых льгот, введения льготных условий кредитования (включая предоставление государственных гарантий по кредитам), реализации мер по снижению административных барьеров.

Таможенные, налоговые и административные преференции инвесторам, бюджетные инвестиции в инфраструктуру сочетаются в созданных федеральными властями особых экономических зонах (подробно особенности функционирования и развития ОЭЗ мы рассматривали в [1]). С точки зрения количественной оценки масштабов государственной поддержки резидентов ОЭЗ важно Постановление Правительства РФ от 10 июня 2013 г. № 491 «Об утверждении Правил оценки эффективности функцио-

Таблица 3

Капитальные вложения ОАО «Российские железные дороги» (млрд руб. без НДС)

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г. (план)
(1) Всего	317,4	395,4	480,1	467,5
(2) Проекты, связанные с выполнением поручений Правительства РФ	97,1	84,1	96,6	96,7
(2) к (1), %	30,6	21,3	20,1	20,7
«Собственные» проекты ОАО «РЖД»	220,3	311,3	383,5	370,8

Источник: составлено автором по данным ОАО «РЖД».

Таблица 4

Масштабы государственной поддержки особых экономических зон (ОЭЗ), млрд руб.

Особые экономические зоны*	Объем бюджетных средств** на инфраструктуру ОЭЗ		Объем налоговых и таможенных льгот	
	2012 г.	с создания ОЭЗ	2012 г.	с создания ОЭЗ
Промыленно-производственные, в т.ч.	4,17	27,03	1,32	5,63
в Республике Татарстан	3,19	18,67	0,49	2,81
в Липецкой области	0,37	7,62	0,83	2,82
Технико-внедренческие ОЭЗ, в т.ч.	7,21	48,72	0,24	0,84
в г. Санкт-Петербурге	0,78	7,13	0,05	0,05
в г. Москве	3,88	20,04	0,05	0,14
в Московской области	0,67	10,16	0,04	0,09
в г. Томске	1,88	11,40	0,09	0,55
Туристско-рекреационные ОЭЗ, в т.ч.	2,20	10,50	0,00	0,01
в Алтайском крае	0,59	3,97	0,00	0,01
в Республике Алтай	0,97	2,54	0,00	0,00
в Республике Бурятия	0,65	3,86	0,00	0,00
в Иркутской области	0,00	0,11	0,00	0,00
Портовые ОЭЗ	0,01	0,06	0,00	0,00
Всего	13,60	86,31	1,56	6,47

* По отдельным ОЭЗ мы приводим данные только по ОЭЗ, созданным в 2005–2007 гг.

** Средства федерального, региональных и местных бюджетов. Отдельно по федеральному бюджету приведение данных не предполагается.

Источник: данные Минэкономразвития России.

нирования особых экономических зон»³. В соответствии с этими Правилами должен публиковаться целый ряд показателей в разрезе отдельных ОЭЗ, в том числе объем использованных резидентами ОЭЗ налоговых льгот и льгот по уплате таможенных платежей, а также объем бюджетных инвестиций в инфраструктуру ОЭЗ. И требование это выполняется: в конце сентября 2013 г. Минэкономразвития России опубликовал Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2012 г. и за период с начала функционирования ОЭЗ. Пока масштабы предоставленных резидентам ОЭЗ налоговых и таможенных льгот относительно невелики (табл. 4), при этом колоссальна дифференциация по отдельным ОЭЗ. Львиная доля объема использованных резидентами ОЭЗ налоговых и таможенных льгот приходится на созданные в 2005 г. промышленно-производственные зоны.

Масштабы получаемых резидентами ОЭЗ налоговых льгот, включая ОЭЗ в Калининградской и Магаданской областях, мож-

но оценить также по данным Федеральной налоговой службы, которая публикует в открытом доступе отчеты о налоговой базе и структуре начислений по разным налогам в разрезе субъектов Федерации (формы № 5). А масштабы льгот по уплате таможенных платежей обнаружит Федеральная таможенная служба (в ежегодных сборниках «Таможенная служба Российской Федерации»). Наиболее значимы, конечно, льготы по таможенным платежам в Калининградской области (табл. 5), которые сопоставимы по масштабам с отдельными направлениями федерального инвестирования. Для сравнения: льготы по налогу на прибыль резидентам ОЭЗ в Калининградской области в 2012 г. составили 2,85 млрд руб., а в Магаданской области – 69,5 млн руб. В таблице 5 мы приводим и данные по соглашениям о разделе продукции, которые считаются специальным режимом налогообложения.

Скорее всего, в отчетности Федеральной налоговой службы с 2014 г. будут отражаться и масштабы налоговых льгот в соответствии

³ Речь в данном случае идет об ОЭЗ, созданных в соответствии с федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», т.е. на ОЭЗ в Калининградской и Магаданской областях, по каждой из которых принято по отдельному федеральному закону, указанное постановление не распространяется. Прежде действовало постановление с таким же названием от 15 августа 2012 г. № 833.

Суммы льгот по уплате таможенных платежей, млрд руб.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Всего	315,4	436,2	475,2	450,3
ОЭЗ в Калининградской области	106,3	136,1	149,9	129,0
ОЭЗ в Магаданской области	н/д	н/д	3,7	4,0
Соглашения о разделе продукции	126,9	180,4	182,2	182,1

Источник: данные Федеральной таможенной службы.

с вступившим в силу с 1 января этого года федеральным законом о налоговых льготах для инвесторов на востоке страны⁴. Поскольку закон новый, скажем о нем подробнее. Действие закона распространяется на Дальневосточный федеральный округ, а также регионы Восточной Сибири – Республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Красноярский и Забайкальский края, Иркутскую область. Речь идет о льготах по налогам на прибыль и добычу полезных ископаемых для производителей товаров, реализующих отвечающие определенным требованиям инвестиционные проекты. Подчеркнем, что введенные для восточных регионов налоговые льготы распространяются только на производство товаров, т.е. инвестиционные проекты в сфере услуг или строительства инфраструктуры под льготное налогообложение не подпадают. Производство товаров приветствуется почти любое – под льготное налогообложение не подпадают только добыча и переработка нефти, природного газа, газового конденсата, оказание услуг по транспортировке нефти, нефтепродуктов, газа, газового конденсата; производство подакцизных товаров (за исключением легковых автомобилей и мотоциклов); деятельность, по которой ставка налога на прибыль уже составляет 0%. Таким образом, налоговые льготы не распространяются на производства, которые успешно развиваются и без дополнительной государственной поддержки (нефтегазовый комплекс) или же вообще вредны (производство таких подакцизных товаров, как алкоголь и табак). Аналогичный подход реализован и в законодательстве по ОЭЗ.

Требования к региональным инвестиционным проектам на востоке страны также во многом заимствованы из законодательства по ОЭЗ, но с некоторыми модификациями. Эти

требования связаны, во-первых, с созданием препятствий для превращения восточных регионов в офшоры (т.е. территории, где предприниматели регистрируются для получения налоговых льгот, но не ведут фактической деятельности) и/или на вывод прибыли с территории регионов. В частности, 90% доходов участника регионального инвестиционного проекта должно приходиться на доходы от реализации товаров, произведенных в результате реализации именно этого проекта. Во-вторых, требования к претендующим на налоговые льготы региональным инвестиционным проектам связаны с осуществлением минимального объема капиталовложений. Он должен быть не менее 50 млн руб. при условии осуществления этих капвложений в срок не более 3 лет и не менее 500 млн руб. при условии осуществления капвложений в срок не более 5 лет. Для сравнения: резиденты промышленно-производственных ОЭЗ должны осуществить капитальные вложения в сумме не менее 120 млн руб., из них не менее 40 млн руб. – в течение 3 лет. В ОЭЗ в Калининградской области объем капитальных вложений должен составлять не менее 150 млн руб., причем все они должны быть осуществлены в течение 3 лет. Как видим, требования к минимальным объемам капитальных вложений, при которых инвестор может получить налоговые льготы, в восточных регионах можно считать самыми мягкими. Правда, и это важная особенность льгот на востоке страны, законом субъекта Федерации минимальный объем капвложений может быть увеличен, равно как могут быть установлены иные дополнительные требования к инвестиционным проектам. Например, региональные власти могут принять решение о том, что инвестор должен вложить не менее 150 млн руб. и только в определенные отрасли.

⁴ Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации».

Для участников региональных инвестиционных проектов в восточных регионах федеральная ставка налога на прибыль устанавливается в размере 0%. Региональная ставка налога на прибыль не может превышать 10% в течение первых 5 налоговых периодов и не может быть менее 10% в течение следующих 5 налоговых периодов. Проще говоря, для региональных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке в течение первых 5 лет региональная ставка налога на прибыль может составлять от 0 до 10%, в течение последующих 5 лет – от 10 до 18%, при этом какими именно будут эти ставки, должны решать органы власти субъектов Федерации в своих законах. Напомним, что на сегодняшний день общая ставка налога на прибыль в России составляет 20%, причем по ставке 2% налог зачисляется в федеральный бюджет, по ставке 18% – в региональные бюджеты. Региональные органы власти по всей территории страны имеют право предоставлять налоговые льготы, снижая региональную ставку налога, но не ниже, чем до 13,5%.

Не вдаваясь в детали, скажем, что в целом для инвесторов на Дальнем Востоке предложены условия налогообложения, сопоставимые с условиями налогообложения в особых экономических зонах, но масштабы налоговых льгот во многом поставлены в зависимость от решений региональных органов власти. Первыми соответствующие законы приняли в Якутии, Хабаровском крае, Магаданской области, которые и рассмотрим в качестве примеров. Во всех трех регионах не стали предъявлять дополнительных требований к региональным инвестиционным проектам, но ставки налога на прибыль снизили по-разному. В Якутии и Хабаровском крае – в максимально возможной степени – до 0% в течение первых 5 лет и до 10% в течение следующих 5 лет. А вот в Магаданской области – только до 9% на первые 5 лет и до 13,5% на последующие 5 лет.

Итак, на сегодняшний день предоставление федеральными властями налоговых льгот на оговоренных территориях связано с особыми экономическими зонами и востоком страны, таможенных льгот – пока только с ОЭЗ. Возможно, в ближайшем будущем появится также федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития и иных мерах государственной поддержки регионов Дальнего

Востока». В разработанном законопроекте предусматривается дальнейшее расширение налоговых льгот для инвесторов на Дальнем Востоке, предоставление им таможенных льгот и существенное снижение административных барьеров.

Основная методическая проблема количественных оценок масштабов федеральной поддержки инвесторов с помощью налоговых льгот – проблема разделения последствий федеральных и региональных решений. С одной стороны, федеральное законодательство и по ОЭЗ, и по региональным инвестиционным проектам на востоке страны – это федеральные инициативы, базовое решение о предоставлении налоговых льгот – именно федеральное. Поэтому можно опираться на те данные, которые мы привели выше. С другой стороны, в обоих случаях параметры налоговых льгот зависят и от региональных властей. Про восточные регионы страны мы уже сказали, а в ОЭЗ решениями на местах могут продлеваться срок действия льгот, вводиться не оговоренные в федеральном законодательстве льготы по транспортному налогу, расширяться льготы по налогу на прибыль. Нельзя сказать, что проблема разделения последствий федеральных и региональных решений совсем неразрешима – на основе сопоставлений региональных нормативно-правовых актов и по данным отчетов о налоговой базе и структуре начислений по отдельным налогам Федеральной налоговой службы можно сделать примерную оценку вклада региональных властей в налоговые льготы. Но это уже более сложная задача.

Если говорить о федеральных мерах по созданию особых условий кредитования инвесторов, то в качестве примера решения, где назван конкретный регион, мы можем привести только Постановление Правительства РФ от 4 мая 2011 г. № 338 «О предоставлении в 2011–2013 годах государственных гарантий Российской Федерации по кредитам, привлекаемым юридическими лицами, зарегистрированными и осуществляющими свою основную уставную деятельность на территории Северо-Кавказского федерального округа, на реализацию инвестиционных проектов на территории Северо-Кавказского федерального округа». Такие государственные гарантии действительно предоставлялись, их объемы по конкретным проектам указывались в распоряжении

ях Правительства РФ, которые доступны в базах данных нормативно-правовых актов («КонсультантПлюс» и др.). Другое дело, что госгарантии при успешной реализации инвестиционного проекта – те средства, которые остаются в федеральном бюджете, поэтому сравнивать их с федеральными инвестициями или недополученными федеральным бюджетом средствами в результате предоставления налоговых или таможенных льгот не вполне корректно.

Другие федеральные решения по созданию льготных условий кредитования носят отраслевой характер (т.е. принимаются для поддержки отдельных отраслей или даже предприятий). Большую часть этих решений можно связать с конкретными регионами, где расположены поддерживаемые предприятия, но, как и в случае с анализом инвестиционных стратегий государственных корпораций и компаний, это требует проведения кропотливой работы. Фактически количественная оценка федеральных мер по созданию льготных условий кредитования в региональном разрезе на сегодняшний день для широкого использования недоступна.

Наряду с налоговыми и таможенными льготами, созданием льготных условий кредитования, выше мы уже упоминали об административных преференциях инвесторам, под которыми подразумевается создание системы «одного окна», сокращение сроков проведения разного рода согласительных процедур, смягчение контроля за деятельностью предприятий. К сожалению, эта составляющая федеральной инвестиционной политики пока вообще не поддается оценке в региональном разрезе.

Заключение. Таким образом, как было показано в этой статье, ситуация с количественной оценкой федеральной инвестиционной политики в регионах сложилась двоякая. С одной стороны, публикуемые в настоящее время различными федеральными министерствами и ведомствами данные позволяют проводить оценку нескольких направлений такой политики в разрезе субъектов Федерации: прямых федеральных инвестиций (хотя и с определенной долей приближенности); федеральных инвестиций, осуществляемых через субсидии региональным бюджетам; предоставляемых таможенных и налоговых льгот. Довольно детальная информация доступна по особым экономическим зонам. С другой стороны, оценка целого ряда составляющих федеральной инвестиционной политики в регионах очень сложна или вообще недоступна. Так, требует сбора и обработки большого объема данных информация по еще одному направлению федерального инвестирования в регионах – через государственные корпорации и компании. Фактически отсутствует региональная информация по созданию льготных условий кредитования в регионах, нет методик оценки роли административных преференций.

Повышение доступности информации о региональных аспектах федеральной инвестиционной политики зависит, конечно же, от самих федеральных министерств и ведомств. Вместе с тем даже те данные, которые на сегодняшний день имеются, в научных исследованиях в полном объеме не анализируются, и расширение круга используемых статистических данных зависит уже непосредственно от экспертов.

Библиографический список

1. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 392 с.
2. Смирнягин Л.В. Оценка региональных последствий деятельности федерального правительства (региональная экспертиза) // Смирнягин Л.В. Общественная география. Федерализм. Регионализм: Публикации 1989–2005 гг. – М.: КомКнига, 2005. – С. 36–48.
3. Предпринимательский климат регионов России. География России для инвесторов и предпринимателей. Под ред. А.М. Лаврова, В.Е. Шувалова и др. – М.: Начала-ПРЕСС, 1997. – 328 с.
4. Проблемы межбюджетных отношений в России / [Мамедов А. А. и др.]. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 188 с.
5. Федеральный бюджет и регионы: опыт анализа финансовых потоков / Моск. Центр Ин-та «Восток-Запад». – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 235 с.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л. (Москва)

«ЖИЛИЩНАЯ ПРОЕКЦИЯ» СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ¹

Makhrova A.G., Kirillov P.L.

THE 'HOUSING DIMENSION' OF CONTEMPORARY URBANIZATION IN RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена особенностям современной российской урбанизации. На основе анализа динамики численности, темпов роста и миграции населения главных, средних и малых городов выявлены особенности стадийного развития процессов урбанизации. Особое внимание уделено вопросам инфраструктурной оснащенности жилищного фонда в городах разной величины и статуса как основному индикатору реальной урбанизированности и отражению образа жизни населения российских городов. Выявлены сдвиги в новом жилищном строительстве и обеспеченности жильем вследствие изменившихся предпочтений в выборе мест жительства. Рассмотрены масштабы сезонного дачного жилья горожан и отходничества и вызванная ими пульсация населения городов и сельской местности.

Abstract. The article covers features of contemporary urbanization in Russia. Features of the stadial urbanization are revealed by means based on the analysis of the dynamics of population growth and migration of major, mid-size and small urban settlements. Special attention is given to the infrastructural facilities of the housing stock in urban areas of different size and status as a primary indicator of real urbanization rate and its reflection to the way of life of the inhabitants of the Russia's urban settlements. Changes in new housing construction and housing per capita rates are described in terms of residential preferences. Extent of seasonal housing and mid-term working migrations and population pulsation within urban and rural areas are studied.

Ключевые слова: урбанизация; главный, средний и малый город; жилищный фонд; ближние и дальние дачи; пульсация населения.

Key words: urbanization; main, mid-size and small urban settlements (cities and towns); housing stock; close and remote dachas; population pulsation.

Введение. В течение постсоветского периода российские города прошли сложный путь адаптации к рынку и глобальной экономике при кардинальных изменениях институциональных и социально-экономических условий и одновременном переходе к новым циклам и стадиям развития. В результате комбинации черт, как унаследованных от советского периода, так и приобретенных в процессе постсоветских трансформаций, формируется новая модель современной российской урбанизации, которая требует глубокого изучения разных форм и видов ее проявлений.

Традиционно основное внимание при анализе особенностей российской урбанизации уделяется рассмотрению динамики численности населения в городах разного размера и статуса, что было особенно характерно для работ советского времени из-за дефицита статистики по другим индикаторам [8, 25, 28]. Современными учеными область исследований была существенно расширена за счет включения довольно широкого перечня социально-экономических показателей как по всем городам страны, так и в раз-

резе крупных городов [2, 3, 4, 20, 21 и др.]. В данной работе наряду с анализом динамики численности и миграционной подвижности населения особое внимание уделено тому, как индикаторы жилищной сферы отражают специфику современной российской урбанизации, что, как правило, остается за рамками большинства проводимых исследований.

Динамика численности и миграционного движения населения: стадия развития урбанизации. Одна из важных черт российской модели урбанизации, унаследованной от советского периода развития, — концентрация населения в больших городах, когда, набрав определенную критическую величину людности, города стремительно увеличивали свое население [15]. Уже к середине прошлого столетия Россия в ее современных границах (и Советский Союз в целом) стала территорией больших городов: в этих центрах людностью свыше 100 тыс. человек проживало более половины городского населения страны. При этом города меньшей людности, хотя и продолжали доминировать количественно, сокращали свою долю

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме») Института географии РАН.

в численности населения. В постсоветский период тенденция концентрации населения в больших центрах сохранилась, но была дополнена ростом малых городов, увеличение числа и численности которых связано, главным образом, с переходом в эту группу депопулирующих средних городов.

Среди больших городов, как и в советский период, темпами роста населения по-прежнему выделялись наиболее крупные центры. Причем, как показали исследования Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, рубеж в 250 тыс. человек стал еще более выраженным [23]. При выделении городов с такой численностью населения в качестве главных, а центров людностью менее 50 тыс. человек – в качестве малых, анализ трех агрегированных групп (главные, средние или промежуточные, малые) позволяет более «выпукло» рассмотреть сдвиги в динамике их роста в течение постсоветского периода.

Если в качестве точек отсчета брать переписи населения (1989, 2002, 2010 гг.), то анализ темпов роста населения по этим трем выделенным группам показывает, что, как и в советское время, наблюдалась крупногородская стадия урбанизации. Но при переходе к пятилетним интервалам на протяжении первого десятилетия постсоветского периода по темпам роста населения лидировали средние города, причем кризис начала 1990-х гг. вместе с естественной убылью населения привел к сокращению людности главных городов. В целом это позволяет говорить о наступлении стадии поляризационного разворота, признаки которой уже наблюдались в конце советского времени [22].

Однако к концу 1990-х гг. главные города стали расти, а малые – убывать, и с начала 2000-х гг. главные центры вновь вернули себе лидерство, что не укладывается в клас-

сические схемы стадийного развития процессов урбанизации [29]. Причем городами, испытывавшими максимальную убыль населения, оказались средние центры, часть из нижнего списка которых пополнила число малых городов, а наиболее динамично растущие центры из верхней части списка вошли в состав главных городов. В целом период с начала 2000-х гг. можно охарактеризовать как возврат к крупногородской стадии развития (рис. 1а).

Анализ динамики миграционного движения населения показывает, что в 1991 г., когда главные города показали миграционный отток населения, наблюдался отскок в кризисную дезурбанизацию [23]. Но к 1995 г. главные центры вновь стали привлекательными для мигрантов, хотя лидерство все еще сохраняли малые города. К 2000 г. города выстроились в порядке, характерном для крупногородской стадии, когда впереди находятся главные центры, а аутсайдеры представлены малыми городами. В 2005 г. уже после переписи населения 2002 г. миграционный прирост населения в средних или промежуточных городах стал выше, чем в главных, а малые стали испытывать отток населения. С формальных позиций это можно трактовать, как наступление стадии поляризационного разворота. Однако с 2010 г. с учетом результатов последней переписи населения главные центры вновь стали наиболее привлекательными для мигрантов (рис. 1б).

Такую последовательность прохождения стадий урбанизации довольно сложно объяснить с позиций «правильной» эволюции городов разных групп людности, как это трактует теория дифференциальной урбанизации, так как в России «отскоки» в другие стадии сопровождаются пропусками отдельных этапов, а применение разных

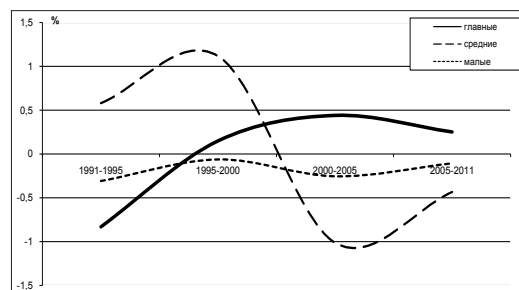

Рис. 1а. Динамика среднегодовых темпов прироста/убыли населения в РФ в городах разного размера, %

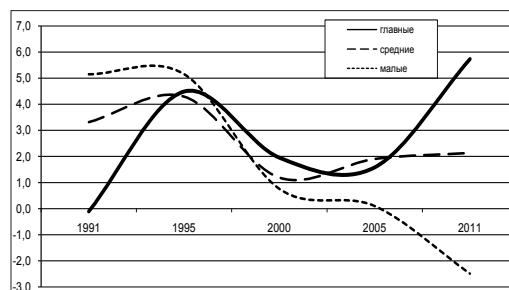

Рис. 1б. Динамика миграционного прироста/убыли населения в РФ в городах разного размера, ‰

методик показывает разные последовательности прохождения отдельных стадий. Эти нелогичные смены трендов, которые никак не укладываются в модификации классических схем, связанные только с действием войн и других катаклизмов, объясняются, по-видимому, несовершенством и изменениями методик учета мигрантов в постсоветское время.

Инфраструктурная обеспеченность жилья и образ жизни горожан. Еще одна важная унаследованная черта российской урбанизации – особый полугородской–полусельский образ жизни населения. Его формирование связано с большим числом новых городов, возникших как придатки при промышленных предприятиях, и с обилием малых городов, представляющих по характеру застройки и образу жизни населения переходный тип поселений, а также с наличием даже в крупных городах массивов одноэтажных домов усадебного типа на окраинах [31]. Количественно этот образ жизни можно оценить через обеспеченность жилищного фонда отдельными видами коммунальной инфраструктуры.

В течение постсоветского периода по всем статистически обеспеченным индикаторам – удельному весу охвата холодным и горячим водоснабжением, ваннами (душем), отоплением, канализацией – наблюдалась положительная динамика и по всей совокупности российских городов, и в разрезе центров разных групп людности и статуса (табл. 1). Весомый вклад в этот рост внесла «революция» в коммунальном хозяйстве, когда наряду с централизованными системами инженерной инфраструктуры, как это происходило в советское время, стали активно внедряться системы автономного обе-

спечения (прежде всего в секторе частных домов, который, как уже отмечалось, есть практически во всех городах).

Тем не менее, несмотря на рост значений этих показателей, для российских городов все еще характерна относительно низкая инфраструктурная благоустроенность жилья. Жилищный фонд наиболее обеспечен отоплением, канализацией и холодной водой: все три показателя превышают 90% (табл. 1). Степень обеспеченности ваннами (душем) и горячей водой ниже примерно на 10 процентных пунктов. В целом между уровнем обеспеченности жилья различными видами коммунальной инфраструктуры и величиной города прослеживается вполне ожидаемая зависимость: чем крупнее город, тем выше в нем обустроенность жилья. Средние и малые города, как и двадцать лет назад, остаются центрами с наименее благоустроенным жилищным фондом, а наиболее оборудованное в инфраструктурном отношении жилье имеют Москва с Санкт-Петербургом и региональные столицы.

Среди рассмотренных показателей самым важным индикатором, который наиболее емко характеризует не только качество жилья, но и образ жизни населения, служит обеспеченность канализацией. В условиях нашей страны этот по определению Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша показатель «бытовой урбанизации» очень четко демаркирует границу между городом и деревней [23]. Так, по состоянию на конец 2012 г. лишь 5% сельских населенных пунктов против 98% городов было обеспечено канализацией [26].

При этом в самих городах уровень охвата канализацией жилищного фонда ниже, а уровень обеспеченности в 90% служит рубежом, отсекающим города людностью свыше 250 тыс. человек от средних и малых, хотя

Таблица 1

Динамика обеспеченности жилищного фонда различными видами коммунальной инфраструктуры, %

Уровень обеспеченности	Главные города		Средние города		Малые города		Все города	
	1991 г.	2011 г.	1991 г.	2011 г.	1991 г.	2011 г.	1991 г.	2011 г.
холодным водоснабжением	93,4	95,7	83,2	89,1	65,8	76,4	86,5	90,9
горячим водоснабжением	83,8	89,9	68,3	79,9	46,8	62,4	74,5	83,1
отоплением	94,0	96,8	85,2	91,8	68,2	82,1	87,7	93,2
ваннами (душем)	87,7	89,7	75,8	80,7	56,6	65,6	79,8	83,5
канализацией	91,9	94,5	81,8	87,1	62,0	73,4	84,4	89,2

Составлено по расчетам авторов на основе данных Мультистата.

Динамика душевого ввода жилья, м²/чел

Города разных групп людности и статуса	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.
Все города	0,32	0,29	0,23	0,35	0,48
В том числе:					
Региональные центры	0,30	0,30	0,27	0,42	0,51
Главные города	0,31	0,29	0,26	0,41	0,51
Средние города	0,35	0,28	0,18	0,28	0,50
Малые города	0,33	0,28	0,19	0,20	0,29

Составлено по расчетам авторов на основе данных Мультистата.

среди городов всех групп людности есть центры с разным уровнем охвата канализацией жилищного фонда (табл. 2). Однако в составе главных городов нет центров, в которых бы этот показатель опускался ниже 70%, хотя лишь 10% из них представляют собой города западного типа или «истинные» города, в которых почти все жилье (более 99%) имеет водоотведение. Больше половины представителей этой группы – это обычные для российской действительности города с небольшой долей частного жилья и уровнем обеспеченности канализацией от 90 до 99% («полугорода» по Т.Г. Нефедовой) [20]. При этом в трети главных городов страны уровень охвата канализацией жилья составляет лишь 70–90%, и такие населенные пункты уже трудно отнести к городским по стандартам развитых стран; Т.Г. Нефедовой они определены как «недогорода» [20].

Среди средних городов доля этих «недогородов» достигает уже половины всех центров, а «полугородов» – только около 30%. Кроме того, появляются города, в которых

лишь 50–70% жилья обеспечено водоотведением, причем удельный вес этих то ли городов, то ли сел, превышает долю «истинных» городов. Еще менее городскими по уровню обеспеченности канализацией выглядят малые города, в которых доля «полу- и недогородов» составляет 60%. При этом пятая часть этих центров представлена непонятной категорией населенных пунктов, представляющих собой «деревенские города», где этот показатель опускается уже до 20–50%, а также городов с уровнем охвата канализацией менее 20%, которые представляют собой просто сельскую местность (рис. 2).

В целом больше трети российских городов представляют собой «недогорода» (70–90% жилья обеспечено канализацией), еще по 20% центров – это «полугорода» (90–99% жилья обеспечено канализацией), а так же то ли села, то ли города (50–70% жилья обеспечено канализацией). Доля «истинных» городов составляет менее 10% (свыше 99% жилья обеспечено канализацией), но и типичных сел немногим более 10% (рис. 3а).

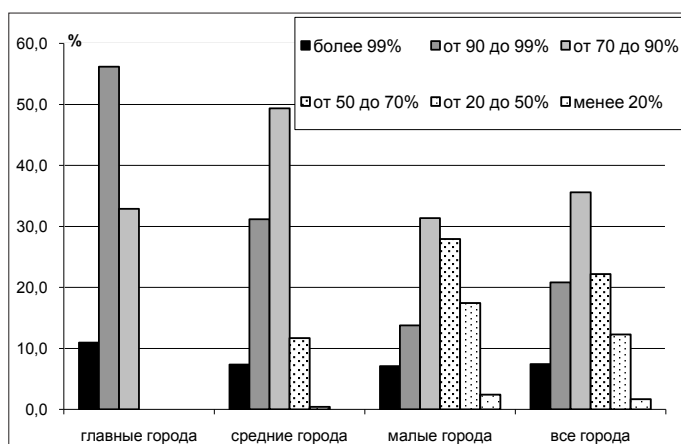

Рис. 2. Структура распределения городов разных групп людности по уровню охвата их жилищного фонда канализацией, 2011 г.

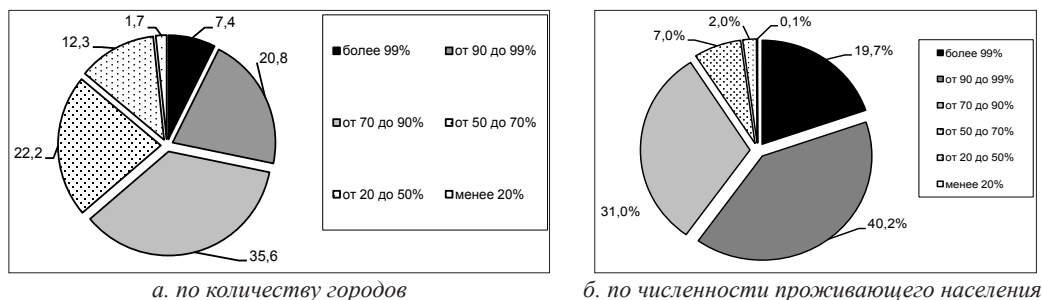

Рис. 3. Структура распределения городов по уровню охвата их жилищного фонда канализацией, 2011 г.

Таким образом, налицо доминирование городских центров, которые не соответствуют цензу «истинного» или типичного западно-европейского города по критерию «бытовой урбанизации», но именно такие города определяют визуальный ряд или ассоциативный ландшафт типичного российского города. Количество даже обычных по российским меркам городов с небольшой долей частного жилья и уровнем обеспеченности канализацией от 90 до 99% крайне невелико, и представляют они собой фактически редкие очаги в городском пространстве страны.

Однако большая часть населения (свыше 60%) проживает в «истинных» городах и типичных для России полугородах, условия и образ жизни проживания в которых близки или соответствуют городским (рис. 3б). Но и 40% населения во всех остальных недо- и псевдогородах – это очень тревожная цифра, показывающая потенциал «демографического» сжатия городов страны, против условий проживания в которых жители «голосуют» ногами.

Жилищное строительство и обеспеченность жильем: новые предпочтения в расселении. Динамика жилищного строительства по городам разных групп людности также может служить своеобразной оптикой для изучения предпочтений россиян в выборе мест проживания. В условиях плановой экономики и действия режима прописки душевой ввод жилья был довольно слабо дифференцирован между городами, что хорошо отражали показатели 1991 г., которые варьировали в диапазоне от 0,3 до 0,35 м²/чел. При дефиците строительных материалов и их лимитированном выделении через специализированные структуры Госпланов и министерств лидерами по новому жилищному

строительству были города, в которых реализовывались крупные народнохозяйственные проекты, связанные с освоением новых ресурсов, развитием военно-промышленного комплекса, строительством крупных промышленных предприятий и др.

При переходе к рынку состав лидеров изменился существенно и неоднократно. К середине 1990-х гг. в условиях кризиса спад жилищного строительства еще сильнее сгладил различия между городами, выведя на первые позиции довольно разнородную группу малых и средних городов с высокой долей индивидуального частного жилья, возведенного населением.

Прообраз новой конфигурации городов-лидеров и аутсайдеров стал проявляться к началу 2000-х гг. при постепенном усилении различий между городами. Раньше других из кризиса стала выходить Москва, повышенная концентрация платежеспособного спроса в которой привела к тому, что столица уже к началу 2000-х гг. существенно превысила уровень 1991 г. и переместилась из середины рейтинга городов по душевому вводу жилья в состав первой сотни. Но к середине 2000-х гг. абсолютные и душевые объемы ввода жилья в Москве стали снижаться, так как в условиях дефицита строительных площадок жилищное строительство стало перетекать в Московскую область [1]. К этому времени с улучшением экономической ситуации в стране жилищное строительство активизировалось не только в столице и ее пригородах, но в городах «миллионниках» и «полумиллионниках», а также в центрах регионов. К 2011 г. эта волна затронула уже не только главные, но и средние города; в аутсайдерах оказались малые города, в которых ввод жилья все еще не достиг показателей конца советского времени (табл. 2).

Динамика обеспеченности жильем населения городов РФ, м²/чел.

Города разных групп людности и статуса	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.
Все города	16,0	17,7	19,1	20,5	22,3
в том числе					
Региональные центры	16,0	17,7	19,2	20,2	21,8
Главные города	16,0	17,6	19,1	20,1	21,7
Средние города	15,9	17,5	18,9	20,5	22,6
Малые города	16,2	18,2	19,6	21,5	23,8

Составлено по расчетам авторов на основе данных Мультистата.

При довольно невысоком объеме ввода жилья значительная часть городов не сильно дифференцирована по этому показателю: почти в 80% городов он составляет менее 0,5 м²/чел., лишь в 6% центров превышая 1 м²/чел. В целом состав городов-лидеров и аутсайдеров хорошо показывает современные приоритеты россиян в выборе мест проживания, отражая процесс стягивания населения в довольно небольшую группу «избранных» центров: крупнейшие города и их агломерации, «богатые» нефтегазовые центры и города с благоприятными природно-климатическими условиями, включая курорты [30]. В составе аутсайдеров преобладают старые промышленные города людностью менее 50 тыс. человек с низким спросом на жилье из-за неблагополучной ситуации в экономике и социальной сфере. Однако и среди них есть представители и подмосковных городов-спутников, и нефтегазовых центров (Лосино-Петровский, Климовск, Радужный, Муравленко, Лангепас), т.е. функциональный тип города, его величина или положение далеко не всегда являются гарантией попадания в группу лидеров или аутсайдеров.

Важной составляющей «жилищной» проекции российской урбанизации является уровень жилищной обеспеченности и его динамика, которые характеризуют изменение предпочтений в выборе мест проживания. В течение постсоветского периода обеспеченность жильем росла по городам всех групп людности и статуса, но динамика этого роста была разной как во времени, так и для разных групп городов.

Как и по вводу жилья, к концу советского периода города были слабо дифференцированы по обеспеченности жильем. В начале 1990-х гг. в малых городах она была ненамного выше, чем в региональных столицах и во всей совокупности российских городов, уступая лишь значениям Москвы и Санкт-

Петербурга. С окончанием периода стрессовых миграций крупнейшие города страны, прежде всего Москва, оказались под растущим давлением мигрантов. После дооценки текущей численности населения столицы по итогам переписи населения 2002 г. почти на 1 млн чел. из-за неучтенной миграции, уровень жилищной обеспеченности, несмотря на внушительные размеры жилищного строительства, стал снижаться. Перепись 2010 г. выявила еще почти 1,5 млн неучтенного населения, в результате чего уровень жилищной обеспеченности вновь снизился до 18,7 против 21,6 м²/чел. в 2000 г. (табл. 3). Однако в подавляющем большинстве российских городов новое жилищное строительство и убыль населения привели к увеличению обеспеченности жильем. Но наиболее высокий прирост этого показателя (49%) наблюдался среди самых малых центров людностью менее 20 тыс. человек, которые испытали и максимальную депопуляцию, и максимальный миграционный отток населения.

По сравнению с началом 1990-х гг. значительно изменился состав лидеров и аутсайдеров по уровню жилищной обеспеченности. Во-первых, среди них выросло представительство северных малых и средних городов с убывающим населением вследствие сильного миграционного оттока (Билибино, Певек, Сусуман). Во-вторых, появился новый тип центров, в которых рост уровня жилищной обеспеченности связан с активным жилищным строительством. Это и быстро отстраивающиеся столицы Чечни и Ингушетии – Грозный и Магас, и города-спутники Москвы, и города-курорты Черноморского побережья. Причем в двух последних группах рост жилищной обеспеченности связан с таким новым феноменом как появление второго сезонного, функционально – «дачного», жилья у наиболее состоятельных слоев насе-

ления, а также с развитием сектора частного арендного жилья в городах-курортах (Руза, Звенигород, Плес, Анапа, Геленджик).

Среди центров с наиболее низким уровнем обеспеченности жильем стало больше городов с незавершенным демографическим переходом, которые потеснили малые и средние старопромышленные центры, давно испытывающие убывание населения (Высоцк, Купино, Козельск, Балабаново, Ейск). «Новые» аутсайдеры, в основном, также представлены малыми и средними городами, но уже национальных республик Северного Кавказа и Сибири (Чадан, Ак-Дувурак, Туран, Шали, Урус-Мартан, Карабулак, Нарткала), хотя среди них есть шестисоттысячная Махачкала. Еще одна группа новичков среди аутсайдеров представлена растущими нефтяными центрами, в которых ввод нового жилья при растущем населении не дал существенной прибавки в уровне жилищной обеспеченности (Пыть-Ях, Нефтеюганск). Особняком пока стоит Нерчинск – представитель увеличивающегося числа малых и средних городов, в которых убыль населения сопровождается разрушением и выбытием старого жилищного фонда и деградацией городской среды.

Пульсация населения и сезонное жилье горожан. Однако реальный уровень обеспеченности населения жильем в разных городах существенно отличается от показателей, фиксируемых статистикой, что связано с двумя параллельно идущими процессами. Первый из них – это отходничество, которое в постсоветский период, особенно в последнее десятилетие, приобретает все большее распространение. В отличие от советского времени, когда отход чаще всего реализовывался в форме сезонных «шабашек» на строительные работы или вахт на севера, современное отходничество приобретает постоянно-временный характер, охватывая самые разные сферы деятельности, включая как традиционные, так и новые виды занятости. Оценки масштабов отходничества сильно разнятся. Данные обследований населения по проблемам занятости, проводимых Росстатом, показывают, что 2012 г. число работавших за пределами своего региона составило 2,3 млн чел. [17]. Немногочисленные эксперты на основе проведенных исследований считают, что в отходничество вовлечено от

20 до 40 млн человек, что уже существенным образом меняет и численность населения отдельных городов, и уровень жилищной обеспеченности [24].

Несмотря на определенные сомнения в точности оценки данными обследований Росстата масштабов временной трудовой миграции, они дают довольно адекватную картину ее общих направлений. Так, почти половина всех временных трудовых перемещений происходила в пределах своих федеральных округов. При этом в качестве первого и главного по значимости центра притяжения отходников выделяется Москва и Московская область, а в качестве второго – Тюменская область и ее нефтегазовые округа, причем «водораздел» между этими двумя ареалами проходит по Приволжскому округу [17].

Возрождение и широкое распространение этой архаичной практики дореволюционной России во многом связано с особенностью рыночных отношений в жилищной сфере, когда в отличие от земли, которая закрепляла крестьян в царское время, сегодня эту функцию выполняет жилье. Курс на тотальную приватизацию жилья привел к тому, что по доле жилья, находящего в собственности у населения (87%), Россия, как и другие страны бывшего Советского Союза, существенно отличается от подавляющего большинства стран с давними традициями развития в условиях рыночной экономики (табл. 4). Отсутствие цивилизованного рынка арендного жилья и более чем двукратная разница в ценах на жилье в крупных и малых городах [13], приводят к тому, что население, оставаясь формально прикрепленным к месту регистрации, перемещается к месту работы. В современной России теперь уже обладание собственным жильем играет роль новой «крепостной» зависимости, приводя то к увеличению, то к сокращению численности населения городов и сел.

Еще один процесс, вызывающий пульсацию или текучесть населения и нестыковки между статистической и реальной обеспеченностью населения жильем, – это давние традиции выезда на дачи в теплый сезон, также ставшие уже стилем жизни миллионов россиян. При отсутствии достоверных статистических данных оценки численности этого сезонного населения, также как и отходников, сильно разнятся. Некоторые эксперты считают, что до половины всего населения

Таблица 4

Индикаторы истинной урбанизированности по отдельным странам мира

Страна	Доля городского населения, %	Удельный вес жилищного фонда, оборудованного				Доля собственного жилья, %
		канализацией, %	водопроводом, %	ванной или душем, %	центральной системой отопления, %	
Россия	73,6	74,0	79,0	67,0	84,0	87,0
Беларусь	75,1	72,3	74,0	66,9	73,1	87,9
Украина	69,0	59,0	61,1	55,7	64,1	93,5
Австрия	67,6	99,1	99,9	98,3	89,8	56,9
Греция	56,3	86,5	98,1	92,3	56,3	74,3
Великобритания	90,1	99,9	99,9	99,9	86,9	69,2
Финляндия	63,9	96,6	98,3	99,1	93,5	59,0
Япония	66,8	90,7	...	95,5	...	61,0
США	82,3	99,7	99,2	99,7	88,9	68,3

Составлено по [27].

городов страны владеет дачами разных типов [18]. Результаты обследований, проводимых Росстатом, показывают, что 10% домохозяйств имеют дачное жилье, т.е. около 15 млн человек [6].

Из других источников, которые косвенно позволяют оценить масштабы сезонных перемещений населения – это результаты сельскохозяйственной переписи 2006 г. [5]. Они показывают, что общее число садово-дачных некоммерческих объединений, представляющих собой основную часть дачных владений россиян, составляет около 80 тыс. ед. с почти 14 млн земельных участков. Из них освоенные или используемые владения составляют около 80%, и если принять, что один садоводческий участок – это, как минимум 3 человека (а порой и больше, так как это может быть два-три поколения – старшее и их взрослые дети с внуками), то общая численность сезонного населения страны, проживающего в СНТ разных типов (сады, огороды, дачи) составляет около 34 млн человек.

И хотя точное количество «дачных» владений россиян неизвестно, но результаты обследований Росстата позволяют оценить дополнительную площадь жилья, генерируемую дачами. В расчете на одно домохозяйство она составляет 36,4 м², возрастая с 29 кв. м в малых городах до 49,4 м² в «миллионниках»; такая же зависимость от величины города прослеживается и по доле дачных владений: соответственно, 6,4 и 20,4% [6].

Наибольшее распространение дачная или сезонная субурбанизация получила в пригородах Москвы и Санкт-Петербурга. С наличием второго жилья и сезонными мигра-

циями населения на территории Московской области связано почти 3 млн владений. Потенциальная селитебная емкость этой сети превышает 4 млн чел., что приводит к увеличению числа жителей, проживающих в Подмоскowie в летний сезон, примерно на 60% [7]. В Петербурге дачами на садовых участках владеет около 2 млн жителей или 40% его населения [16].

Наряду с сезонной субурбанизацией развивается субурбанизация «западного» типа (переезд из города-центра в пригород на постоянное место жительства), что связано, прежде всего, с быстрым распространением организованных коттеджных поселков вследствие реализации новых жилых стандартов наиболее состоятельных слоев россиян [12]. Первой формировать коттеджные субурбии начала Москва, затем – Санкт-Петербург. С середины 2000-х гг. они начинают появляться в крупнейших городах-миллионниках и в курортных зонах, прежде всего, на побережье Черного моря. К настоящему времени как минимум по одному–два коттеджных поселка построены/строятся в черте всех крупных и крупнейших российских городов, прежде всего региональных столиц, и в их пригородах [11].

Подмоскowie является безусловным лидером в стране и по масштабам коттеджных субурбий, что проявляется, прежде всего, в количестве организованных коттеджных поселков, которые выставлены на продажу (около 1500 поселков на начало 2014 г.). После Москвы лидером по развитию этого формата загородного жилья являются пригороды Санкт-Петербурга, хотя построен-

ных/строющихся современных коттеджных поселков здесь почти в 3 раза меньше, чем в Подмосковье. Современные коттеджные пригороды значительно уступают садово-дачным объединениям по своей масштабности, и хотя в настоящее время коттеджи чаще используются как дополнительное постоянное или временное жилье, но именно они могут стимулировать развитие процессов субурбанизации и переезд населения из городов-центров [9].

В постсоветский период дезурбанизация если и имела место, то характеризовалась как временное явление в кризисные 1990-е гг., чего нельзя сказать о сезонной дезурбанизации в виде «дальних» дачников, связанной с их интересом к еще более удаленным регионам, которые уже не граничат с областями, окружающими центральный город. «Дальние дачи» существовали еще в советские годы, появившись в 1970–1980-х гг. и в виде садово-дачных поселков, и домов в сельской местности, включая полученные по наследству [19]. Особое распространение дальние дачи получили со второй половины 2000-х гг. из-за растущего давления на природные ландшафты ближних пригородов, обилия коттеджных и садово-дачных поселков, машин и соседей, что превращает пригороды в своеобразные густонаселенные загородные варианты «многокоттеджного» жилья. Для владельцев этих сверхдальних дач важны уже не столько удаленность и стоимость дома, сколько хорошая экология и привлекательность самого места, хотя выбор покупателей таких дач ограничен традиционными сельскими домами.

Распространенность дальних дач приводит к перекрытию зон дачного влияния центров отдельных регионов, хотя у каждого из этих сообществ пока есть свои ареалы преимущественной концентрации. Как показывают данные полевых наблюдений в Псковской области, москвичи «базируются» преимущественно в пригородах Пскова (полукольцо от южного побережья Чудского озера до Изборска) и в Пушкиногорском районе «поблизости» от пушкинских мест, где земля довольно дорогая. Питерцы и мурманчане сосредоточиваются в местах попроще: Опочецкий, Красногородский, Палкинский районы на юге, Гдовский, Струго-Красненский, Плюсский районы на севере [10]. Экспансия «иноземцев» в Псковскую губернию

возрастает с каждым годом, прежде всего, в результате дачного расползания москвичей, хотя увеличивается количество дачников и из Санкт-Петербурга, и из Мурманска (в основном за счет людей пенсионного и предпенсионного возрастов).

Растущий спрос на «дальние» дачи отражает не только расширение масштабов сезонной контрурбанизации (квазиконтрурбанизации), но и устойчивость этого процесса, когда жители крупных городов, сохраняя адрес своей регистрации, меняют свое место жительства в течение года. Этот процесс трансформации сети расселения проявляется в сильной сезонной пульсации людности не только городских агломераций, но и территорий, расположенных на значительном удалении от ее границ, что также не укладывается в рамки стандартных теорий стадийального развития агломераций [14].

Заключение. Для современной модели российской урбанизации характерна крупногородская стадия, когда именно крупные города, в которых проживает большая часть населения, выделяются наиболее высокими темпами развития. Однако низкая инфраструктурная обеспеченность жильем, прежде всего канализацией, особенно в малых и средних городах, которые преобладают количественно, говорит о незрелом или маргинальном характере российской урбанизации, когда значительная часть горожан по своему образу жизни гораздо ближе к сельскому населению. Эта псевдогородская урбанизация отделяет Россию от развитых стран, в которых почти все жилье, и городское, и сельское, обеспечено канализацией, приводя к тому, что доля городского населения в России существенно выше той части населения, которая реально ведет городской образ жизни, а не просто числится горожанами (табл. 4).

Еще одна отличительная особенность этой псевдо- и одновременно крупногородской российской урбанизации – невысокий уровень обеспеченности жильем горожан при массовом характере владений вторым дачным жильем. Такая модель проживания – в квартире в многоэтажном доме в городе и на даче в сельской местности в теплый сезон – стала еще более распространенной практикой в постсоветский период, что увеличивает масштабы сезонной суб- и дезурбанизации. Эта идеология «двойного» проживания,

в городской квартире и одновременно в сельской местности на ближних и дальних дачах, приводит к значительной пульсации численности населения городских и сельских населенных пунктов, одновременно улучшая жилищные условия горожан, особенно в самых крупных городах. Текучесть населения и еще большую условность различий в месте проживания и образе жизни усиливает отходничество, которое также стало массовой практикой для жителей малых городов и сел, которые работают в крупных городских центрах и их пригородах, хотя формально и сохраняют свое место жительства.

Таким образом, несмотря на все отступления от теории дифференциальной урбанизации, с большой степенью вероятности можно констатировать, что после «отскока» в кризисную контрурбанизацию в первой половине 1990-х гг. с учетом поправок на недоучет мигрантов в межпереписной период российские города переживают крупногородскую стадию урбанизации. Если рассматривать развитие процессов урбанизации в 1990-е гг. как проявление «кризисной урбанизации», то это уже ее третий запуск после кризисных явлений, как это уже дважды происходило в России в XX в.: после революции/Гражданской войны и Великой Отечественной войны [23]. Если придерживаться точки зрения Медведковых, рассматривая 1991 г. как переход к фазе урбанизации, которая должна была начаться независимо от политических потрясений [31], то последующие перескоки стадий можно объяснить несовершенством учета миграций. При такой трактовке совре-

менный порядок «главные – средние – малые города» можно оценивать и как проявление стадии реурбанизации, характерной для постиндустриального урбанизма, когда главные города вновь становятся основными точками роста и локомотивами развития современной экономики. Однако одновременное сосуществование и развитие процессов, характерных для совершенно разных этапов и стадий, когда при псевдогородском образе жизни значительной части населения опережающий рост крупных городов происходит наряду с сезонной суби дезурбанизацией, позволяет говорить и об уникальной модели современной российской урбанизации, которая не укладывается в типичные зарубежные схемы.

Таким образом, при существенных отличиях от универсальной модели стадийного развития урбанизации изменения в городской системе России в течение постсоветского периода можно рассматривать и как некий кризисный сбой в ходе незавершенной урбанизации, и как естественный переход в стадию реурбанизации, и как уникальную модель, представляющую собой комбинацию процессов, присущих разным этапам. Специфические черты постсоветской урбанизации обусловлены сложившимися особенностями жилищной сферы: недостаточной инфраструктурной оснащенностью жилья и «сельскостью» городов, низким уровнем обеспеченности жильем и массовым характером владения дачным жильем, сравнительно высокой долей собственного жилья и пульсациями населения.

Библиографический список

1. Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации // Известия РАН. Сер. географич. – 2013. – № 2. – С. 19–29.
2. Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2013. – № 2. – С. 54–60.
3. Зубаревич Н.В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551–552. 15–30 апреля. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/tema01.php>
4. Зубаревич Н.В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // Региональные исследования. – 2010. – № 1 (27). – С. 45–54.
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 томах). Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
6. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 году. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html
7. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. – 2009. – № 4–5 (25). – С. 42–54.
8. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. – М.: Мысль, 1987.
9. Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. – 2008. – № 2 (17). – С. 13–20.

10. Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской столичной агломерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – № 4. С. 10–16.
 11. Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Сер. географич. – 2014. – № 4. – С. 49–59.
 12. Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2006. – №2. – С. 29–34.
 13. Махрова А.Г. Формирование рынков жилья в городах России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2007. – № 1. – С. 49–56.
 14. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro-contra. – 2012. – № 6 (57). – С. 19–32.
 15. Махрова А.Г., Перчик Е.Н. Урбанистическая революция // География, общество, окружающая среда. Т. V: География социально-экономического развития. – М.: Издат. дом «Городец», 2004. С. 570–579.
 16. Михеева З.А. Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – СПб., 2012.
 17. Мкртчян Н., Карачурина Л. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. 21 апреля – 4 мая [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema04.php>
 18. Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Осень. – 2011. – Зима. – № 15. – С. 161–172.
 19. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. – 2012. – № 3 (48). – С. 204–215.
 20. Нефедова Т.Г. Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – С. 171–190.
 21. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Новые тенденции урбанизации в России // Вопросы прогнозирования. – 1999. – № 5. – С. 158–167.
 22. Нефедова Т., Трейвиш А. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. – С. 171–195.
 23. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.
 24. Плюсин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. – М.: Новый хронограф, 2013.
 25. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. – М.: Статистика, 1976.
 26. Российский статистический ежегодник. 2013: Стат.сб./Росстат Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.
 27. Россия и страны мира. 2012.: Стат.сб. / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
 28. Хорев Б.М. Проблемы больших городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). – М.: Мысль, 1975.
 29. Geyer H.S. and Kontuly A. A theoretical foundation of the concept of differential urbanization // International Regional Science Review. – 1993. – V. 15. – № 3. – P.157 – 177.
 30. Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring // Urban Studies. – 2014. V. 51(4). – P. 617–633.
 31. Medvedkov Yu., Medvedkov O. Turning Points and Trends in Russia's Urbanization // Population under Duress: The Geodemography of Post-Soviet Russia. – Westview Press, 1999. P. 201–230.
 32. Molodikova I., Makhrova A. Urbanization patterns in Russia in Post-Soviet era // The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Certain and Eastern Europe after Socialism. – Dordrecht, 2007. P. 49–66.
-

ИСТОРИЯ НАУКИ

Агирречу А.А. (Москва)

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СССР (РОССИИ) МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Aguirrechu A.A.

ESTABLISHING AND EARLY DECADES OF THE DEPARTMENT OF ECONOMIC GEOGRAPHY OF THE USSR (RUSSIA) AT MOSCOW UNIVERSITY: A HISTORICO-GEOGRAPHICAL STUDY

Аннотация. Статья посвящена первым десятилетиям становления кафедры экономической географии СССР (ныне – кафедры экономической и социальной географии России) Московского университета до переезда в Главное здание на Ленинских горах в 1953 г. Рассматриваются предпосылки появления кафедры с точки зрения развития экономической географии в стране и потребности в подготовке профессиональных экономико-географов. Сделана попытка поэтапного обзора деятельности кафедры в период ее формирования, разделения на две страноведческие, активизацию деятельности в 1930–1940 гг. Показана роль кафедры в формировании экономико-географического сообщества страны.

Abstract. The article is devoted to the first decades of the Department of Economic Geography of the USSR (currently – the Department of the Economic and Social Geography of Russia) at Moscow University until its relocation to the Main Building of Moscow State University at Leninskie Gory in 1953. The background conditions for the Department foundation (national economic geography progress and the demand for professional economic geographers) are examined. A step by step survey of the Department activity within the period of its establishing, separation into the area and country studies, and the active progress in 1930–1940 is provided. The role of the Department in establishing of national economic geography community is shown.

Ключевые слова: экономическая география, СССР, кафедра, географический факультет, Московский университет, Н.Н. Баранский.

Keywords: Economic Geography, USSR, Department, Faculty of Geography, Moscow University, N.N. Baranskiy.

Введение. В более чем 260-тилетней истории Московского университета возраст отдельной кафедры, составляющей 85 лет, может показаться и не столь большим. Но, тем не менее, это не малый период, охватывающий фактически две эпохи в истории нашей страны и несколько поколений живущих в ней людей. В данной статье более подробно освещены первые этапы становления и развития кафедры до ее переезда вместе с географическим факультетом в новое здание на Ленинских горах в 1953 г.

Историко-географический подход к исследованию данного вопроса подразумевает как использование соответствующих методов, так и выработку собственной методики исследования. Последнее потребовало от автора обращения не только к литературным источникам: научным статьям, мемуарам и

воспоминаниям непосредственных участников становления кафедры, но и к фондовым документам и материалам, найденным автором в последние годы в различных архивах: Государственный архив РФ (ГАРФ), Центральный государственный архив (ЦГА) г. Москвы, архив МГУ и др. К сожалению, документов, связанных с деятельностью Московского университета и его подразделений на рубеже 1920–1930-х гг. обнаружено не так много, что с одной стороны, связано с их «разбросанностью» по разным архивам, а с другой – с несовершенством документооборота в тот период и малым количеством сохранившихся документов. Все это осложняет проведение исследования, хотя дает надежду на перспективу восстановления исторических фактов, связанных с историей развития экономической географии в Московском

университете. Неоднозначно можно трактовать и некоторые найденные материалы, связанные со структурой подразделений и должностями зачисляемых ученых, о чем будет сказано ниже.

Дополнительным источником информации явились подшивки газеты Московского университета, хранящиеся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Газета с 1927 г. выходила под названием «Первый университет», с октября 1930 г. – «За пролетарские кадры», современное название «Московский университет» газета получила в 1937 г. Нечастые публикации о географическом отделении в первые годы работы кафедры дают некоторое дополнительное представление об отдельных событиях и, хотя, газету нельзя однозначно использовать, как документальное свидетельство, но в силу отсутствия других источников информации, сведения из нее являются важным дополнением к имеющимся материалам, учитывая, что они готовились непосредственными участниками тех или иных мероприятий в реальном времени.

Предыстория создания кафедры. За рождение экономико-географических исследований в России произошло во времена М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева. Более активными они стали к середине XIX – началу XX в. и были связаны с изучением географических особенностей населения и хозяйства страны преимущественно на базе статистики. Труды ученых рубежа XIX–XX вв. в основном были выполнены в русле сформировавшихся в тот период направлений экономической географии – отраслево-статистического, коммерческой географии и антропогеографии.

В 1884 г. в Московском университете Д.Н. Анучиным была основана кафедра географии и этнографии, но преподавание и исследования, которые велись на ней, касались преимущественно природной составляющей, т.е. физической географии, а также антропогеографии. Отдельные экономико-географические (в широком смысле этого слова) исследования проводились в разное время в других подразделениях университета – на философском, юридическом и др. факультетах. Характерным примером этого может служить магистерская диссертация, выполненная на юридическом факультете

приват-доцентом факультета В.Э. Деном на тему «Население России по данным 5-й ревизии» и защищенная в Актовом зале Московского университета в мае 1902 г. В конце того же года В.Э. Ден был зачислен на должность экстраординарного профессора Санкт-Петербургского Политехнического института по кафедре экономической географии (по всей видимости, именно с этого дня и появилась кафедра) [21]. Это первое вузовское подразделение (кафедра) экономической географии в нашей стране, первое свидетельство институционализации нашей науки.

Первое послереволюционное десятилетие стало своеобразным импульсом развития новых направлений в экономической географии. Начинается период активизации экономико-географических исследований в нашей стране. Одним из первых крупных проектов, при реализации которого они были необходимы, стала разработка плана ГОЭЛРО. Под руководством Г.М. Кржижановского работала комиссия, занимающаяся экономическим районированием страны, в состав которой входили будущие крупные экономико-географы Н.Н. Колосовский, И.Г. Александров и др.

Одновременно стали складываться разнообразные взгляды на пути развития самой экономической географии. В северной столице с начала века активно формировалось отраслево-статистическое направление под руководством В.Э. Дена, который в 1924 г. издал свой обобщающий труд «Курс экономической географии». В Москве вышли фундаментальные работы С.В. Бернштейна-Когана «Очерки экономической географии» (1925), А.А. Рыбникова «Основные вопросы экономической географии» (1930) и др. ученых [19].

Н.Н. Баранский, начавший активно заниматься экономической географией в 1918 г., к середине 1920-х гг. уже сформировал свое представление о развитии экономической географии, считая основополагающим районных подход. В 1926 г. была выпущена его книга «Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана».

Потребность в экономико-географических знаниях в 1920-е гг. стала активно проявляться и при подготовке кадров общественно-политической направленности. В большинстве подобных вузов в 1920-е гг. появились кафедры экономической географии. Так, Н.Н. Баранский в разные годы заведовал кафедрой экономической гео-

графии в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, был проректором и ректором Коммунистического университета трудящихся Востока. А.Н. Ракитников некоторое время был заведующим кафедрой экономической географии в Высшей школе профессионального движения ВЦСПС [8].

По мере проведения экономико-географических исследований и необходимости экономико-географической подготовки выпускников, после революции в университетах страны стали постепенно появляться кафедры экономической географии. В 1918 г. в Географическом институте при Петроградском (позднее – Ленинградском, ныне – Санкт-Петербургском) университете В.Э. Деном была основана кафедра экономической географии, которая спустя семь лет вошла в структуру географического факультета ЛГУ [2].

В 1920 г. кафедра экономической географии была открыта в Саратовском институте народного хозяйства (с 1925 г. – в составе Саратовского гос. университета). Первым заведующим кафедрой был П.Н. Степанов, впоследствии вернувшийся на работу в Москву (в 1937 г. некоторое время кафедрой заведовал Н.Н. Баранский-мл.) [16].

Также в 1920 г. кафедра экономической географии и статистики была основана в Иркутском университете (первым зав. кафедрой был К.Н. Миротворцев, который в 1937 г. возглавил кафедру экономической географии в Воронежском университете [7]).

В 1925 г. кафедра географии под руководством С.В. Бернштейна-Когана была образована на педагогическом факультете 2-го МГУ (с 1930 г. – МГПИ им. В.И. Ленина, ныне – МПГУ); при том, что это была общегеографическая кафедра, на ней сложился коллектив экономико-географов, включающий Л.Д. Синицкого, А.А. Каменецкого, А.А. Рыбникова, П.Н. Степанова, Н.П. Никитина, И.А. Витвера. С 1927 г. профессором кафедры стал и Н.Н. Баранский. Но собственно кафедра экономической географии была образована в МГПИ в 1934 г. [12], хотя в одном из своих выступлений Н.Н. Баранский упоминает кафедру во 2-м МГУ, как «кафедру экономической географии, образованную несколько

раньше, чем в МГУ» [4, с. 34]. При этом заметим, что среди обнаруженных в последнее время документов Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР¹, есть протокол заседания Президиума Научно-политической секции ГУСа от 1 января 1930 г., в соответствии с которым В.М. Четыркин был утвержден в должности *доцента по каф. экономгеографии* 2-го МГУ [27, л. 105об].

В этот же период экономико-географические подразделения появляются и в научных учреждениях. Так, в 1918 г. в Петрограде был организован Промышленно-географический отдел Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС – предшественник СОПСа), занимавшийся экономическими и экономико-географическими работами, связанными с изучением товарных рынков, вопросами экономического развития страны и ее районов. Спустя почти 10 лет отдел был переименован в Географический, а в 1930 г. на его базе был организован Геоморфологический институт, переименованный позднее в Институт физической географии, а в 1936 г. – в Институт географии АН СССР, где всегда важную роль занимали экономико-географические исследования [9].

Во второй половине 1920-х гг. в Московском университете было две кафедры экономико-географического профиля, которые не имели прямого отношения к географическому образованию, т.к. они были в составе других факультетов: кафедра экономической географии на этнологическом факультете (в составе которой в качестве внештатных доцентов по экономической географии в 1927 г. были зачислены Р.М. Кабо, Д.А. Кашинцев и М.И. Силищенский) и кафедра экономической географии и мирового хозяйства факультета советского права (штатными доцентами на ней были Я.М. Букшман и М.И. Галицкий) [20]. Эти кафедры на факультетах общественных наук, функционировавших в 1925–1930 гг., были по сути аналогами экономико-географических подразделений вузов, готовивших партийно-хозяйственные кадры.

Создание кафедры. На географическом отделении физико-математического факультета в 1920-е гг. по-прежнему была одна ка-

¹ Государственный ученый совет Наркомата просвещения РСФСР функционировал в 1919–1933 г. и занимался утверждением учебных планов и курсов, преподавательского состава вузов. В его рамках действовало несколько секций, в том числе научно-политическая секция, членом которой Н.Н. Баранский был утвержден (или переутвержден) распоряжением Наркомата просвещения РСФСР 14 февраля 1929 г. [28, л. 87].

федра географии под руководством А.А. Борзова, которая вела подготовку по трем циклам дисциплин: физическая география; география человека; страноведение и краеведение [13, с. 54]. В рамках цикла «география человека» были экономико-географические курсы, но он больше был ориентирован на подготовку специалистов по переселенческому делу [15, с. 111]. Поэтому в 1929 г. «после дискуссии, охватившей широкий актив географического отделения» группа студентов обратилась к Н.Н. Баранскому с просьбой организовать кафедру и возглавить экономико-географическую подготовку на географическом отделении. К тому времени Н.Н. Баранский уже был широко известен в географических кругах благодаря выходу его книги, с 1925 г. он возглавлял редакцию географии в «Большой советской энциклопедии», готовившей 1-е издание БСЭ, читал лекции во 2-м МГУ, был активным участником многочисленных конференций и совещаний, где выступал с докладами по экономико-географической проблематике. В частности, в 1926 г. он выступил на конференции преподавателей экономических дисциплин с докладом «О постановке курса экономической географии», а спустя три года, весной 1929 г. – на Всероссийском географическом совещании с докладами о географическом разделении труда и об экономико-географическом положении [5]. В том же году он был одним из инициаторов и редакторов (совместно с С.В. Бернштейном-Коганом, А.А. Рыбниковым и Л.Д. Синицким) «Экономико-географического сборника» – первого крупного дискуссионного издания по проблемам развития экономической географии в СССР.

Именно с этого момента начинается современная история развития экономической географии в Московском университете, продолжающаяся уже 85 лет. Кафедра, основанная Н.Н. Баранским, не только занималась подготовкой специалистов всех уровней, но и заняла одну из ведущих позиций в развитии отечественной экономической географии. К сожалению, на сегодняшний день мы пока не имеем документального свидетельства об открытии кафедры и назначения ее заведующим Н.Н. Баранского, что связано со сложностями документооборота и реорганизацией в Московском университете в конце 1920-х гг. Но многочисленные публикации и воспоминания самого Николая Николаевича,

его первых учеников по кафедре – непосредственных участников этого события, говорят именно о таком факте, который на протяжении уже более восьми десятилетий не подвергается сомнению.

Ведущееся в настоящее время изучение архивных фондов (в частности, архивов Наркомата просвещения РСФСР) дают дополнительные сведения о причинах появления кафедры экономической географии Московского университета в 1929 г., которые не опровергают, а, скорее, усиливают классическую версию, изложенную выше. Дело в том, что именно в течение 1929 г. Президиум Научно-политической секции ГУСа вел активное обсуждение социально-экономических курсов в учебных планах вузов. Так, 21 декабря 1929 г. состоялось большое заседание по вопросу о реформе социально-экономического образования, которое подвело своеобразный итог предшествовавших обсуждений и решений (в прениях по докладу выступал и Н.Н. Баранский). А среди решений, принятых Президиумом секции ранее, был и перечень социально-экономических дисциплин обязательных к включению в учебные планы вузов. Среди таких курсов, помимо политической экономии, диалектического материализма, ленинизма была и экономгеография. В качестве приложения к протоколу № 8 от 28 мая 1929 г. есть письмо, адресованное «Правлениям всех вузов об общественных науках в вузах всех типов», в котором публикуется список социально-экономических дисциплин в специальных вузах [27, л. 154, 157–159]. Так, для географических (как и для почвенно-геологических, и биологических) отделений в качестве таких курсов указаны: *экономгеография* и *политэкономия*. Можно ли это считать дополнительным фактором появления в 1929 г. на географическом отделении физико-математического факультета 1-го МГУ кафедры экономической географии, организованной Н.Н. Баранским? Скорее всего – да, безусловно нужно это принимать во внимание. Работа с архивными материалами будет продолжена, поскольку уже даже на этом этапе мы можем говорить о появлении нового знания об особенностях становления экономической географии как в Московском университете, так и в целом в вузах страны.

Годы становления кафедры (1929–1934 гг.) связаны с первичным формированием ее кол-

лектива и учебного плана подготовки студентов. По инициативе Н.Н. Баранского к чтению лекций были привлечены ведущие специалисты по различным направлениям экономической географии, которые до этого читали лекции в других вузах, занимались научно-исследовательской деятельностью или работали в различных учреждениях, связанных с развитием народного хозяйства страны.

Экономист по образованию, профессиональный революционер, автор первых работ по экономической географии в рамках районного направления Н.Н. Баранский в первый год руководства кафедрой привлек к работе на ней экономиста-аграрника А.А. Рыбникова и экономиста, специалиста по транспорту С.В. Бернштейна-Когана, у которых уже сложились свои взгляды на развитие экономической географии; они работали с Н.Н. Баранским во 2-м МГУ и РАНИОНе.

Первыми имеющимися в нашем распоряжении документами, связанными с именами ученых, являются протоколы заседания Правления I МГУ (октябрь 1929 г.) в соответствии с которыми по ходатайству декана физмата Н.Н. Баранский был назначен на должность *профессора по курсу экономической географии* на географическом отделении (протокол № 1 от 4 октября 1929 г.) [26, л. 5], а С.В. Бернштейн-Когану было поручено *чтение курса «Введение в экономическую географию»* с 12 октября 1929 г. (протокол № 3 от 18.10.1929) [26, л. 14]. Оба назначения направлены на утверждение в Главпрофобр Наркомпроса РСФСР. Позднее А.А. Рыбников был *зачислен профессором по курсу «Экономическая география сельского хозяйства»* приказом № 43 по I МГУ от 8 апреля 1930 г., также с последующим утверждением в Наркомпросе [22, л. 311].

В протоколах заседаний Президиума Научно-политической секции ГУСа обнаружены следующие факты по I-му МГУ: 26 ноября Н.Н. Баранский был утвержден в должности *профессора по эконом. географии* (протокол № 13 от 26 ноября 1929 г.), С.В. Бернштейн-Коган был утвержден в должности *профессора по каф. эконом. географии* (протоколом № 15 от 1 января 1930 г.), А.А. Рыбников был утвержден в должности *профессора по курсу эконом. географии сельского хозяйства* (протокол от 31 мая 1930 г.) [27, л. 2, 105об, 113]. Должности трех ученых (выделены курсивом), в которых они были утверждены про-

фессорами I-го МГУ в течение полугода, как мы видим, несколько отличаются (рис. 1). В целом, можно предположить, что между утверждением кандидатур Н.Н. Баранского и С.В. Бернштейна-Когана произошло как раз образование кафедры экономической географии (декабрь 1929 г.), но должность утвержденного позднее А.А. Рыбникова не дает однозначного подтверждения данного предположения. Возможно, это было связано как с различными принципами зачисления преподавателей в вузы, так и с отсутствием «жесткой» привязки некоторых преподавателей к кафедрам как структурным подразделениям вузов.

Изучение газеты «Первый университет» за 1929–1930 гг. позволяют говорить лишь о появлении специальности «экономическая география», которая, по многочисленным публикациям Н.Н. Баранского и его учеников появилась одновременно с кафедрой. В этой связи представляет интерес № 15(39) газеты за 19 января 1930 г., в котором специальность упоминается в двух заметках. На с. 3 газеты в заметке Г. Мирчинк «Геологический факультет» говорится о *«цикле экономической географии, распадающегося на специальности: а) экономической географии, б) колонизации и переселенческого дела»* (рис. 2). Упоминание специальности «экономическая география» в январе 1930 г. вполне подтверждает факт ее появления незадолго до этого, т.е. примерно в конце 1929 г.

На с. 6 газеты от 22 мая 1930 г. (№ 32–33) есть заметка «Географическое отделение» (подписанная одной буквой П), в которой более подробно говорится о преподавании на отделении. В частности, здесь имеет речь о трех направлениях подготовки:

- *физическая география* с тремя циклами: геоморфологический, гидрографический и картографический;
- *североведение* – создаваемый впервые специальный цикл для подготовки кадров по изучению и рациональному устройству обширных пространств Европейско-Азиатского севера;
- *экономико-географический цикл*, в котором имеются две специальности – экономико-географическая и колонизационно-переселенческая. Здесь говорится, что «впервые в СССР делается опыт рациональной подготовки экономгеографов».

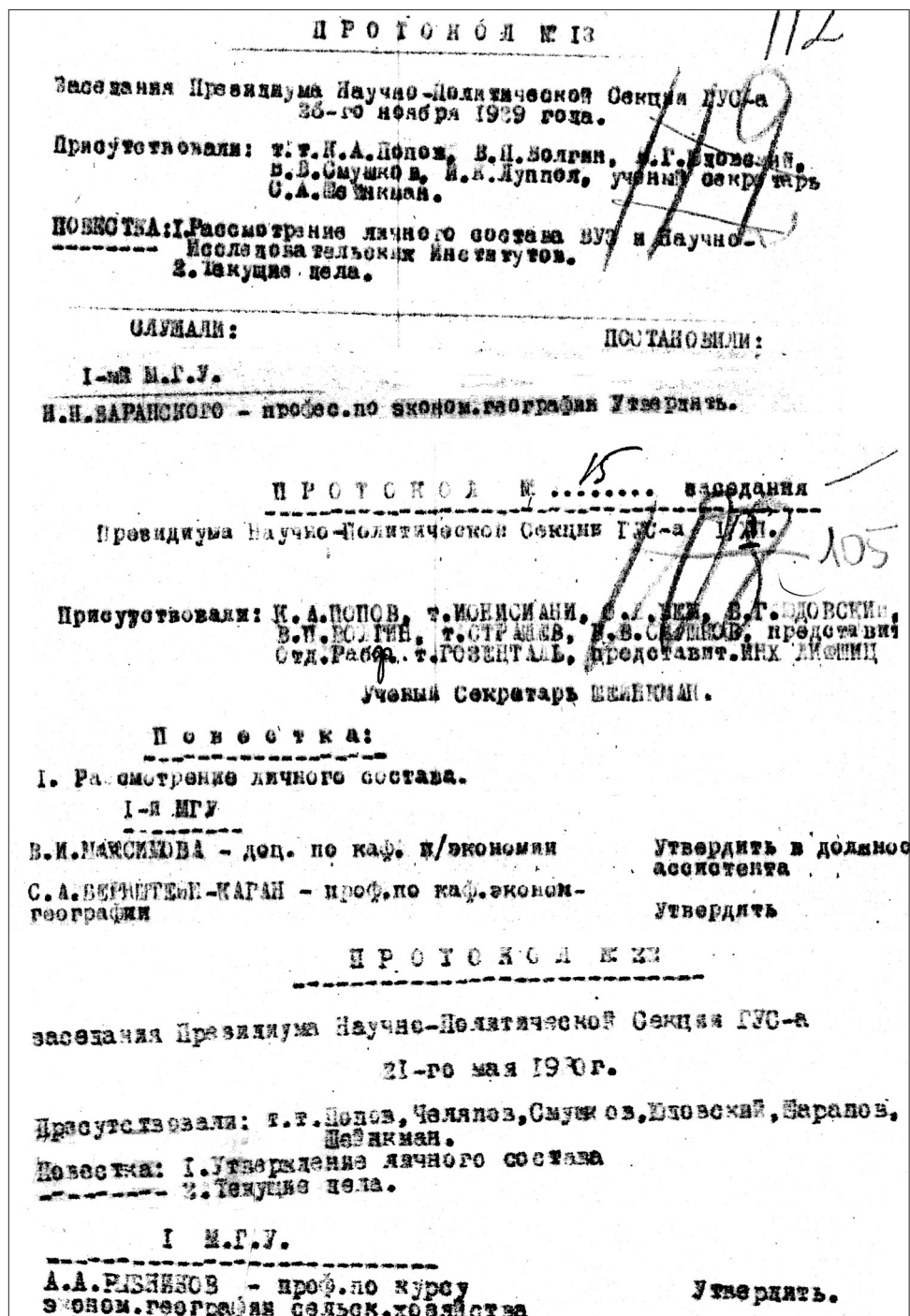

Рис. 1. Фрагменты протоколов ГУСа об утверждении в должностях в I-м МГУ профессоров Н.Н. Баранского, С.В. Бернштейна-Когана и А.А. Рыбникова
Источник: [27].

Через год в публикациях в газете и в приказах по МГУ колонизационно-переселенческая специальность уже не фигурирует, что говорит о ее закрытии, т.к. она явно, по мнению Ю.Г. Саушкина, не отвечала сов-

ременным требованиям подготовки экономико-географов [15, с. 111], а прием по специальности экономическая география в августе 1931 г. был увеличен с 25 до 60 человек [23, л. 36].

Пригласив С.В. Бернштейна-Когана и А.А. Рыбникова к чтению лекций на кафедре, ее заведующий имел с ними «вполне определенные разногласия по ряду вопросов, особенно по пониманию сущности районного направления» [3, с. 38]. Различия в научных взглядах на развитие экономической географии были у Николая Николаевича и с Л.Д. Синицким, который до образования кафедры читал лекции на географическом отделении. Но это не помешало им иметь дружеские отношения: даже своего третьего сына Н.Н. Баранский назвал Леоданом – в честь Леонтия Даниловича Синицкого.

Позднее на кафедру были приглашены и другие специалисты, часть из которых не были географами по образованию, но в той или иной степени уже были заметны в поле зрения экономической географии. В 1930 г. на кафедре начал читать лекции историк по образованию, работавший с Н.Н. Баранским в БСЭ и во 2-м МГУ, специалист по зарубежным странам И.А. Витвер (полностью на работу в МГУ он перешел позднее); с 1931 г. к преподаванию на кафедре приступил инженер-транспортник, занимавшийся экономическим районированием в Госплане, развитием производительных сил Сибири и Дальнего Востока Н.Н. Колосовский. С 1934 г. на кафедру перешел А.Н. Ракитников – экономист-аграрник, окончивший до революции школу во Франции и получивший высшее образование в Саратовском сельскохозяйственном институте, где он слушал лекции Н.И. Вавилова, работавший в экспедициях Наркомзема и Академии наук [11]. Кроме того, на кафедре стали читать лекции профессора М.Г. Кадек (некоторое время являющийся одновременно заместителем директора МГУ), доценты В.А. Каменецкий (позднее – зав. кафедрой геодезии и картографии), Б.М. Каминский, Н.В. Морозов, Б.И. Урланис, а позднее – А.В. Даринский (бывший аспирантом НИИ МГУ, а впоследствии – видный экономико-географ в Ленинграде), А.Г. Кауфман [18] и др.

В 1931 и 1932 гг. у кафедры появились первые выпускники, которые во многом определили ее дальнейшее развитие и судьбу экономической географии в целом – Л.Е. Иофа, В.П. Лидов, И.В. Никольский, М.Г. Рейсер (Соловьева), С.Н. Рязанцев, Ю.Г. Саушкин, А.И. Соловьев и др. Часть из них осталась

Наконец **третье — географическое отделение изучает поверхность земной коры и естественно-исторические условия хозяйственной деятельности человека в деле использования естественных и производительных сил страны.**

Этим определяются два основных направления в работе географа — физико-географическое и экономико-географическое.

Цикл физической географии распадается на три специальности: а) геоморфологии; б) гидрологии; в) картографии.

Первые изучают рельеф при почвенных, геоботанических работах; вторые — поверхностные воды в отношении географического их распределения на земной поверхности — воду, как естественную производительную силу народного хозяйства. Такие работники нужны при разнообразных гидрологических работах. Специалисты картографии на географическом отделении в отличие от картографов-геодезистов имеют своей задачей изучение рельефа и способов его картирования; потребность в такого рода специалистах паритетно с картографами-геодезистами все больше и больше осознается Высшим геодезическим управлением и Военно-Топографическим управлением.

Цикл экономической географии распадается на специальности: а) экономической географии; б) колонизации и переселенческого дела. Задачей первой специальности является обслужить потребности планирующих органов в специальных по изучению географии естественно-исторических условий в сочетании с формами хозяйственной деятельности человека. Вторая специальность предназначается для изучения естественно-исторических условий малообжитых и необжитых пространств, что самым тесным образом связывается с работой переселенческих организаций.

Рис. 2. Фрагмент газеты «Первый университет» за 19 января 1930 г.

Источник: Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.

работать на географическом отделении и в НИИ Географии Московского университета.

Одновременно в 1929 г. в Научно-исследовательском институте географии МГУ был

образован сектор экономической географии, в котором велась научно-исследовательская работа как сотрудников, так и студентов кафедры. Через НИИ географии проводились все прикладные исследования, которые делались по заказу различных министерств и ведомств и были связаны с развитием народного хозяйства страны. Позднее в НИИ Географии была открыта аспирантура, через которую прошли все соискатели географического отделения (позднее – факультета) в годы его существования (после ликвидации НИИ географии в 1953 г. научная работа и аспирантура перешли на кафедры).

Сразу на кафедре появились и первые учебно-производственные практики студентов (в рамках хоздоговорных работ через НИИ географии или по линии различных министерств и ведомств), которые представляли собой участие студентов в экспедиционных исследованиях в различных районах нашей страны, что давало им возможность всесторонне изучать регионы страны и на практике овладевать экономико-географическими методами исследования. Уже в самом начале 1930-х гг. первые студенты и аспиранты кафедры (И.В. Никольский, А.И. Преображенский, Н.Н. Баранский-мл. и др.) принимали активное участие в крупных народнохозяйственных проектах нашей страны – в частности, по созданию Урало-Кузнецкого комбината.

Изучение приказов в архиве МГУ обнаружило еще один интересный факт – с 1 августа 1933 г. на почвенно-географическом факультете была организована кафедра технических дисциплин (рис. 3), заведование которой возложили на профессора Н.Н. Колосовского [24, л. 50об]. Спустя полгода, с 1 февраля 1934 г. он был освобожден от этих обязанностей по личному заявлению, и заведующим кафедрой стал профессор В.А. Шарков [25, л. 45]. Это достаточно неожиданный факт, требующий дальнейшего изучения, т.к. нигде ранее не упоминалось о существовании подобной кафедры и ее функциях. По нашему мнению, судя из ее названия и того факта, что первым заведующим был Н.Н. Колосовский, она играла роль «обслуживающей» кафедры, сосредоточившись на таких направлениях подготовки как технико-экономические основы производства и др., что было крайне актуально и популярно в начале 1930-х гг. – в период активного развития народного хозяйства страны. Так же

пока неизвестно, до какого времени она существовала (в приказах 1934 г. она больше не встречается), что требует дальнейшего изучения данного вопроса.

Место кафедры и географического образования в структуре Московского университета в начале 1930 гг. Сложным является понимание места географического отделения в структуре подразделений более высокого порядка в I-м МГУ. Дело в том, что в 1929 г. на страницах газеты много говорится о необходимости реорганизации физико-математического факультета и, по всей видимости, в начале 1930 г. это начало происходить, причем этот процесс продолжался в течение более полугода. Если в упоминавшейся заметке в газете «Первый университет» от 19 января 1930 г. географическое отделение фигурирует в составе геологического факультета, то в объявлении о приеме в новые институты, опубликованном 22 мая 1930 г. уже упоминается *«почвенно-географический институт со специальностями: а) геоморфология; б) гидро-география; в) экономическая география; г) колонизаторская; д) картографическая. Североведение. Всего 60 мест»*. При этом структурно отделение (институт) фигурирует в рамках Института биологии (бывш. факультет опытного животноводства и растениеводства). Одновременно заметим, что в различных приказах по МГУ первой половины 1930 г. можно встретить как и физмат, так и Институт биологии, что подтверждает переходный период и различные трактовки происходящего в университете. Также следует напомнить, что с сентября 1930 г. поменял название и сам университет: из I МГУ он стал просто Московским государственным университетом.

21 августа 1930 г. вышел приказ по I МГУ № 83⁶, в соответствии с которым на базе бывш. физико-математического факультета было создано два самостоятельных: физико-механический (с отделениями) и биологический (с отделениями зоологическим, ботаническим, почвенно-географическим) [22, л. 215]. Спустя менее чем два месяца, 18 октября 1930 г. вышел приказ по МГУ № 158, в котором был утвержден перечень кафедр и состоящих при них учебно-вспомогательных учреждений биологического факультета, а также руководителей этих кафедр

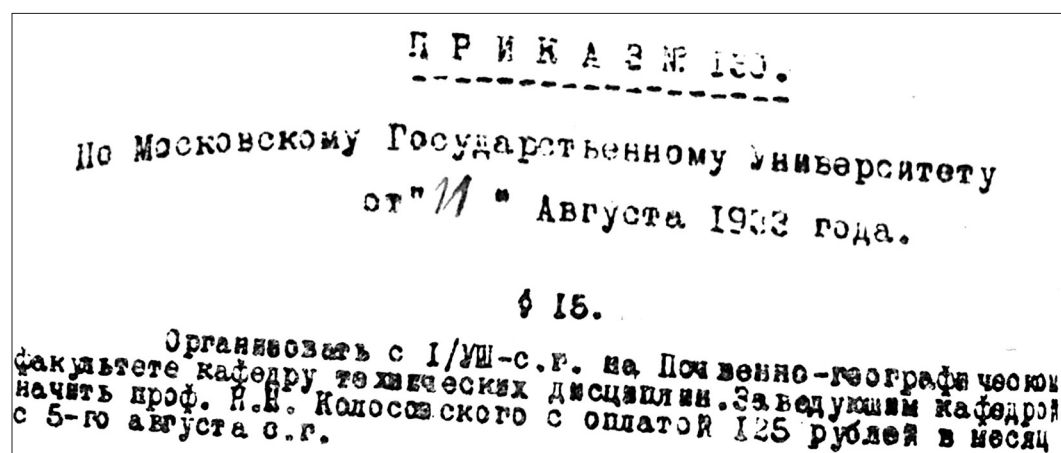

Рис. 3. Фрагмент приказа МГУ от 11 августа 1933 г.
об открытии кафедры технических дисциплин
Источник: [24, л. 50, 50об].

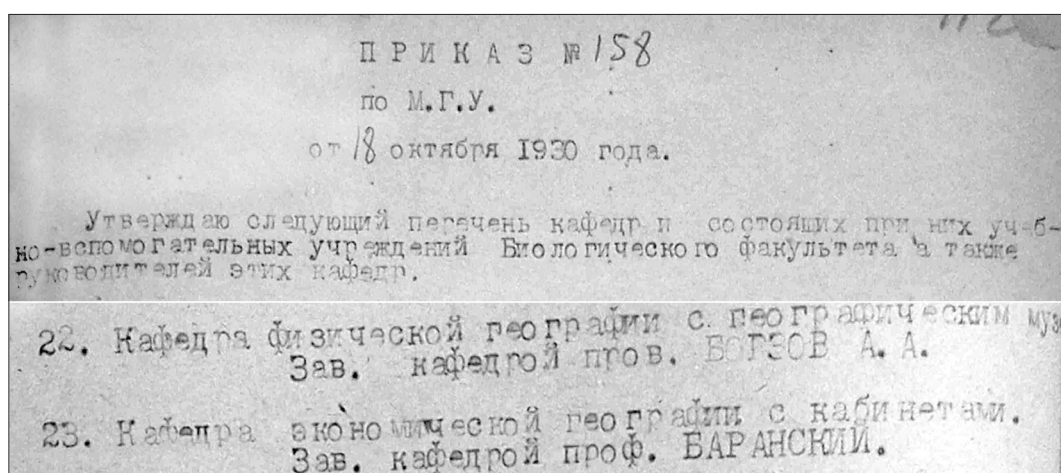

Рис. 4. Фрагмент приказа по МГУ № 158 от утверждения перечня кафедр
биологического факультета
Источник: [22, л. 112, 112об].

(рис. 4). Именно в этом приказе мы можем впервые увидеть информацию о кафедре: «...23. Кафедра экономической географии с кабинетом. Зав. кафедрой проф. Баранский». Предыдущим пунктом в приказе фигурирует «Кафедра физической географии с географическим музеем. Зав. кафедрой проф. Борзов А.А.» [22, л. 112, 112об].

С мая 1931 г. решением Коллегии Наркомпроса в Московском университете были ликвидированы органы факультетского управления на «Физмехматфаке и Биофаке» и образованы вместо них отделения, в том числе – географическое. В структуре географического отделения на 24 сентября 1931 г. (рис. 5) наряду с кафедрой экономической географии указаны еще три кафедры: физической географии, картографии и геологии, а

также кабинеты, лаборатория и учебно-вспомогательные управления [29].

Спустя два года постановлением Наркомпроса от 4 апреля 1933 г. в МГУ была восстановлена факультетская система. Тогда был образован почвенно-географический факультет, в который вошли географическое отделение и НИИ Географии. Исполнение обязанности декана с 1 мая 1933 г. было возложено на Н.Н. Баранского [24, л. 49–50, 251], а с июля 1934 г. – на А.А. Борзова [25, л. 121]. Такая структура сохранилась до 1938 г., когда был образован географический факультет.

Разделение кафедры. Начало следующего периода, который произошел 80 лет назад, связан со знаменательным событием в отечественной географии – со знаменитым Поста-

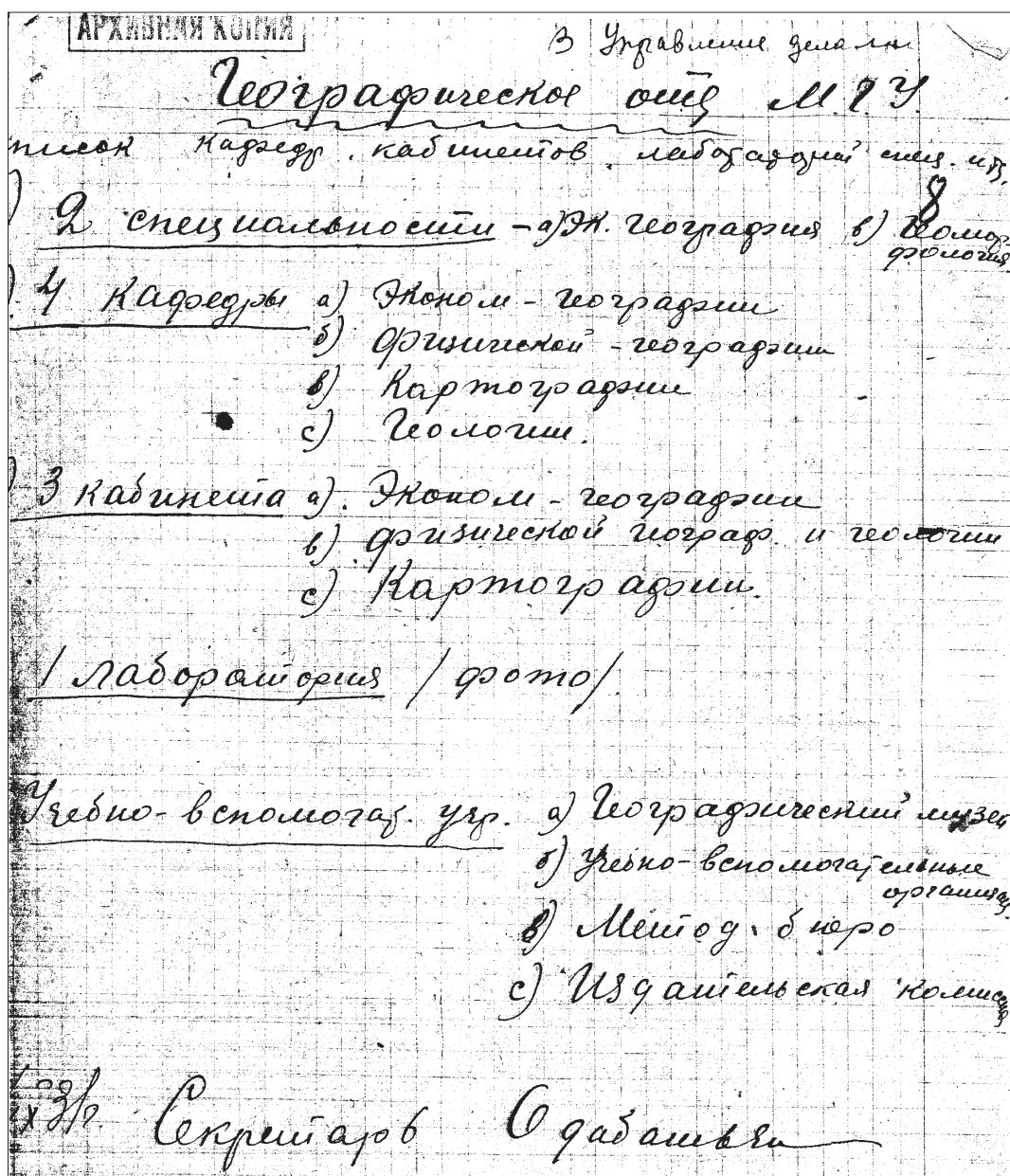

Рис. 5. Структура географического отделения МГУ на 24 сентября 1931 г.
Источник: [29].

новлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР». Результатом выхода этого постановления был не только переход на новые программы и учебники по географии в школе², это стало импульсом для дальнейшего стремительного развития географии и экономической географии в частности. Фундаментальные школьные учебники

Н.Н. Баранского и И.А. Витвера ежегодно переиздавались (с обновлениями) в последующие почти 20 лет и в начале 1950-х гг. были удостоены Сталинских (Государственных) премий. К написанию школьных учебников сотрудники кафедры вернулись лишь через несколько десятилетий, в 1990-е гг.

В этот же год вышел в свет первый номер журнала «География в школе», ответ-

² Учебник по экономической географии СССР было поручено писать Н.Н. Баранскому, по экономической географии капиталистических стран – И.А. Витверу.

ственным редактором которого стал инициатор создания периодического издания Н.Н. Баранский³. Журнал был не только основным методическим пособием для учителей географии, но и на протяжении почти 20 лет практически единственным столичным специализированным географическим периодическим изданием, в котором публиковались ключевые статьи в том числе и ведущих экономико-географов⁴.

В продолжение «глобальной реформы» школьного образования в этот же год произошло и знаменательное экономико-географическое событие на географическом отделении МГУ. Кафедра экономической географии была разделена на две – кафедру экономической географии СССР и кафедру экономической географии капиталистических стран (к сожалению, пока не удалось обнаружить приказ об утверждении двух кафедр и их заведующих, но поиски продолжаются). Во главе первой кафедры остался Н.Н. Баранский, а вторую возглавил И.А. Витвер. Таким образом, 80 лет назад впервые в нашей стране появились страноведческие экономико-географические кафедры, одна из которых была посвящена изучению нашей страны⁵. Среди множества экономико-географических кафедр, существовавших с тех пор в университетах страны, только в Белорусском университете с 1968 г. были две экономико-географические кафедры, в названии которых также звучало как название нашей страны, так и зарубежный мир.

Разделение кафедры на две позволило расширить штат преподавателей. В этот период на кафедре экономической географии СССР стали преподавать не только выпускники первых лет (которые параллельно являлись сотрудниками НИИ Географии МГУ), но были привлечены и другие ученые и преподаватели, работавшие ранее вне стен географического отделения МГУ. Так в 1936 г. на кафедру был приглашен для чтения курса по географии промышленности выпускник Санкт-Петербургского политехнического института, много лет проработавший по линии Госплана и СОПСа в различных районах страны, а также в вузах Саратова и Москва,

профессор Московского энергетического института П.Н. Степанов [17].

В том же 1934 г. появилось Постановление об ученых степенях и званиях, в соответствии с которым стали присуждаться степени доктора и кандидата наук. Именно из недр кафедры вышли первые кандидаты географических наук в стране, защитившие диссертации по экономико-географическому картографированию под руководством Н.Н. Баранского – в 1934 г. защитил диссертацию В.П. Коровицын, а в следующем году – И.В. Никольский. Кроме того, кандидатские диссертации по экономической географии в первые годы защитили А.И. Абрамова, Н.Н. Баранский (мл.), Г.Т. Гришин, А.И. Преображенский (1937 г.), И.П. Крутиков, А.Г. Куман, С.И. Ледовских, С.Л. Луцкий, Н.И. Ляликов (1938 г.) и др. С самого начала число защит по экономической географии преобладало среди общего их числа на географическом отделении (а позднее – факультете) МГУ. При этом, вначале некоторое время была практика присуждения ученой степени без защиты диссертации. В 1935 г. ученую степень доктора географических наук без защиты диссертации присудили Н.Н. Баранскому и Н.Н. Колосовскому, в 1938 г. – И.А. Витверу. В 1937 г. ученая степень кандидата географических наук без защиты диссертации была присуждена Ю.Г. Саушкину, а в 1938 г. – А.Н. Ракитникову [6].

В июле 1938 г. произошло крупное структурное изменение в Московском университете. На базе географического отделения почвенно-географического факультета был образован географический факультет, который помимо двух экономико-географических кафедр, включал еще кафедры физической географии (вскоре она разделилась на две – общей физической географии и физической географии СССР), страноведения, картографии и геодезии, а также НИИ Географии.

В этот период продолжилось формирование учебных планов кафедры, начали появляться фундаментальные курсы по базовым экономико-географическим дисциплинам [14], ряд из которых в трансформирован-

³ В 1948–1960 гг. ответственным редактором журнала был Ю.Г. Саушкин.

⁴ К моменту появления журнала в стране был только один научный географический журнал, издаваемый в Ленинграде – «Известия Государственного Географического общества» (с 1940 г. – «Известия ВГО»). «Вестник Московского университета» был основан в 1946 г., а самостоятельная географическая серия в нем появилась лишь в 1960 г., журнал Института географии – «Известия АН СССР. Сер. географическая» начал выходить с 1951 г.

⁵ О дальнейших преобразованиях и переименованиях экономико-географических кафедр в МГУ см. также [1].

ном варианте дошел и до наших дней. Как уже отмечалось, в 1929 г. была выделена экономико-географическая специальность, которая в первое десятилетие своего функционирования достаточно сильно была оторвана от физико-географов. С 1937 г. произошло сближение учебных планов физико- и экономико-географов за счет увеличения числа непрофильных курсов, важных для комплексного географического образования. Разделение кафедры в 1934 г. послужило причиной введения специальности экономическая география зарубежных стран. Экономико-географическая специальность в различных модификациях сохранялась достаточно долго, после преобразовавшись в специализацию.

В годы Великой Отечественной войны деятельность кафедры не прерывалась, но была не столь цельной, т.к. ряд студентов и преподавателей ушли на фронт, часть факультета была эвакуирована в Среднюю Азию. Фактически факультет был разделен на две части – одна работала в Москве, другая – сначала в Ашхабаде, потом в Свердловске (в Москве и в эвакуации даже было два «параллельных» декана факультета; так в 1941–1942 гг. в эвакуации функции декана исполнял И.А. Витвер; в Москве деканом остался Б.П. Орлов). С февраля 1941 г. по осень 1943 г., в связи с болезнью Н.Н. Баранского и последующей эвакуацией кафедры вместе с факультетом, заведующим кафедрой был П.Н. Степанов.

Несмотря на сложные военные годы, учебная и научно-исследовательская деятельность кафедры не прерывалась. Были небольшие выпуски студентов, проводились защиты диссертаций.

В первые годы ВОВ наиболее масштабной была деятельность Н.Н. Колосовского. Он был включен в состав Комиссии СОПСа по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны (организованной по инициативе Президента АН СССР В.Л. Комарова), где руководил транспортно-энергетической группой, которая занималась преодолением критической ситуации, сложившейся на железных дорогах Урала [10]. В 1942 г. за эту работу Н.Н. Колосовский в составе коллектива ученых получил Сталинскую премию 1-й степени.

Послевоенные годы развития кафедры были связаны с приходом в качестве студен-

тов не только выпускников школ, но и фронтовиков, часть из которых вернулась на факультет, прервав учебу, начатую до войны, а часть – поступила в университет в основном в 1945–1948 гг. Это был период начала активного развития кафедры, как и географического факультета в целом.

В 1945 г. в Москве по инициативе Н.Н. Баранского было организовано Государственное издательство географической литературы «Географгиз», ставшее основным для издания научной и научно-популярной географической литературы. Тогда же в столице был открыт Московский филиал Географического общества СССР – важный центр научных дискуссии столичных географов на ближайшие десятилетия. В 1946 г. по инициативе Н.Н. Баранского начался выпуск уникального периодического издания – научных сборников МФГО СССР «Вопросы географии». За 42 года существования серии было издано 132 сборника, вошедших в золотой фонд отечественной географии. Значительная часть сборников посвящена основным направлениям развития экономической географии, в их подготовке самое активное участие принимали экономико-географы Московского университета. Председателем редколлегии сборников после Н.Н. Баранского был профессор кафедры С.А. Ковалев, а с 1982 г. – выпускник кафедры, профессор Г.М. Лаппо.

В 1946 г. в связи с болезнью Н.Н. Баранский передал заведование кафедрой П.Н. Степанову, который за два года до этого защитил докторскую диссертацию. А в 1947 г. состоялась защита докторской диссертации Ю.Г. Саушкина и в следующем году он стал заведующим кафедрой экономической географии СССР. В этой связи Юлиан Глебович постепенно сократил, а затем прервал свою деятельность на кафедре в МГПИ им. В.И. Ленина (где в разные годы был деканом, заведующим кафедрой) и Географгизе, где он был директором, а затем и главным редактором издательства. Полностью сконцентрировавшись на работе в качестве заведующего кафедрой экономической географии СССР, Юлиан Глебович возглавлял ее на протяжении 33 лет, до 1981 г.

Важнейшим событием для кафедры и факультета в целом был переезд в 1953 г. в новое здание Московского университета на Ленинских горах. Это случилось накануне

25-летия кафедры. Просторные помещения верхних этажей высотки, где расположился географический факультет, позволили не только разместиться разросшемуся коллективу кафедры, но и создать ряд тематических (отраслевых и региональных) учебных и научно-исследовательских кабинетов, в рамках которых активизировались научные исследования сотрудников, студентов и аспирантов, проводились обработка и анализ результатов многочисленных экспедиций, охвативших значительную часть пространства страны.

На всем протяжении деятельности кафедры основное внимание уделялось совершенствованию учебного плана, внедрению новых методов исследований, поиску связи между теоретическими и прикладными направлениями экономической географии. За 7–8 послевоенных лет кафедру закончили около 130 человек – фронтовиков и недавних выпускников школ [15, с. 133]. Значительная их часть пополнила профильные образовательные, научные и прикладные ор-

ганизации, внесла существенный вклад как в развитие высшего географического образования и отечественной экономико-географической науки, так и активно занималась решением проблем народнохозяйственного развития страны, работая в проектных организациях, различных органах власти от регионального до общесоюзного уровня. Не мало выпускников конца 1940-х – начала 1950-х гг. стали докторами наук, сформировали свои научные направления и школы, возглавили научные и педагогические коллективы не только в столице, но и во многих городах страны.

Первые десятилетия деятельности кафедры, зародившейся благодаря инициативе студентов рубежа 1920–1930-х гг. и личности Н.Н. Баранского, послужили мощным толчком для ее дальнейшего развития, как ведущего центра подготовки экономико-географов и места концентрации ученых, внесший весомый вклад в развитие отечественной экономической географии.

Библиографический список

1. Агирречу А.А. К юбилею экономико-географической школы МГУ им. М.В. Ломоносова // География в школе. – 2009. – № 8. – С. 24–28.
2. Анохин А.А. В.Э. Ден и современная социально-экономическая география // Географическое образование и наука в России: история и современное состояние. Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. Под ред. Н.В. Каледина, В.В. Дмитриева, Т.А. Алиева. – СПб.: ВВМ, 2010. – С. 425–432.
3. Баранский Н.Н. Моя жизнь в экономгеографии. – М.: Геогр. ф-т МГУ, 2001. – 196 с.
4. Баранский Н.Н. Об учебном плане экономико-географической специальности (из опыта географического факультета МГУ) // Высшее географическое образование / Вопросы географии. Сб. 18. – М.: Географгиз, 1950. – С. 34–58.
5. Баранский Николай Николаевич (1881–1963) / Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. географич. Вып. 4. – М.: Наука, 1971. – 117 с.
6. География в Московском университете за 200 лет. 1755–1955. Справочный материал. Отв. ред. К.К. Марков, Ю.Г. Саушкин, А.И. Соловьев. – М.: Геогр. ф-т МГУ, 1955. – 111 с.
7. Гришин Г.Т., Поросенков Ю.В. К.Н. Миротворцев (1880–1950). От Юрьева до Воронежа // Вестник ВГУ. Сер.: География. Геоэкология. – 2004. – № 2. – С. 137–142.
8. Даньшин А.И., Кузина И.М. К 110-летию со дня рождения Андрея Николаевича Ракитникова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2013. – № 2. – С. 109–110.
9. Институт географии РАН и его люди: к 90-летию со дня образования. Сост. Т.Д. Александрова. Отв. ред. В.М. Котляков. – М.: Наука, 2008. – 677 с.
10. Казанский Н.Н. Поборник освоения восточных районов Сибири Н.Н. Колосовский // География и природные ресурсы. – 2007. – № 1. – С. 157–164.
11. Крючков В.Г. Основные вехи жизни и творчества А.Н. Ракитникова // Ракитников А.Н. Избранные труды. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – С. 11–24.
12. Максаковский В.П., Лобжанидзе А.А. Научная школа МПГУ в области социально-экономической географии // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания (к 90-летию со дня рождения В.П. Максаковского). Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. Под ред. А.А. Лобжанидзе. – М.: Экон-информ, 2014. – С. 20–30.
13. Никольский И.В., Цедлер Е.Э., Антошко Я.Ф. Географический факультет после Великой Октябрьской социалистической революции // География в Московском университете за 200 лет. 1755–1955. Под ред. К.К. Маркова, Ю.Г. Саушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – С. 47–65.
14. Ратанова М.П. Учебная работа // Экономическая и социальная география России в Московском университете на рубеже веков. Под ред. А.Т. Хрущева, А.И. Шкириной. – М.–Смоленск: Ойкумена, 1999. – С. 21–26.
15. Саушкин Ю.Г. Экономическая география СССР в Московском университете // География в Московском университете за 200 лет. 1755–1955. Под ред. К.К. Маркова, Ю.Г. Саушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – С. 111–134.
16. Современные проблемы географии (к 85-летию кафедры экономической географии СГУ). Сб. научн. трудов. – Саратов, 2011. – 166 с.

17. Степанов П.Н.. Страницы автобиографии (к 90-летию со дня рождения). Доклад на расширенном заседании кафедры экономической географии СССР МГУ 18 октября 1977 г. (рукопись).
18. Шувалов В.Е., Лукашов А.А. Александр Григорьевич Кауфман (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2007. – № 5. – С. 86.
19. Экономическая география в СССР. История и современное развитие / Под ред. Н.Н. Баранского, Н.П. Никитина, В.В. Покшишевского и Ю.Г. Саушкина. – М.: Просвещение, 1965. – 664 с.

Архивные материалы

20. Карточки преподавателей общественных дисциплин МГУ за 1927 г. // ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 5. Д. 154. С. 24, 80, 82.
21. О принятии в число приват-доцентов магистранта Владимира Дена // ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 67. Д. 199.
22. Приказы по I МГУ с № 3 по № 210 за 1929–1930 гг. [29 дек. 1929 г. – 28 дек. 1930 г.] // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 6.
23. Приказы по МГУ с № 93 по № 185 за 1931 г. [22 июня. – 31 дек. 1931 г.] // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 8.
24. Приказы по МГУ с № 1 по № 185 за 1933 г. [02 янв. – 31 дек. 1933 г.] // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 13.
25. Приказы по МГУ с № 1 по № 160 за 1934 г. [01 янв. – 23 дек. 1934 г.] // Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 15.
26. Протоколы заседания Правления по общим вопросам деятельности университета // ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 1339.
27. Протоколы заседания Президиума Научно-политической секции Государственного ученого совета // ГАРФ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 18.
28. Распоряжения по Наркомату просвещения РСФСР за январь–июнь 1929 г. (04.01–17.06) // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1901.
29. Список кафедр, кабинетов, лабораторий географического отделения МГУ от 24/IX–1931 г. // ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 1609. Оп. 5. Д. 190. Л. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агирречу Александр Антонович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: agir@mail.ru

Алексеев Александр Иванович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alival@mail.ru

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vbaburin@yandex.ru

Битюкова Виктория Расуловна – доктор географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: bituykova@yandex.ru

Гладкевич Галина Ивановна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dolph-glad@mail.ru

Горячко Мария Дмитриевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mgoryachko@yandex.ru

Даньшин Александр Иванович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alivda@yandex.ru

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nzubarevich@gmail.com

Казьмин Михаил Анатольевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: makazik@mail.ru

Кириллов Павел Линардович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: linard@mail.ru

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: almah@mail.ru

Попов Алексей Александрович – кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexey.porov1982@gmail.com

Савоскул Мария Сергеевна – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: savoskul@yandex.ru

Сафронов Сергей Геннадьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: saffff@mail.ru

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН. E-mail: vshuper@yandex.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» В 2014 ГОДУ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL STUDIES	№
Бабурин В.Л. Взаимосвязь расселения и размещения производства	4
Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии	2
Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению	3
Войнов Д.А. Роль политического фактора в международном разделении труда: радикально-географический подход	1
Гладкий А.В. Сущность агломерационного эффекта территории и его влияние на прибыльность регионального развития предприятий	2
Гонтарь Н.В. Рыночные и государственно-административные механизмы капитализации территории	2
Даньшин А.И. Современные тренды и приоритетные направления развития отечественной агрогеографии	4
Докучаев Д.С. Онтология регионализма	1
Карлова Е.В., Харченко С.В. О связи географических границ городских вернакулярных районов с природными рубежами (на примере крупных городов Центральной России)	2
Королёв А.А., Яблоков В.М. Модель транспортной освоенности территории на основе теории фракталов	1
Лейзерович Е.Е. Об основных экономических районах (макрорайонах) России	3
Савоскул М.С. Становление и развитие миграциологии в России: опыт междисциплинарного исследования	4
Шупер В.А. Территориальная самоорганизация общества как область исследований и учебная дисциплина	4
МЕТОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ METHODS OF REGIONAL STUDIES	
Битюкова В.Р. Интегральная оценка экологической ситуации городов России	4
Боровикова Т.В., Филинов В.А. Региональный интеллектуальный потенциал: методика оценки	3
Гладкевич Г.И. Экономико-географический подход к оценке территории в природопользовании	4
Имангалин А.Ф. Факторы и типы кластеризации объектов уличной торговли в большом городе	1
Колдобская Н.А. Исследование трансформации экологической ситуации с помощью интегральных индексов и рейтингов (на примере столиц постсоветских стран)	3
Морачевская К.А. Методические подходы к исследованию пространственной организации научных сообществ (зарубежный опыт)	3
Попов А.А. Пространственно-временной анализ факторов ценообразования на рынке жилой недвижимости Москвы	4
Сомов Э.В. Математико-картографическое моделирование доступности центра города на общественном транспорте при оценке транспортной обеспеченности населения г. Москвы	1

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ REGIONAL ANALYSIS

№

Бабурин В.Л., Земцов С.П. Регионы-новаторы и инновационная периферия России. Исследование диффузии инноваций на примере ИКТ-продуктов	3
Бояр А.А. Дифференциация «полезности», получаемой государствами от участия в интеграционной группировке	2
Волошенко К.Ю., Кузнецова А.Л. Балансовая модель управления региональным развитием: проблемы и новые возможности для специфических территориальных условий	3
Иванова Н.В. Механизмы сетевого реосвоения агроэкономического пространства в регионах России	1
Колчев А.Н. Подходы к анализу территориальной структуры банковской системы	2
Кузнецова О.В. Проблемы оценки федеральной инвестиционной политики как фактора регионального развития	4
Петрова Е.Г. Природно-техногенный риск как проблема регионального развития	1
Суржиков В.И. Экономико-географическое положение муниципальных образований как фактор развития их внешнеэкономической деятельности (на примере Приморского края)	1
Шмарин А.А., Шмарин А.П. Оптимизация модели взаимодействия участников рынка пассажирских перевозок (на примере г. Оренбург)	2
Эм П.П. Городские агломерации как системы размытых центральных мест (на примере стран корейского полуострова)	3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Алексеев А.И. Человек и природа в развитии сельской местности Нечерноземья	4
Горячко М.Д. Оценка влияния крупных инвестиционных проектов России на социально-экономическое развитие регионов	4
Елагин С.А., Евдокимов М.Ю. Общие и географические особенности результатов выборов в Смоленскую областную думу пятого созыва	2
Казьмин М.А. Земельный оборот в постсоветской России: территориальные особенности формирования и развития	4
Корниенко О.С. Сравнительная оценка потенциалов регионов Дальнего Востока	1
Куричева Е.К. Территориальная трансформация новой Москвы под воздействием жилищного строительства	1
Ткаченко Г.Г. Экономико-географическое положение как фактор интеграции субъектов Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии	3
Трейвиш А.И., Литвиненко Т.В. Восточная Россия: уточнение понятия и некоторые особенности современного развития	3
Шишелов М.А. Динамика, структура и проблемы развития регионального лесопромышленного комплекса (на примере Республики Коми)	3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ REGIONAL PROBLEMS ARE IN THE MODERN WORLD

Голяшев А.В. Отраслевая специализация штатов США в межрегиональном товарообмене	2
Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран	4

	№
Карякин В.В. Природные ресурсы Арктики – источник конфликтогенности и вызовов региональной стабильности	1
Кузнецов А.В. География российских прямых инвестиций в Латинской Америке	3
Мезенцева Н.И., Батыченко С.П. Территориальная дифференциация заболеваемости населения Украины	2
Меркушева О.А., Омата Т., Тихоцкая И.С. Принципы регионального развития в Японии на местном уровне (на примере префектуры Яманаси и деревни Косугэ)	3
Подольская Я.М. География офшорных юрисдикций Британских островов: коронные земли до и после финансового кризиса	1
Потоцкая Т.И. Геополитические интересы России на постсоветском пространстве: южная граница	1
Шуканов П.В., Логвин М.М. Геоэкономические аспекты устойчивого развития мира	2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION

Акимжанов Х.Р., Сафронов С.Г. Социально-экономическая трансформация территориальной структуры Карагандинской агломерации	2
Благовестова Т.Е., Школьников А.С. Территориальная дифференциация качества жизни населения Смоленской области: объективная и субъективная оценка.	2
Житин Д.В. Родной язык как индикатор ассимиляционных процессов в Российской Федерации	2
Забураева Х.Ш., Краснов Е.В. Об этногенетических особенностях населения регионов северо-восточного Кавказа и их классификации	2
Клоков К.Б., Хрущев С.А. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера	1
Махрова А.Г., Кириллов П.Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации	4
Пьянкова А.И. Методические проблемы сопоставимости данных переписей населения 2002 и 2010 годов (на примере Московской области)	1
Савоскул М.С. Социально-пространственные связи высококвалифицированных мигрантов из России и Украины во Франкфурте-на-Майне	2
Сидорович А.А. Региональный анализ трансформации трудовых ресурсов потенциала Беларуси в начале XXI в.	3
Темиргалеев Р.Ф. Современные тенденции в рамках городских агломераций США	3
Шеломенцева М.В. Методология формирования информационно-аналитической базы исследования трудовых ресурсов региона	2
Щитова Н.А., Белозеров В.С., Соловьев И.А. Опыт регионального исследования адаптационно-интеграционных стратегий иностранных мигрантов в Ставропольском крае	3

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА REGIONAL REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TOURISM

Карасев А.С. Методика оценки использования туристско-рекреационного потенциала региона	3
Ковалев Ю.П. Методика разработки концепции формирования локальных туристских кластеров	3
Королев А.Ю. Полосы недоступности Пермского края	1
Нездойминов С.Г. Экологизация туризма как фактор устойчивого развития туристских регионов	1

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT

Блануца В.И. Типология региональных почтовых сетей досоветской Сибири	3
Голичев В.Д., Голичева Н.Д. Социально-экономические последствия первой мировой войны в Смоленской губернии: демографический аспект	1
Савченко А.Б. Развитие организационно-территориальной структуры России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках	3

ИСТОРИЯ НАУКИ THE HISTORY OF SCIENCE

Агирречу А.А. Становление и первые десятилетия развития кафедры экономической географии СССР (России) Московского университета: опыт историко-географического исследования	4
Булгакова А.И. Камеральная статистика, коммерческая и хозяйственная география как направления в отечественной общественной географии XIX – начала XX века	2
Шупер В.А. Региональные исследования: неизвестное наследие М.К. Петрова	2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Агирречу А.А. Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы	1
--	---

НАШИ ЮБИЛЯРЫ ANNIVERSARY

Владимиру Павловичу Максаковскому – 90 лет	2
Юбилей Владимира Ефимовича Шувалова	2

ПОТЕРИ НАУКИ LOSS SCIENCE

Памяти Сергея Сергеевича Артоболевского (1953–2014)	1
Тархов С.А. Памяти коллеги Евгения Ефимовича Лейзеровича (1927–2014)	3
Список основных работ Е.Е. Лейзеровича (в хронологическом порядке)	3

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует научные статьи по методологии, теории, методике и практике региональных исследований в России и за рубежом. Статьи, принимаемые к публикации в журнале, должны, как правило, излагать наиболее существенные, законченные и еще не опубликованные результаты научных исследований.

При публикации предпочтение отдается следующей тематике статей: региональный анализ, региональная диагностика, региональное развитие, региональная политика, экономическая, социальная, культурная, политическая и рекреационная география, региональная и пространственная экономика, региональная социология, политическая регионалистика, а также обзоры литературы и рецензии, информация о проведенных значимых научных мероприятиях по проблемам социально-экономической географии и региональных наук.

Редакция просит авторов при подготовке статей руководствоваться изложенными ниже правилами. Статьи, оформленные без их соблюдения, будут возвращаться авторам без рассмотрения по существу.

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,0 авторского листа (40 тыс. знаков)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.pdf., *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- статьи должны быть структурированы. Рекомендуемая стандартная рубрикация разделов: введение и постановка проблемы; обзор ранее выполненных исследований; полученные результаты и их обсуждение; выводы
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения об ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редколлегия